

БЛОКАДНЫЕ БУДНИ В ДНЕВНИКАХ А. П. КРАЙСКОГО И Е. П. КРАЙСКОЙ

(Публикация Т. А. Кукушкиной, Л. Д. Зародовой)

Авторы публикуемых дневников – поэт, видный деятель петроградского Пролеткульта, литературной группы «Космист», один из руководителей пролетарских объединений Петрограда/Ленинграда Алексей Петрович Крайский (наст. фам. Кузьмин; 1892–1941) и его жена Елизавета Петровна Крайская (урожд. Богданова; 1898–конец 1960-х). Дневник Крайского военного и блокадного периода является продолжением его предыдущих записей 1930-х–начала 1940-х гг. Первая запись военного времени сделана 22 июня, последняя – 28 нояб. 1941 г., менее чем за две недели до смерти от истощения, 11 дек. 1941 г. Елизавета Петровна стала вести дневник после смерти мужа, начинается он 3 мая 1942 г., заканчивается 22 июля 1945 г. Оба дневника отражают почти весь период войны и блокады, за исключением самых тяжелых месяцев конца 1941–начала 1942 г.

Имя Крайского известно сейчас лишь узкому кругу историков литературы. Между тем в первые пореволюционные годы он считался восходящей звездой пролетарской литературы, «поэтом грядущих дней», его стихи уже тогда входили в антологии пролетарской поэзии.¹ Самобытность Крайского среди пролеткультовских поэтов, «широкий размах» замыслов, «почти космический угол зрения», работу над новыми формами стиха отметил В. Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии».²

Он родился в Новгороде в семье отставного солдата, служившего сторожем скотобойни; мать – крестьянка, по профессии – портниха. Начальное образование получил в церковно-приходской школе и городском училище. С 14 лет работал весовщиком, багажным кондук-

¹ Пролетарские писатели: Антология пролетарской литературы / Сост. С. Родов; Под общей ред. П. С. Когана. М., 1924. С. 341–346 (далее – Пролетарские писатели); Пролетарские поэты: Антология / [Сост.] Вл. Кириллов. М., 1925. С. 31.

² Печать и революция. 1922. № 7. С. 65.

тором, ремонтным рабочим на железной дороге, состоял учеником на телеграфе. Некоторое время слушал лекции по истории русской и западноевропейской литературы в вечернем Народном университете, но «знания и любовь к литературе, — отмечал он впоследствии, — приобрел исключительно самообразованием».³ В 1911 г. приехал в Петербург на заработки; служил приказчиком и конторщиком в торговой фирме. В 1917 г. был призван в царскую армию рядовым запасного пехотного полка, но вскоре отчислен по состоянию здоровья. После революции служил в Красной Армии в составе Театрально-драматургической мастерской.

Первые стихотворные опыты (пародии на хозяев) относятся к 1912 г.; с 1916 г. публиковал в газетах зарисовки из жизни народа, проникнутые состраданием к униженным и оскорбленным, антивоенные стихотворения. В раннем творчестве испытал сильное влияние поэзии символистов, в произведениях ощутимы декадентские настроения, мотивы скорби и одиночества человека в мире: «В маленьком городе глухо, / Глухо, уныло и вяло... / Жизнь, больная старуха, Глаза закрывает устало! / <...> Сонные улицы. Стаей / Сонные галки на крышах... / Печаль твою кто разгадает, / Кто сердце твое услышит?».⁴

Постоянная литературная деятельность, «жизнь без оглядки»,⁵ началась с 1917 г. после знакомства с поэтом Я. П. Бердниковым,⁶ который и свел его с кругом писателей, объединившихся в Пролеткульт. Стихи и поэмы пореволюционного периода, проникнутые типичными для пролеткультовской эстетики настроениями самоотречения, пафосом преображения мира, упоением свободой, динамичные и экспрессивные, снискали Крайскому славу «буйного молодого таланта»,⁷ «недужинного поэта», отличающегося поэтическим вкусом и мастерством.⁸ Их наперебой печатали в пролеткультовских журна-

³ Из автобиографии от 10 авг. 1922 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 109, л. 1).

⁴ Из стихотворения 1916 г. «Глушь» (Там же, № 13, л. 2).

⁵ [Автобиография] // Пролетарские писатели. С. 342.

⁶ *Бердников Яков Петрович* (1889–1940) – пролетарский поэт. Основные темы поэзии – тяжелый труд рабочих до революции, радость освобожденного труда, гибель старой Руси и рождение новой России. Воспоминания Крайского о нем «Первый живой поэт» см.: *Шацева Р. А. П. Крайский*. Известные стихотворения и воспоминания // *День поэзии*. 1967. Л., 1967. С. 50.

⁷ *Князев В.* Первая книга толстого пролетарского журнала // *Красная газета*. Утр. вып. 1921. 18 июня. № 129. С. 4.

⁸ *И. Я. [И. И. Ясинский]*. Среди книг и журналов // *Петроградская правда*. 1922. 29 янв. № 22. С. 4.

лах и сборниках. Но уже в первой книге «Улыбки солнца» (1919) проявились более свойственные Крайскому лирические интонации мечтательности и задушевности.

В 1921 г. вышла небольшая книжка рассказов Крайского «То, что было», занятных по фабуле, как отмечала критика, но неглубоких по содержанию.⁹ Его пьесы и инсценировки на социальную тематику, рассчитанные на неискушенного зрителя, ставились в пролеткультовских и рабочих театрах и пользовались успехом. Особое признание получила пьеса «Жизнь вверх ногами» (1926), «талантливо написанная, занимательная и смешная комедия», в которой «всюду рассыпан остроумный, здоровый, естественный юмор».¹⁰ Герой пьесы, купец Абрикосов, отправившийся еще до революции к самоедам за котиками, возвращается в Москву через 9 лет. Жизнь уже перевернута «вверх ногами», а сам он кажется выходцем с того света и попадает в нелепые ситуации, заканчивающиеся арестом и приводом в ГПУ.

В начале 1920-х гг. поэт пережил идейный и творческий кризис, мучительное разочарование в новом строе, который недавно искренне приветствовал. В произведениях и дневниковых записях этого времени неоднократно возникает тема совести: «Люди валяются не от холеры – от голода... А я... еще пишу гимны Петроградской коммуне. Стыдно».¹¹ Он пытался отойти от пролеткультовских штампов, писал стихи о простых ценностях человеческого бытия, пронзительно искренние и нежные. В архиве сохранились шуточные стихи «для себя»: «Так легко написать поэму / Про завод, про машинный рай. / Индустриальную тему / Точи, шлифуй, строгай. <...> / Но сердце мое – земное, / Любит сегодняшний снег, / Грядущее – что такое? / Не поповский ли рай – „Маховик“?». ¹²

⁹ Пчелинцев И. [Рец.] // Кузница. 1922. № 9. С. 40.

¹⁰ Дзюбенко А. Смех и отдых // Резец. 1926. № 16. Апр. С. 6.

¹¹ Запись 16 июля 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 111, л. 22 об.).

¹² Там же, № 15, л. 7 об. *Грядущее* – аллюзия на литературно-художественный журн. «Грядущее», издававшийся Петроградским Пролеткультом в 1918–1921 гг. В 1921 г. Крайский был секретарем журнала. Поэт полемизирует с деятелями Пролеткульта, отвергавшими живое бытие во имя жесткого строительства светлого будущего, в частности, с И. И. Садофьевым (1889–1965), автором сборника «Динамо-стихи» (1918) и поэмы «Индустриальная свирель» (1920–1921), утверждавшим: «Мы вышли первыми и первыми смело идем / На зов иных времен, сомкнуто-тесным строем... / Гнетущих лет наследье сжигаем Творческим огнем, / Узорные, Светлые зданья Грядущего строим...» («Пролетарским поэтам»). В 1923 г. отношения между поэтами осложнились соперничеством за руководство пролетарскими организациями, когда председателем Петроградской ассоциации пролетарских писателей, созданной на основе группы «Космист», стал Крайский. 1 сент. 1923 г. он записал в дневнике: «Со-

Пессимистические настроения и внутренний надлом ощутимы во второй книге стихов «У города-разбойника» (1922), построенной на контрастном изображении старого Петербурга и Петрограда, города революционных преобразований. Прорекларированное поэтом стремление освободиться от «черного омута призрачных огней», шагнуть «вперед», к «светозарным дням», выглядело в книге схематично и неубедительно. Лучшими оказались стихи о Петербурге, бесприютности человека в сумрачном, ветреном городе, наполненном неясными тенями, липким туманом, омертвелыми строениями, которые можно по праву отнести к так называемой петербургской поэзии.

Довольно скоро его стали называть одним из «наименее пролетарских поэтов» Петрограда,¹³ склонным к печали и «мягкому разду-мью»,¹⁴ в творчестве усматривали «отголоски буржуазной поэзии», неактивное отношение к жизни и «два лика» Крайского.¹⁵ И сам он признавался, что «название пролетарского поэта получил по социальному положению и происхождению; по творчеству же – я больше романтик».¹⁶ А в стихах «для себя» с горечью писал: «Беда лирическим поэтам! / В оранжерее красоты / К великолепнейшим букетам / Простые не идут цветы. / Уже сокращены по штатам / – Рука хозяина строга – / Сентиментальные стихшата, / Как полевая мелюзга».¹⁷ Он был чужд литературной борьбе, к группировкам примыкал, как пишет сам, оттого, что «некуда было деться», и в лагере пролетарской литературы, в сущности, был «внутренним эмигрантом».

В конце 1920-х гг. он почти полностью отошел от творчества, болезненно переживал срыв поэтического мастерства, свою ненужность этой «напряженной, железной и лицемерной эпохе».¹⁸ «Дела обернулись так, что если оставаться последовательным, действовать просто и честно, то надо бросить <...> все. <...> Ужасное подзуживание друг

ставился заговор свержения Садофьева и передачи власти Зиновьевскому кружку. Боюсь, что рано заварил кашу. Сил лит<ературных> не хватит» (Там же, № 112, л. 29). Садофьеву посвящено стихотворение Крайского 1923 г. «Вишневые сады» («Я по книгам, лишь по книгам знаю / Про вишневые, про нежные сады, / Где снежинками по воздуху летают / Белые душистые цветы»). «*Маховик*» – газета Петроградского губернского совета профсоюзов (1921–1923).

¹³ *Фиш Г.* Сегодня солнце улыбается // Красная газета. 1922. 16 сент. № 209. С. 6.

¹⁴ *Жуков П. А.* Крайский // Литературный еженедельник. 1923. № 41. 21 окт. С. 10.

¹⁵ *Оксенов Инн.* За нами (Литературные портреты) // Там же. № 11. 17 марта. С. 11.

¹⁶ Ал. Петр. Крайский. [Автобиография] // Красная панорама. 1926. № 28. Июль. С. 13. Автограф автобиографии датирован 28 янв. 1924 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 109, л. 3).

¹⁷ Стихотворение 1928 г. (Там же, № 31, л. 18).

¹⁸ Из письма В. В. Князеву 1930 г. (РО ИРЛИ, ф. 584, № 29, л. 1).

друга, пользование всеми средствами, чтобы отстоять свою точку зрения – все это действует на меня», – писал он жене.¹⁹ Немногочисленные стихи и поэмы второй половины 1920-х гг., перепевающие тему изменения судьбы человека в социалистическом мире, написанные бодрым, пропагандистским тоном, не прибавили к его поэтическому облику дополнительных черт. Две последние книги стихов «На панельных квадратах» (1930), «Лирика. Избранные стихи. 1917–1937» (1939), составленные в основном из ранних произведений, не имели резонанса в печати. «Отставной лирик А. Крайский» – с горькой иронией называл он себя.²⁰

Последующие годы занимался литературно-организационной работой, был широко известен как руководитель литературных кружков, автор популярных учебных пособий, выходивших в 1927–1929 гг. под общим заглавием «Что надо знать начинающему писателю». Среди его учеников-кружковцев 1920-х гг. и участников семинара в Рабочем Литературном университете им. М. Горького (1930-е) – Д. И. Лаврухин, Б. П. Корнилов, З. Л. Дичаров, Б. А. Кежун, Е. П. Серебровская, А. А. Прокофьев,²¹ посвятивший Крайскому стихотворение «Товарищ» («Я песней, как ветром, наполню страну...»). Его любили, к нему тянулись. А. Прокофьев вспоминал о нем как об «очень душевном человеке и хорошем педагоге», чье дружеское участие он «ощущал на протяжении ряда лет».²² «В ту пору Крайскому было лет сорок. Широкий в плечах, крепкой кости мужчина, он был нетороплив и в речи, и в движениях, – рассказывает о нем З. Дичаров. – Какой-то неизменной внутренней устойчивостью, душевной чистотой привлекал к себе всех, кто его знал. <...> Ровен. Немногословен. Добродушен».²³

¹⁹ Из письма от 28 февр. 1926 г. (Там же, ф. 837, № 153, л. 73).

²⁰ Так он надписал книгу «На панельных квадратах», подаренную В. В. Князеву (Там же, ф. 584, № 53, л. 38). Обложка книги с автографом Крайского вклеена в альбом Князева.

²¹ Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – поэт. В период Советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной войн был военным журналистом, входил в писательскую группу при Политуправлении Ленинградского фронта. Его боевые агитационные стихи, частушки, песни, лозунги, стихотворные фельетоны регулярно печатались в газетах. В 1945–1948 и 1955–1965 гг. – ответственный секретарь ЛО СССР.

²² Советские писатели: Автобиографии в двух томах. М., 1959. Т. 2. С. 267. «Прокофьев – замечателен. Горжусь, – мой ученик!», – отметил Крайский в дневнике (РО ИРЛИ, ф. 837, № 20, л. 169).

²³ Дичаров З. Огонь его души // Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 323. См. также:

В 1912 г. с юношеской бравадой Крайский записал в дневнике: «Я – фразер, лгун, фантазер... / Я – артист, поэт в душе, / Непризнанный талант...».²⁴ Слова эти оказались пророческими. В художественном отношении поэтическое наследие Крайского неравнозначно, и в истории литературы он остался непризнанным и не реализовавшим себя талантом. Но блестящие образцы пролеткультовской поэзии и отдельные лирические стихи, до краев наполненные безмерной тоской, щемящей нежностью и сострадательной любовью к человеку, достойны внимания читателя.

Последнее (известное) стихотворение Крайского «Огонь» написано 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны. Он остался в Ленинграде; призыву в армию не подлежал по болезни (язва желудка), а на выезд из города не было денег. Удерживала и неизвестность с дочерью. 13-летняя Светлана²⁵ была эвакуирована Литфондом из пионерского лагеря, заболела скарлатиной, жаловалась на нехватку питания и слезно просилась домой. Первое время родители даже думали забрать ее, но война опрокинула жизнь.

Пока были силы, Крайский работал литературным консультантом в «Ленинградской правде» и газ. «На страже Родины»,²⁶ писал очерки для военных сборников Союза писателей, участвовал в строительстве оборонительных сооружений. «Я ходил и окопы, как ты называешь, рыть (а это вовсе и не окопы: это мышеловки для танков), – рассказывал он в письме дочери, – ходил рыть могилы фашистам, а теперь пойду маршировать и обучаться владеть винтовкою и гранатой. <...> Понятно, что и пишем понемножку, но денег пока за это не получил».²⁷ В августе он мог уехать военным интендантом на Кавказ, как и его друг, писатель С. А. Купер.²⁸ «Он сделал все, чтобы утащить

Виноградов И. Слово о старшем друге // Там же. С. 328–330. Один из его учеников, Г. С. Курнев, посвятил памяти Крайского, «предвоенного учителя и советчика», стихотворение «Баллада судьбы»: «Пусть не достиг я жизни райской, / За хвост жарптицу не ловил, / Но буду вечно помнить – Крайский / На бой и стих благословил» (Знамя. 1985. № 2. С. 89).

²⁴ Запись 5 янв. 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 110, л. 42 об.).

²⁵ *Крайская Светлана Алексеевна* (1928–1991). Вернулась из эвакуации в июне 1944 г. Работала на секретарских должностях в канцеляриях различных учреждений.

²⁶ Печатный орган Ленинградского военного округа (с февраля 1938 г.). Издается с мая 1918 г. под разными названиями: «Красная Армия», «Вооруженный народ», «Боевая правда», «Красная звезда».

²⁷ Из письма от 27 июля 1941 г. (РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 8 об.).

²⁸ *Купер Семен Анатольевич* (наст. имя Соломон Натанович; 1896–1973) – прозаик. Автор романа «День Марии» (1938), сборников рассказов «Полуторакрытый ястребок» (1943), «Земля и небо» (1944–1945). Участник Советско-финляндской войны (1939–

и меня, — пишет в дневнике Крайский. — Но две вещи, „вещи несовместные“, во всяком случае, разные, не позволили мне выбраться, отвлечение к окольным путям (вернее — неумение ходить по ним) и безденежье».

Как и многие писатели, он относился к своему дневнику как к историческому документу, фиксируя события в городе и на фронте, бытовые детали, продуктовые нормы, слухи, ползущие по городу. Об этом писали многие ленинградцы. В его дневнике отражен спектр настроений горожан и его собственных в первые месяцы войны и блокады, когда город еще во многом жил инерцией мирного времени, не устоялась и не сорганизовалась **другая** жизнь, и блокадная трагедия только приближалась к своему апогею. Он отмечает патриотический подъем, ненависть к фашистам, веру в скорую победу и одновременно — растерянность, неразбериху, ожидание конца, ощущение беззащитности и обреченности.

Алексей Петрович осторожен в суждениях и оценках, тем не менее многие события осмысляются им критически, с неожиданной стороны, и в рассказах ощущается боль за свое, родное, что должно быть иначе, достойнее. Он пытается понять, как могло случиться, что через 2 месяца немцы оказались под Ленинградом, почему город так не подготовлен к войне, почему его должно защищать плохо обученное ополчение, которое вооружают пиками, а винтовку дают одну на двоих. «Это значит, что предпочли самоубийство, — пишет он в начале сентября. — Это — героизм. Однако город полон и женщин, и детей. Их подвергают и самоубийству, и убийству. Город мой будет разрушен».

В дневнике неоднократно говорится об отсутствии правдивой информации в газетах, «полных энтузиазма и скрытых угроз». Он приводит, в частности, свидетельства очевидцев, как непросто формировалось ополчение, как не все с энтузиазмом шли на фронт, как рабочих одного завода заперли в цеху, раздали винтовки, а они разломали забор и ушли, и сговорились не приходить на следующий день. А в газетах «статьи о Ленинграде такие, как будто мы побеждаем. Город укрепляется». «Ничего не понять, ничего мы не знаем», —

1940). Был дружен с Крайским, в шутку называвшим его «Сенимор Купер». Летом 1941 г. совместно с Крайским работал над сценарием фильма о подвигах моряков «Чайкин остался в море». Сценарий не был принят; на его основе авторы написали повесть с тем же названием, сохранившуюся в архиве Крайского. Служил в штабе Закавказского военного округа, участвовал в боях за Кавказ и Кубань (1941–1943), затем — в 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта офицером по «направлениям в оперативном отделе» в звании майора (ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 3, № 118, л. 5, 10 об.).

с недоумением пишет Крайский. «И вообще о налетах на Л<енин-град> газеты молчат, – отмечает он в конце сентября, – как будто налетов не было». Сам он подробно фиксировал количество и время бомбежек, улицы и номера разрушенных домов, описывал поведение жителей, собственные ощущения и переживания, животный страх во время первых бомбежек, апатию и безразличие последующих месяцев, когда вплотную подступал голод, и становилось все равно – где и от чего умереть. Сравнивая записи Крайского о бомбежках с опубликованной хроникой блокады, убеждаешься в их исключительной, почти до минуты, точности.

Осенью с уменьшением продуктовых норм у него обострилась язва желудка, и он слег. Он понимал, что обречен, сетовал на братьев-писателей, забывших о нем, одиночество и ненужность, физическую боль. Но по-прежнему следил за событиями, записывал все, что происходило в его «ограниченном мире», «для истории, если сохранится тетрадь», и – верил в победу. Несмотря на пессимистический настрой некоторых записей, дневник Крайского отличает общая позитивность тона. За месяц до смерти он записывает: «Ленинград громят и сверху, и снизу. Дальнобойные становятся непрерывны <...> Снаряды летят и справа, и слева. <...> Во всяком случае, наши орудия не могут разгромить вражеские, да и молчат наши орудия. Плохо твое дело, Ленинград! Плохо твое дело, Россия! Но Россия не только – сфинкс. Россия – феникс! Это я знаю». И через несколько дней, под грохот снарядов, уже не в силах встать, уверенно повторяет: «А Россия, все-таки, – Феникс!».

10 дек. 1941 г. жена поэта, Елизавета Петровна, написала письмо А. А. Жданову²⁹ с просьбой о помощи: «Наступила жуткая и полная катастрофа; больной ослаб настолько, что перестал управлять своим телом. Человек, проработавший 25 лет в литературе, идеально честный, бесребреник, всегда строгий к себе настолько, что не допускал никаких халтур, отчего вечно страдал материально. Подтвердить могут Прокофьев, Раковский».³⁰ Письмо осталось неотправленным.

²⁹ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии (1934–1944), секретарь ЦК ВКП(б) (с 1934). Во время Великой Отечественной войны – член военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта. В 1946–1947 гг. – председатель Совета Союза Верховного Совета СССР; член ВЦИК и ЦИК СССР. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 837, № 193, л. 2. Раковский Леонтий Иосифович (Осипович; 1896–1979) – писатель, автор исторических повестей и романов. В 1930-е гг., как

В ночь на 11 дек. Крайский умер от истощения; похоронен 22 дек. на Волковском лютеранском кладбище.³¹ Последняя запись в дневнике о смерти поэта сделана его женой.

О Елизавете Петровне Крайской известно немного. По окончании гимназии она добровольно поступила в Александровскую общину сестер милосердия, в Первую мировую войну работала в госпитале на Западном фронте. В начале 1920-х гг. служила в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) в Москве; в 1924 г. вышла замуж за Крайского, оставила учебу в медицинском институте, была любящей женой, другом и помощником мужа. С юности мечтала о литературном труде, писала «для себя» стихи и рассказы. В середине 1920-х гг. пыталась опубликовать в журн. «Красная новь» свой роман «В тылу», но в печати он не появился. В блокадное лихолетье строила оборонительные сооружения, была начальником звеньев групп самозащиты жилых домов,³² выполняла все, что выпало на долю ленинградцев. «Лиля держала себя героически, – записал Крайский в дневнике. – Вела мужчин на чердак, тушить бомбу. Успокаивала женщин ровным, убе-

и Крайский, руководил литературными кружками; в 1930 г. оба писателя входили в правление ЛО ВССП. Остался в блокадном Ленинграде, был корреспондентом газет «На страже Родины», «В защиту Ленинграда». Написал серию рассказов «Новыехождения храброго солдата Швейка», которые распространялись для перепечатки в армейских и фронтовых газетах. В 1942 г. эвакуирован в Великий Устюг.

³¹ На могильной плите выбиты слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голод – название ему» (сообщено М. И. Рыжовой). Долгое время считалось, что поэт погиб на фронте, в народном ополчении (Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. Стб. 797). Неточные сведения о его смерти в столовой Дома писателей им. Маяковского приведены и в книге П. Н. Лукницкого «Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны» (М., 1971. Кн. 1. С. 403). И недавно, когда в печатных источниках уже была достоверная информация о гибели Крайского, появился такой пассаж: «И этот человек на шестидесятом году жизни добровольно ушел на фронт. Боевой опыт у него – солдата Первой мировой войны – уже был. Сражался поэт-ополченец храбро. Ради победы не щадил себя. И вот сегодня погиб...» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2011. С. 156–157).

³² Группы самозащиты – гражданские формирования МПВО, создававшиеся на предприятиях, в учреждениях и жилых домах согласно постановлению СНК от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к ПВО». 11 июля 1941 г. Ленгорисполком принял решение о всеобщей обязательной подготовке населения в возрасте от 16 до 60 лет к противовоздушной обороне. Группы состояли из нескольких звеньев (пожарное, медико-санитарное, химическое, связи и т. д.) и обеспечивали своевременное укрытие населения в убежищах, оказывали доврачебную помощь раненым, ликвидировали последствия бомбежек и артобстрелов. Комплектовались преимущественно из домохозяек, пенсионеров, школьников старших классов. См. также примеч. 13, 23, 24, 40 к дневнику Е. П. Крайской.

дительным голосом». И всеми силами старалась поддержать слабоющего мужа, под бомбежками, через весь город, ходила в Союз писателей за обедом для него, когда он уже не вставал.

С воспоминаний о нем и начинается ее дневник, который она вела с 3 мая 1942 по 22 июля 1945 г. В гибели мужа она винит и войну, и власть, и руководство Союза писателей, не поддержавшее его. И беспощадный приговор выносит себе за то, что не спасла «одного из лучших, <...> единственного, неповторимого». «...ужас был в том, — пишет она, — что на вопрос его: „Чем ты меня будешь кормить?“ — я должна была сказать: „Ничем“».

Как и во всех блокадных дневниках, есть здесь записи о хлебных нормах, бомбежках, саночках с мертвецами, оставленных и освобожденных городах. Ее дневник, рядовой ленинградки, выжившей в самый страшный период блокады на «иждивенческой», смертной карточке, необычен откровенностью и жесткостью описаний. Он предельно эмоционален, переполнен неизбывной болью утраты любимого человека, суждениями о власти, погубившей миллионы жизней, леденящими зарисовками блокадных будней. Она писала «для себя», выплескивая весь ужас запредельного блокадного существования, и своего, и чужого. Здесь нет описаний культурной жизни города и героического поведения ленинградцев. Есть будни, когда «все вопят кругом только о хлебе», когда «нет конца страданиям», и порой уже кажется — «все что угодно, штурм, морг, только бы поскорей, нет сил».

Дневник заполнен сюжетами, о которых, пишет она, «нельзя говорить»: о женщине, уличенной в воровстве и попавшей в камеру к людоедам, о другой, потерявшей мужа, и в психическом состоянии на почве голода повесившей свою трехлетнюю дочь, и покончившей с собой, и о себе самой, «с полным сознанием своей правоты» воровавшей хлеб у человека, «который имел четыре карточки», и еще многое о том, «как голод может разъединить самых близких и, казалось, любящих людей».

Рассказы о поведении и настроениях ленинградцев, изломанных, обезумевших от голода, добровольно сводивших счеты с жизнью, исполняющих «ненужные распоряжения» под страхом трибунала, «изпод “кнута”», проклинающих всех и вся», раскрывают оборотную сторону сложившегося стереотипа «беспримерного массового героизма» жителей блокадного города. «Герои?.. — пишет она в 1943 г. — Все мы вынужденные герои. Тупое безразличие, а не героизм».

Есть в дневнике и другой Ленинград, сытый, крепкий на вид, призывающий к дисциплине, «к работе в сто лошадиных сил», грозящий

трибуналом женщинам-мумиям. Это работники столовых и продбаз, приспособленцы и рвачи, командиры разного уровня, о которых она говорит с презрением. «А наряду с этим, – пишет она, – травку собирают голодные жители, вырывают крапиву, одуванчики, ветки различные с почками. <...> Ест траву и глотает воду несчастный Ленинград».

Записи поражают внутренней свободой и смелостью высказываний о советском строе, который она не принимала, репрессиях 1930-х гг., руководителях блокадного города, ввергших ленинградцев в «жуткий, невероятный, неопиcуемый голод». Она не могла не понимать, что ждет ее, если дневник попадет в чужие руки.³³ Но писала без оглядки, как может позволить себе человек, издевавший муки, после которых уже не страшно называть одного из руководителей города, распинавшегося летом 1942 г., «что голод, как таковой, изжит», «толстой скотиной», и прочить Сталину терновый венец «до мозга, до сердца» «за миллионы погибших в зиму 1941 года, за миллионы погибших в годы 38–39, за ежовщину, за лишенцев, за паспортизацию, за золото».³⁴ «Как плохо жить с умом скептика», – завершает она подобные записи.

Вопреки всему Елизавета Петровна сумела выстоять, сохранить человеческое достоинство, милосердие и сострадание к «задавлен-

³³ 6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, согласно которому виновные в распространении «в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет, «если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания» (Правда. 1941. 7 июля. № 186. С. 1).

³⁴ Открытое осуждение большевистского режима содержится и в довоенном дневнике Крайской. «Паспортизация? (Уничтожение для тех, кто его не получил), – пишет она в мае 1933 г. – Спутники ее – нищета, голод, убийства, самоубийства, сумасшествия. Ведь это же не злопыхательство. Весь юг охвачен голодом. Хлеб – 15, 20 – 30 – 40 руб. кил<о>грамм». Симбирск, Саратов, Новороссийск, Новочеркасск и ряд южных губерний буквально издыхают от голода. Рассказы очевидцев, письма: „Собирайте корочки, какие угодно, и шлите нам“. <...> Москва и Ленинград еще барахтаются кое-как. И если мы (моя семья), получая паек, недоедаем (пайка хватает на две недели). <...> 15 лет социализма. Это проклятие, а не социализм» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 188, л. 99, 100 об.). 17 июня 1933 г. она пересказывает письмо А. П. Крайского: «Леша сейчас на Донбассе. Он пишет ужасные вещи. Когда они сидят за обедом на открытой веранде, к ним со всех щелей решетки протягиваются руки... К решеткам прижимаются синие, опухшие лица... Дети, их много, обтянутые плохой кожей, испытанные лица, ручонки... пихаются... „Зачем вы их кормите, это дети кулаков, лишенцев – это дети классового врага“... Так сказал один партиз, обремененный властью. Впрочем, он сказал иначе. Он ругал дающих хлеб... он их, помогающих, причислял к классовому врагу... Записки просовываются с объяснением, как они дошли до жизни такой... В надежде, что ленинградские артисты чем-нибудь помогут. <...> Леша пишет, что ему стыдно с такой рожей ходить, его принимают все за иностранца, и он стыдится им быть» (Там же, л. 103–103 об.).

ным, затперканным, измученным» людям. В дневнике много чужого, пропущенного через себя горя, боли и за себя, и за Россию-Матушку, за свой Ленинград, где теперь, пишет она, упадок культуры и нравственности и «так мало отрадных лиц», «за все человечество, что живет в ужасную эпоху истребления друг друга». Но нет озлобленности и ожесточения. Эти чувства адресуются власть имущим – за горы трупов, за город – пустыню, за гибель мужа.

Ее интонация – интонация жизни. «Живи! Говорю я себе. Коль не умерла в 1941–42». «Надо только сильно желать, надо уметь верить. Надо внутренний стимул». Жить, чтобы воспитать дочь, чтобы стать ей другом, чтобы сохранить в истории память о поэте Алексее Крайском, любимом Лешкинъке. И эта личная победа над «зверем из бездны» – и есть героизм рядовой ленинградки, который сама она отрицает. Может, в такую силу человеческого духа и верил Крайский, когда писал: «Россия – Феникс».

Летом 1942 г. Елизавета Петровна устроилась на автобазу «Главвторчермет»,³⁵ затем – на завод им. А. Марти,³⁶ где и проработала до выхода на пенсию в должности товароведа, инженера. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда» (1943), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Светлана вернулась из эвакуации летом 1944 г. Мать и дочь вместе разбирали архив Крайского, в начале 1960-х гг. подготовили сборник избранных стихотворений, но издание не состоялось по причине «неактуальности».

В дневниках А. П. и Е. П. Крайских рассказана непростая правда о трагедии Ленинграда, о том, как менялся настрой горожан, от патриотического подъема, «ненависти к фашистам», зафиксированных в дневнике Крайского в первые месяцы войны, до открыто оппозиционных, порой пораженческих настроений последующих блокадных лет,³⁷ отмеченных в дневнике Елизаветы Петровны, о той невероятной цене, которую заплатили ленинградцы, чтобы выстоять.

³⁵ *Главвторчермет* – Главное управление по заготовке, переработке и сбыту вторичных черных металлов.

³⁶ Судостроительный завод им. Андре Марти существовал на базе Адмиралтейства. Имя французского коммуниста Андре Марти присвоено в 1922 г. Во время войны назывался «Завод № 194»; с декабря 1957 г. – Адмиралтейский завод; с 1992 г. – Государственное предприятие «Адмиралтейские верфи».

³⁷ Такие настроения в блокированном городе не были единичными и не составляли тайны для местной и центральной власти, регулярно получавшей спецсообщения НКВД о критических высказываниях горожан. См.: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада (Документы, приложения). СПб., 2004. Кн. 2.

Публикуемые дневники поступили в Пушкинский Дом в составе архива А. П. Крайского, переданного зятем поэта, В. С. Степиным. Дневник А. П. Крайского состоит из пяти тетрадей, в основном заполненных чернилами, иногда – карандашом, и хранится под шифром: ф. 837, № 112, л. 100–108 (общая тетрадь; записи с 22 июня по 14 авг.); № 113, л. 9–57 (четыре ученические тетради; записи с 21 авг. по 28 нояб.). Записи, датированные 13, 21, 22, 23 сент. 1941 г., делались дважды в день в разных тетрадях. Дневник Е. П. Крайской хранится под шифром: ф. 837, № 189. Большая часть записей сделана карандашом; отдельные слова прочитываются с трудом. Орфография и пунктуация в тексте дневников приведены в соответствие с современными нормами. Явно пропущенные слова и сокращенные части слов (за исключением общепринятых) восстановлены в угловых скобках. Авторские вычеркивания, не имеющие значимой смысловой нагрузки, не воспроизводились.

Дневник А. П. Крайского
<Тетрадь первая>

22 июня 1941

Сегодня первое летнее воскресенье. Солнце светит с утра. Светло и тепло. После долгих холодов в природе все кажется обворожительным – и солнце, и зелень, и легкие белые облачка на глубоком небе... Но «равнодушная природа»¹ – действительно равнодушна: мы воюем. С Германией. С Гитлером.

Чего он хотел от нас, что мы требовали – будет известно потом. Многое, очень многое непонятно. Если Англия будет продолжать войну, – Гитлер с ума сошел, чтобы вооружить нас против себя. Вот если они там договорились или договорятся...

Да! Мир горит весь! «Запущенный волчок»² воспламенился.

2 июля

Думал я искренне и честно искренним и честным пером служить отечеству, начал писать, но позвали меня за другим. Позвали самым отвратительным образом. Звонит Женя Милова:³ В течение двух часов явиться в партком, вызывает Величкин,⁴ явиться к нему. Будете? – Буду.

Прихожу к В<еличкину> – что скажете?

– Явился по Вашему вызову.

– А! Это не ко мне. В партком.

В парткоме Черноков⁵ и Цензор⁶ предлагают записаться добровольцем. Пять дней тому назад я сам об этом думал. А тут вдруг – струсил. Ссылаясь на болезнь, воздержался. – Нельзя! – говорит Черноков: – это – обязательно. – А раз обязательно, так зачем спрашиваете? Призовете – я готов. – Нет, надо добровольно. Вот болезнь... приходи попозже к Ванину,⁸ поговори.

К Ванину я не попал. «Добровольцев» вечером была груда. Так и осталось невыясненным, что надо мною висит. А перо мое – ни к черту. Для сборника⁹ я написал и стихи, и очерк. Сборник рушится. Сам свои опусы устраивать я не могу. Кусочек написанного надо сохранить:

«Город мой! Закрывая глаза, вижу я тебя страшным. Скелеты домов вижу я на твоих улицах. Защитники ушли в глубь страны, и ты обезлюдел. Черные дыры окон без стекол и без цветов. Груды кирпича и земли еще не везде убраны. Но Невский – опять Невский – старательно вычищен. Поблескивая зубами, позвякивая шпорами, поигрывая свастикой на рукаве, прут прогуливающиеся завоеватели. Редкие

и робкие прохожие жмутся к домам. – Правильно! Ты, юноша, привыкший держать себя на улице, как дома, – остерегись! Краем одежды не коснись мундира победителя! Он привык, чтобы ему уступали дорогу! Сними кепку перед ним, юноша, чтобы не остаться без головы. – Девушка! Остановись! Вернись, девушка! – Поздно! Они заметили тебя, они тебя окружили. О, они говорят вежливо, но из кольца не выпускают. Ты не понимаешь слов, но намерения угадываешь. Напрасно ты озираешься по сторонам, ищешь защитника... Кто же решится защитить тебя? Отец? Мать? Что они смогут сделать? Разве только упасть на колени, плакать, умолять и целовать руки? – Но как трудно русскому целовать руки! – Нет, они молча, давясь рыданиями, смотрят, как тебя, девушка, двое берут под руки и вежливо, о, разумеется вежливо! – усаживают в остановленный автомобиль. И увозят тебя, отдавая честь оставшимся спутникам. Те, поблескивая зубами, машут уезжающим вслед... – Гражданин, кто ты? Оставшийся по болезни брат? Скрывающийся, тая незалеченные раны, жених? – Зачем ты идешь протестовать, объясняться? Как можешь возмущаться ты, ты – ублюдок, еврей? – Пусть у тебя русская фамилия, пусть русская родословная, но ты – еврей, и тебя увозит другой автомобиль. – А кто вы, жмущиеся к домам? Сапожники, обреченные подбивать подметки победителям, счетоводы, вынужденные подсчитывать их доходы, токари, прикованные к станкам обтачивать стаканы для снарядов, для снарядов, которыми они будут убивать ваших братьев и сыновей, – кто вы? – Сволочи, чернь, низшая раса!

Александр Сергеевич!¹⁰ Но ведь и ты – не ариец! В тебе негр-ианская кровь. Ты негроид! – Что же? Выроют мраморный камень взводимого тебе памятника, унтер-офицерским сапогом утопчут землю, или в разрытой яме сожгут твои книги? – Алексей М<аксимович>! Влад<имир> Влад<имирович>!¹¹ А какие костры сложат из ваших книг? А Вл<адимир> И<лья>ч... Но имя Ленина неприкосновенно. Даже они не выдержат его и запретят произносить. Может ли это быть? – Не м<ожет> б<ыть>. – Может! Может, если ты опустил руки...».¹²

4/VII

Гитлер в двух местах перешел Двину. Задержать его не удалось. Угроза Ленинграду.¹³ Уезжают дети. Лиля¹⁴ должна идти выгружать песок, носить доски – по 8 часов в день! Я – тыловик, жалкая, ненужная пылинка. Меня прикрепляют к «Правде».¹⁵ И вот, оказывается,

прав Первышкин, приславший мне погромное письмо на мой отзыв о его стихах:¹⁶

Как проститутка губами
Зарабатывает себе рубли.

Я думаю не о том, что буду делать, а о том, будут ли платить гонорар. Ибо из «К. Б. Ф.»¹⁷ денег ждать нечего. Труды мои пожрал Гитлер.

Недаром сжималось мое сердце при виде родившейся дочери! Перетерпеть ей придется многое. А мне, наверное, – точка.

9/VII

И точка, может быть, бесславная? Энтузиазм мой гаснет. Не потому, что фашисты как будто замедлили наступление, нет. Гаснет, потому что нечто, идущее из нутра, начинает во мне возмущаться. Мое добровольное, искреннее не возбуждается, не разжигается, и разжечь его не умеют. На простое совещание писателей приглашают так: – Явиться сегодня к Абрамкину¹⁸ в 6 ч.

И я не иду.

Получаю из Союза бумажку, очень благожелательно написанную. Оборонные темы представлять в Союз. Устраивает в течение 2-х дней.¹⁹ – Когда прихожу узнавать о написанном, уже сданном, – никто ничего не знает.

Наконец, последнее: без меня звонят по телефону в 4 часа: явиться на работы с 8 часов до 6 утра. А в Союзе я был до половины третьего, никто ничего мне не сказал. Домой прихожу поздно. Если бы я, даже не пообедав, не поспав, поехал на ночь работать, – едва ли к 8 я успел. И какой бы я был работник? И почему нас приравнивали к неработающим? к домохозяйкам?

Все это раздражает, нервирует, мельчит. Вместо того, чтобы думать об основном, вместо того, чтобы копить ненависть к подступающему фашизму, вместо того, чтобы возбуждать эту ненависть в других, – а это я мог бы делать, и – начал делать, – вместо этого мне хочется опустить руки и плыть по течению.

Самое лучшее – уйти в армию. Но как? Ждать второго призыва в народное ополчение? – Боковые лазейки для меня неизвестны и противны.

16/VII

Четыре или даже 5 дней информации говорили: ничего существенного на фронтах не произошло. А сегодня: идут бои в Псковско-Порховском направлении.²⁰ От Пскова до Порхова – 75 верст. Что же? В одну ночь эти 75 <ерст> пройдены?

Второй мой опус провалился. Мы поставлены в худшее положение, чем домохозяйки. – На работы ехать надо было на 2–3 дня. Время это – вычеркнутое. Никто его не оплатит. А денег нету. – Думать о деньгах позорно. – Так и говорят.

19/VII

А немцы все ближе и ближе. Существует уже Смоленское направление,²¹ Невельское, Порховское. Они идут стеной и на Москву, и на Ленинград. Идут систематически: к узловым станциям – Невель, Дно...²² Правда, шаги их медленны, но упорны.

«Три дня» нашлись.²³ Говорят, что «чересчур сильно». А рассказ послали в ту же «Правду».²⁴ Носил я заявку на сценарий.²⁵ Совсем я профан. Во всех делах профан.

21/VII

А винтовочки мне не избежать: зовут, зовут, зовут упорно.

Сегодня получил последнюю получку. Что и как дальше, – не знаю.

Светлана пишет отчаянные письма: голодаю, худею... Если с Литфондом так плохо, что же в других местах? А в других местах – кровавые поносы. Просто предлагают родителям: уезжаем дальше, берите больного ребенка. Дети приезжают. Ничего не приготовлено. Валяются на полу. А потом – едут дальше. На другое неподготовленное место.

Дома карточки.²⁶ Нормы минимальные. Хлеба достаточно. Но за хлебом – колоссальные очереди. Всем по карточкам хлеба не хватает.

22/VII

Пошел второй месяц. Судя по информации, немцы опять застряли.

Вчера был налет на Москву.²⁷ Сброшены первые бомбы. У нас сегодня частые тревоги.²⁸ Если прорвались в Москву, возможен прорыв и здесь.

Кольцов пишет из армии о хорошем боевом настроении.²⁹ Это – прекрасно. Очевидно, в армии организовано все неплохо. Тыл похвастаться этим не может.

Детей отправили в М<алую> Вишеру, Тихвин, Ст<арую> Руссу и т. д. Теперь переотправляют, забывая дороги.

Норму по карточкам ввели слишком³⁰

25/VII

Ночь сегодня уже темная. Возможность налета возросла. В Москве были жертвы. Жертвы будут у нас.

И стихи мои нашлись. Они переданы в эстрадный сборник.³¹ Переданы – и только. Что там с ними сделали – никто не полюбопытствовал узнать.

Да. Писать, как все, я не умею. Оружие придется сложить. Какое же оружие взять взамен? Трудно в 50 лет меняться.

Трогает Купер. Он предлагает все делать пополам, а сценарий пишет один.³² Но я не верю в то, что его примут.

Живот начал болеть. Весь я ослаб и опустился. Медленное таяние началось.

1 авг.

Сегодня сороковой день. Военный Союз – хотя он и не назван открыто таковым, заключен не только с Англией, но и с Америкой. Заключены соглашения с «несуществующими» государствами: с Чехословакией и Польшей.³³ Польша будет иметь отдельную армию. Заключенные поляки амнистированы.

Союза нашего Гитлер, конечно, не убьет, но меня он уже убивает. Трудовая повинность разбивает меня.³⁴ Не потому, что руки содраны в кровь, чувствую я себя плохо! Кашель у меня отчаянный, расслабленность невероятная, в голове шум. Самое противное – нежелание действия, отвращение к действию.

Еще что? – Нет денег. За отпуск платить не хотят. Гонорар проблематичен. Отвращение к действию мешает подать счет в «К. Б. Ф.».

14/VIII

Пора поставить точку. Забыл написать – бесславную. Итак, – двадцатипятилетняя литературная деятельность окончена. 1916–1941. Окончена полным бессилием, предельной опустошенностью, а не войной. Но и война показала, что перо мое никому не нужно, что ждать от него нечего. Самое большее – требуюсь я, как затычка. Да еще – как консультант. «На страже Родины» дает пачки писем, обещает платить.

Светлана больна скарлатиной. Первая опасность миновала, но письма пишет отчаянные.³⁵ Зовет мать. Что? Неужели она чувствует, что не видать ей больше ни отца, ни матери? Мать уехать не может, — не на что. А детей, женщин, стариков эвакуируют.³⁶ В газетах появилось «Старорусское» направление. Смоленск оставлен несколько дней тому назад.³⁷ На юге немцы идут к Николаеву.³⁸

Наполеон дошел до Смоленска в 50 дней, — в 50 дней дошли и фашисты.

Разбит я вдребезги.

Точка.

Конец.

<Тетрадь вторая>

21 авг. 41 г.

Последняя моя тетрадка открывается телефонным звонком: «Завтра в 4 ч. дня общее собрание членов Союза. Явка обязательна». Это уже гораздо мягче, чем третьего дня: «Завтра в 4 ч. собрание. Обсуждается вопрос о защите Ленинграда. Неявка будет рассматриваться как отказ от участия в обороне».

А дело обстоит так: немцы уже в Новгороде, немцы уже в Волово, немцы уже в Луге.³⁹ Сегодня в «Правде» напечатано воззвание Ворошилова, Жданова, Попкова.⁴⁰ Призывают трудящихся и интеллигенцию в ополчение. Предлагают в кратчайший срок овладеть оружием. Со всех сторон слышатся голоса, что и первое ополчение вооружено плохо. Инженер, строивший доты, говорит, что на двоих бойцов имеется одна винтовка. Плохо ополчение и обучено: рядом с опытными идут люди, никогда не служившие, никогда не стрелявшие. Н. А. Б.⁴¹ рассказывает, что организатору их отряда предложили вооружить бойцов пиками.⁴² Что это значит? И неужели это, наспех обученное войско сумеет задержать врага, которого не задержала регулярная армия? Или прав К<ольцов>,⁴³ говоря, что хорошую армию берегут, а сейчас посылают заваль, мясом, кашей из крови и костей задерживать танки? И мне предстоит попасть в эту заваль. А сегодня я мог из каши выбраться. Мог уехать в Кавказскую формирующуюся армию, в качестве интенданта, по своему званию! Купер уже уехал.⁴⁴ Он сделал все, чтобы утащить и меня. Но две вещи, «вещи несовместные», во всяком случае, разные, не позволили мне выбраться: отвращение к окольным путям (вернее — неумение ходить по ним)

и безденежье. В кармане не было денег даже на булку, даже на хлеб. У него и деньги были, и ходы он нашел. И уехал героем. А меня сочтут дезертиром.

Что предстоит? – Винтовка, нестерпимые боли в животе, сумасшествие от бомбежки, медленное умирание от голода. Ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого я уже не перенесу.

22/ VIII

Два месяца – и немцы под Л<енинградом>.⁴⁵ Саша Прокофьев⁴⁶ пишет стихи:

Умрем, но не сдадим.⁴⁷

Но, если умрем, то ...

Однако газета полна энтузиазма. И скрытых угроз. Решительно и веско говорится о дезертирах.⁴⁸ Увы, я – дезертир.

А Семен⁴⁹ уехал. Уехал и Дедов,⁵⁰ на Кавказ. Интендантами. Почетно. Прекрасно. Замечательно. Завидую.

А живот у меня болит. А от дочки писем нет. Может – и дочки нет?

Чувствую я себя так скверно, что боюсь идти и в Союз, боюсь идти и в газету. В газете мне кажется, что на меня смотрят косо, хотя приходил Беляев,⁵¹ в полтора раза моложе меня, – ходит барином.

25/ VIII

Судя по распоряжению – прекращать уличное движение в 10 ч. вечера – введено осадное положение. Осада!⁵²

Домам готовят гробы. Заколачивают витрины досками, засыпают песком. Стук топоров – стук молотка по гвоздям, вбиваемым в крышку гроба.

От дочки – отчаянное письмо. Вовсе она не в литфондовской больнице была, – в городской. И больницу эту перевели за 7 к<и>л<о>м<етров> от Г<аврилова> Я<ма>.⁵³ И кормят ее там скудно. А Литфонд собирается перевозить детей в Ташкент. Что же, бросят девочку, как котенка? Больную, одинокую? – От наших организаций всего можно ожидать.

Август 4⁵⁴

Дожди Ленинграда уже не спасут. Ленинград окружен. Жел<езные> дор<оги> отрезаны.⁵⁵ Эшелоны стоят на ближайших разъездах. На прорыв, вероятно, надежда есть.

Ухают пушки. Может быть зенитки, а м<ожет> б<ыть> нет. Не это важно.

Важно, что ополчение и рабочие дружины будут защищать город.

Это значит, что предпочли самоубийство. Это – героизм. Однако город полон и женщин, и детей. Их подвергают и самоубийству, и убийству. Город мой будет разрушен. Унтер-офицерский сапог будет грохать по мостовой. Хрен редьки не слаще. Но такое самоубийство – признак того, что надежда вернуть город потеряна.

6 <сентября>

Первые снаряды падают в город.⁵⁶ Идет холодный тяжелый дождь. Живот у меня болит страшно. В кармане лежат направления на исследования. Не пошел. К чему?

Мга отбита.⁵⁷ Поезда пошли. Были бы деньги, можно бы уехать. К чему?

8 <сентября>

Не игрушечная сегодня была тревога.⁵⁸ После бесперебойной, все нарастающей стрельбы зениток к В. В. Ю.⁵⁹ от нас осталось зарево и огромные клубы дыма. Это было в 7–8 веч<ера>. Сейчас – 11 ч., зенитки гремят снова. Небо перекрещено прожекторами, гудит аэроплан.

9 <сентября>

С двух часов и по сию минуту (6 ч.) тревога продолжается беспрерывно. Жена Дедова выезжает из дома, – дом разбит. Повреждены дома и на Чайковской. Женщины все время стоят в очередях и не успевают получить хлеб. Тревога заставляет разойтись, а вошедших в магазины – изгоняют оттуда.

Начинаю испытывать голод. Видно, суждено поголодать на белом свете.

Очевидно, взять Ленинград не так просто. Пришлось все-таки бомбить.

А о том, что Одесса осаждена, узнаем из подписи к фото: «Один из кораблей Черн<оморского> флота ведет огонь по рум<ынско>-нем<ецким> войскам, сосредоточенным на подступах к осажденному городу» («Изв<естия> 5/IX»)⁶⁰ Что делается на фронтах – неизвестно.

10 <сентября>

Вчера часов с 11 вечера до начала нового дня тревога сопровождалась грохотом не только зениток, но и разрывающихся бомб. С визгом, с взвоем летели бомбы. И очень близко от нас. Две упали в Крюков канал. Мой любимый дом стоит без стекол, забрызганный грязью, пылью, землей. Третья бомба упала по Маклину, д. № 4.⁶¹

Сейчас 23.45 – с 22.30 новый налет. Грохотало не меньше вчерашнего. Но вчера было жутко. Дома, один – усидеть я не мог. Пришлось спуститься вниз на лестницу. Но там, к сожалению, ничего не видно, очень смутно и – очень холодно.

Очевидно, у немцев дела хуже. Надежда взять Л<енинград> не разрушая – утрачена. Московская и Сев<ерная> ж<елезные> д<ороги> отбиты. Получены газеты и от И. М.⁶² письмо из Ямы.

Животу моему крышка. Белого хлеба сегодня не дали, один черный. А со 2-го сент. норма уже убавлена: I кат<егория> – 600 гр<аммов> II – 400, III – 300.

Сейчас тихо. На небе луна и крупные звезды. К в<остоку>, ю<гу> – зарево. Отбоя все еще нет. Бомба может грохнуть и внезапно.

Больше всего страдают домохоз<яйки>, Лиля и вчера, и сегодня выбегает на тревоги. А уйдя за хлебом в 12.20, до 5 часов она его так и не получила.

Ночь с 11 на 12 <сентября>

Я встал сейчас с постели, ибо заснуть не могу. Чуть закрываю глаза, чуть натягиваю одеяло – в ушах раздается настойчивый нарастающий звук: взжзвжз несколько визгливое жужжанье аэроплана.

Налет начался часов в 11. Сначала раздался знакомый уже пронзительный взвизг бомбы, потом ухнул разрыв, а вслед за ним – завыли тревогу сирены. Подкрались немцы незаметно. Погода им благоприятствовала. Луна всходила в тумане. Небо было покрыто пленкой, закрывавшей звезды. Вероятно, набрав высоту, они спланировали и грянули.

Кружились они над нашим районом.⁶³ Кружились безостановочно. Зенитки стреляли слабо. Когда звук взжзжжжзжжж приближался к з<аводу> Марти, – огонь зениток усиливался. Когда звук пролетал над нами – зенитки смолкали. Он, очевидно, принимал это за ловушку и сыпал бомбы вокруг Марти – и на нас.

Сегодня я чувствовал себя не героем. Ни любопытства, ни спокойствия, по крайней мере внешнего, сегодня у меня не было. После первой же бомбы вниз я побежал без приглашения. Но и там, сидя на

жалком чемоданчике, испытывал настоящее предчувствие – конец. Происходит оно от двух основных причин: обреченности и беспомощности. Нечем противодействовать и нечего делать. Идти на чердак, лезть на крышу, как предписывает инструкция и приказывает управдомша,⁶⁴ – бессмысленно. Ни крыши, ни чердака не остается.

На чердак после первого громового удара я ходил. На чердаке тьма и запустение. Спустился я благополучно. Но Лиля просит пойти домой, взять забытые ею карточки и деньги. Поднимаюсь вновь. Поднимаюсь, а ноги мои не идут. Не хотят ноги идти вверх. Превозмогаю себя, повелеваю ногам, да так, что они поднимаются этажом выше. Спускаюсь, открываю дверцу у почт<ового> ящика, достаю ключ и... Кладу его обратно в карман. Боюсь идти в квартиру, хочу вниз. И не вошел. И пошел вниз. И вдруг чувствую – поздно! Перила лестницы падают вниз, ступеньки качаются, как палуба на пароходе при сильной волне. Всему этому предшествовал мгновенный, почти одновременный визг и удар. Обратная волна толкает перила обратно, лестница встает дыбом. Конец! – Нет... волна стихла, ступеньки под ногами, перила в ладони – неподвижны. Лишь сыпятся, звякая, стекла. Конец удару, волне, дом на месте.

Одна десятая секунды, самое большее – половинка ее, отдалили конец. Бомба упала через маленький дом в третий от нас. Шестиэтажный дом бомба пробила насквозь. Верхние четыре рухнули и высыпались в нижние. Четверть огромного по фасаду на М<аклина> дома – превратилась в развалины. А первый удар обрушился на дом № 12 по Канонерской. Там тоже пробито не менее четырех этажей, остальные засыпаны. Из-под развалин слышатся стоны. Добровольцы разбирали обломки недолго. Вскоре приехали аварийные машины. Работа идет и сейчас.

Не менее десяти взвизгов раздалось вблизи. Ударов было девять. Одна бомба не разорвалась. Но удары были не только здесь. Правее всегдашнего места – огромное зарево. Зарево и над Марти.

Хлебная норма с 11 сент.: I кат<егория>,⁶⁵ II – 300 грамм<ов>, III – 250.

12 <сентября>. День

Я разваливаюсь без бомбы. Живот болит, спать не могу; забываюсь, вздрагиваю от каждого шороха, от каждого стука.

Небо заволакивает пленкой более густой, чем вчера. Налет будет не менее неожиданным. А кумушки говорят – немцы предупреждают: 1000 самолетов бросим сегодня. Одна из кумушек приглашала ехать в Лесной парк⁶⁶ на ночь.

А в нашем квартале упали не две бомбы: рухнул дом уг<ол> Лермонт<овского> и Екат<ерининского> к<анала>. Видна воронка в сквере пл<ощади> Тургенева, как раз на месте Покровки. От углового дома – Маклин<а> – канал до нее – наш дом как раз посередине. След<едующая> бомбежка в нас?

Что день грядущий нам готовит? Сегодня 12 – 23 ч. 45 м<инут> – тихо. Тревога была с 21.30 до 23. Бомб не было. Но ужасов наслушался много. Бомба в 1000 кг разрушает целый квартал. Рядом с нами упала – одни говорят в 100 кг, другие 250. От тонновой бомбы никакой подвал не спасет.

«Правда» о вчерашней тревоге говорит, как о пустяках: «В 11 вечера одиночным самолетам противника удалось прорваться к Ленинграду и сбросить в различных пунктах города некоторое количество зажиг<ательных> и фугасн<ых> бомб, вызвавших пожары главн<ым> образом жилых и обществ<енных> зданий». «Как и в предыдущие налеты, военные объекты не пострадали. Имеются убитые и раненые». ⁶⁷

Если одиночные аэропланы так свободно действуют, – что же будет при массовом налете?

«Лондон. 10 сентября. (ТАСС). Вечером 8 сентября во время передачи последних известий Британская радиовещательная компания обратилась с приветствием к гражданам Ленинграда. В приветствии говорится: „Слушай, Ленинград! Говорит Лондон. Солдаты, моряки, летчики, рабочие, граждане Ленинграда! Солдаты, моряки, летчики, рабочие, граждане Лондона слышали ваш мощный голос. С реки Темзы шлем вам ответ на Неву. Лондон с вами. Каждый ваш выстрел находит отзвук в Лондоне. Лондон приветствует героизм Ленинграда. Герои-летчики Англии летают вместе с героями-летчиками Советского Союза. Минувшей ночью много тонн английских бомб засыпали Берлин. Ленинградцы, помните! В ответ на бомбы, сброшенные на ваш город, сбрасываются бомбы на столицу неприятеля! Победа за нами! Да здравствует Ленинград!“». ⁶⁸

13 <сентября>

Разговорчики:

– У немцев вчера праздник был, оттого и не бомбили.

– Управхозу в аптеке говорят: надо печи посмотреть в бомбоубежище. О дровах на зиму позаботиться. – Печи? Дрова на зиму? Зачем? Через три дня все кончится.

Жена получает обратно посланные мужу на фронт письма. На одних надпись: «За ненахождением адресата». На других: «За невоз-

можностью доставить». Третьи без надписи. Она идет в военкомат справляться о муже. – Он в Выборге, – будто бы говорят ей, – а Выборг отрезан.⁶⁹ Это похоже на правду.

В «Известиях» сообщение о митинге в Одессе, которая, по фото, осаждена. Концовка заметки такая: «Митинг обратился с приветствием к героическим защитникам Ленинграда и Киева».⁷⁰ Выходит, что и Киев осажден?⁷¹ А мы ничего не знаем! Мы знаем, что Ельня взята обратно.⁷² И как знаем! Громогласно! Громотрубно! С иллюстрациями!

Прекрасное обращение лондонского радио городу Ленина. Наши так не говорят. Мы говорим хвастливо, чванливо и пустословно. Правда, мы все-таки действуем. А союзники помогают нам речами, сбором пожертвований, декларациями. Остальное откладывается на будущее. А будущее у Ленинграда не за горами: внутри голод, сверху бомбы, а сегодня утром разбиты дома на Сенной артиллерийскими снарядами. Женщина, бежавшая с окопных работ, говорит вслух, на людях (чего раньше не было): – Немцы в Пулкове!⁷³ Вчера я бежала оттуда! Сама видела!

Хватим мы еще шилом паточки.

Вводятся лимиты на электроэнергию. Керосину дают по 1 литру на 10 дней.

<Тетрадь третья>

13/ IX

Забегая вперед, чего делать не следовало бы. От Светы получено письмо. Из больницы ее выписывают. Мы рады, что она не с нами. Ибо визг бомб снова пронесился над нашей головой. И рука моя дрожит, и вначале еле удерживала перо. Ночь предстоит жуткая, во всяком случае – бессонная. И фатализма моего нет, есть горькое предчувствие и зыбкая внутренняя дрожь. Нервы.

А письмо С<веты> тоже полно предчувствий. А сбоку ухают снаряды. Но надо сделать усилие и попытаться сесть за работу. – «Уважаемый товарищ»⁷⁴ и т. д.

С 13 на 14 <сентября>

Люди идут в траншеи, люди сидят в подвале, а мы, безрассудные, ложимся в кровать. Мягкая постель нам дороже жизни.

Но я так устал, что хочу лечь. А удары продолжаются и учащаются.

Ночь с 14 на 15 <сентября>

Весь день в ожидании повторений налета. Но в воздухе был бой. Тревога целый день с небольшими перерывами. Только 2 тревоги усидел дома, работал. Остальное время скрывался.

Дежурство мое с 12 до 3-х началось в звездную ночь. Сейчас – 4 – все небо в барашках, чем немцы воспользуются. А спать хочется. Поэтому ложусь.

Ночь с 15 на 16-е <сентября>

Ночь угрюмая. Небо мрачное. Вспыхивают странные зарницы, освещающие город. Можно принять их за вспышки выстрелов, но гула не слышно.

Что будет, что будет...

Живот эти дни не болел. Сегодня мучительно ноет.

16 <сентября> днем

«Враг ворвался в пределы города».⁷⁵

У кого есть возможность – уезжают из города. Муж врача Б.,⁷⁶ за несколько дней говоривший ей: – В последний момент я приеду за тобой. Будь готова. Он приехал и увез жену и ребенка. Муж нач<альницы> звеньев сосед<него> дома – командир, сегодня приехал за нею и увез на машине.

Хотел написать дочке прощальное письмо, – не вышло оно. Из-за цензуры ничего толком не скажешь.

17 <сентября>

Приказано мирным жителям покинуть Кировский район, перебраться в Василеостровский. Кировский завод разбит, работы прекращены, рабочие призваны под винтовку. Женщины, говорят, бегут в Лесной, прямо в поле. Во многих домах (угловых) строят пулеметные гнезда. В нашем тоже. Александр<овская> б<ольни>ца⁷⁷ переполнена ранеными, среди них и женщины, и дети.

Вечером, говорят, приказано очистить и Моск<овский> р<айон> до <Моск>овских ворот, у которых строят баррикады. Может быть, путают с Нарвскими воротами? Трамвай № 32 по ул. Марата идут переполненные из Володарского р<айона>.⁷⁸ Будто бы приказано уходить и оттуда. Бегущие заполняют центр. Куда же бежать из центра?

Хорошо. Город, м<ожет> б<ыть>, ненадолго задержит немцев. М<ожет> б<ыть>, они потеряют ну 100 000. А население в городе с беженцами 3 000 000. Сколько погибнет их под развалинами, под

снарядами, от болезней? (Дети, сидящие в траншеях, в воде, кашляют.) Можно ли методы гражд<анской> войны переносить на войну такую? Все говорят – нет, даже военные.

Но что будет, если немцы возьмут город? Ожесточенные, раздраженные, разъяренные – ой!

О себе сегодня не пишу. Чувствую себя отвратительно. Боюсь всего, даже визга трамвая, даже воя собаки.

18 <сентября>

Сегодня с полудня мы под обстрелом. Снаряды упали на Невском, на Мойке, в Сенат, в район Алекс<андровского> рынка. Сейчас у Ф. В.⁷⁹ сидит швейница, работавшая с нею, сидит, плачет. Третьего дня в трамвай, в котором эта работница ехала с дочерью, попал снаряд. Ее легко ранило, а дочери переломило ногу. Дочь отвезли в Алекс<андровскую> б<ольни>цу. Сегодня снаряд попал как раз в ту палату больницы, где она лежит, что с дочерью, – мать не знает.

Я шел в газету до Мариинск<ого> театра пешком. Видел на Лерм<онтовском> еще один дом, разрушенный с 11-го–12 (к Калинк<ину> мосту на обратном пути я не попал. Там, говорят, тоже разрушения. Большие разрушения в районе Варш<авского> вокзала. Зарево, которое виднелось и от которого летели клочья огня, по моей догадке – бумаги, – пожар тип<ографии> им<ени> Евг<ении> Соколовой).⁸⁰ Над Театр<альной> площ<адью> вдруг бахнуло. Раз, два, три... Я встал за стену театра. Военный уверял, что это наши зенитки. Пробоину этих зениток я видел в стене дома на Мойке.

Задумал сегодня пообедать в ресторане. Стоял с 12.45 м<инут> до 3.30. Без карточек давали треску и омлет. Пока я стоял, треску всю съели.

В газете делают вид, что «жизнь продолжается». Дают работу, я беру, делаю вид, что все идет своим чередом, нормально, как всегда.

Встретил Сорок-Г.⁸¹ – Потом. Живот болит.

19 <сентября>

Ни вчера ночью, ни сегодня налетов не было. Второе такое тихое утро сегодня, что казалось – ведутся какие-то переговоры, воен<ные> действия приостановлены. И вот – в ясном чистом небе послышался знакомый звук раздраженного шмеля. Грянули зенитки. Раздался сигнал тревоги. Зенитки гремели где-то рядом, во дворе подняли осколок. Небо вдруг покрылось белыми хвостами облаков. – Завесы. Вокруг них легкие дымки разрывов.

Сейчас небо очистилось, зенитки молчат, но шмели гудят, – м<ожет> б<ыть>, наши? Но факт, что немецкий самолет появился над городом днем, утром. Создается такое впечатление, что немцы щадят нас и не бомбят ночью.

Вчера в Кировск<ом> р<айо>не один из выезжающих кооперативов выдавал по буханке хлеба. Было побоище.

Продукты выдают вперед – признак плохой.

Так вот что говорил мне С.-Г. «Настроение подавленное. Появляются чувства национальной ненависти. На окопных работах, из которых он не вылезал, командуют е<вреи>. В журналах и газетах – своя кучка, которая никого другого не пускает. В ресторане Союза – одни е<вреи>, здоровые, молодые, сильные» и т. д.

Это его настроение, конечно. Но они очень распространены.

Гораздо интереснее он говорил о фронте. Они только что копали картошку под (или за) Пулковом. Немцы в копающих не стреляли. Как только подъезжал автомобиль за выкопанным, – арт<иллерия> начинала бухать, и авт<омобили> летели вверх тормашками, а потом замолкали. Окопники снова принимались за работу, их не трогали до приезда нового грузовика.

Над деревней Лигово, рассказывает он, немцы разбросали листовки: «Уходите в поле. К железной дороге не приближайтесь, в лес не прячьтесь, – и лес, и ж<елезную> д<орогу>, и деревню будем бомбить». Жители вышли в поле. Разбомбив все указанное, немцы их не тронули.

Между прочим, наперекор газетам, я слышу рассказы вовсе не о зверствах.

– «До свиданья, в концлагерях у Гитлера», – сказал мне на прощанье С.

3 часа

Разведчики полетели, начался обстрел... Это не был обстрел. Был налет. Иллюзиям предаваться нечего – утром сброшены бомбы на Каменноостровский и в Нов<ую> Дер<евню>.

20/ VIII⁸²

И вечером вчера был налет. И визг слышался близко. И тревога продолжалась с 9.15 до 10.30, а потом с 10.40 до 12 с хвостиком. А днем вчера бомбы падали и в районе Стремянной, и в районе Гагаринской. Разрушения, говорят, большие. Состояние мое дошло до точки. Я галлюцинирую. Каждый сходный и несходный звук мне кажется то жужжаньем, то визгом, то грохотом. Но и без внешних зву-

ков в ушах у меня иногда жужжит бомбовоз, иногда слышится тревога, и я обуваюсь и одеваю пальто. А иногда, гораздо реже, звучит и чудесная музыка отбоя.

«Зачем он жизнью дорожит»? По существу – все кончено. Силы истощены. Написать уж я ничего не сумею. От Гитлера – концлагеря, от наших – прозябание, а если переворот – жалкую неприспособленность. – И все-таки... Чудно и ужасно.

Думал, что сегодняшний дождь помешает налету, но уже разъясняется.

Нет, о великодушии нечего говорить. Бомбы падают на жилые дома в тех районах, где военных объектов нет.

Да! Для истории, если сохранится тетрадь. Как и чем живут ленинградцы.

Керосину полагается на продкарточку 1 литр на 10 дней.

На электроэнергию – лимиты, очень жесткие. Электроприборами пользоваться запрещено.

Десять комиссий осматривали наш подвал, находили негодным для бомбоубежища. Но в окружающих домах и такого безобразного, сырого, заливаемого водой подвала нет. Решили строить. Жильцы – на дыбы: некуда деть дрова. Ради желания сохранить тепло – не жалко жизни. Как все-таки не приспособлен к войне наш город!

Да! Бомбоубежище решили строить потому, что в соседнем доме, где оно было, после ночи с 11/12 – трещина. Из дома выселяют. Выселяют и из дома № 5 по Канонерской.

Небо к вечеру прояснело совсем. Ночью будет жара. Надо сказать, что разрушений много, но впечатление от них меньшее. Прежде всего, они рассыпаны по разным местам, а не скучены, как у нас – 5 домов в одном квартале. Каждое из них – несравнимо меньше. Ни одного обрушенного дома я не видел. У Мариинского театра разворочено одно крыло – небольшой сравнительно выступ; на Майорова и Плеханова снесены крыши, разбита стена у последнего дома, но дома стоят. Стоит дом и на Стремянной, хотя часть его выворочена.

Небо жуткое. Ожидание такой ночи, что стихи Кольцова можно бы переделать так:

Над колыбелью и могилою Коммуны,
Где много зажжено и сгублено знамен,
Топор окровавленный гунна
Неотвратимо занесен.⁸³

21 <сентября>

Как говорит Лиля, «переговоры кончились»: ухают орудия, летают самолеты, небо такое же летное, как 19.

В «Лен<инградской> правде», в «Известиях» статьи о Ленинграде такие, как будто мы побеждаем. Город укрепляется. «По первому приказу заводские рабочие дружины займут свои места. Роты, взводы, отделения хорошо знают свою задачу. <...> Поведут их в бой испытанные командиры – начальники цехов, мастера. Этих людей бойцы уважают, им верят».⁸⁴

Женщина, работающая на К<ировском> заводе, говорит: – Идти мне завтра на работу или нет? Сегодня заперли нас в цехах, мужчинам раздали ружья, – воевать. Рабочие разломали забор, ушли. Сговорились не приходить завтра. А я не знаю... Вдруг придут, – а я нет! Судить будут... ой!

Дворник был на казарменном положении. Теперь – дома. Рассказывает: – Ну, призвали бы по-честному, через военкомат, – пошли бы, понятно. А то как-то не по-хорошему получается. Ну, ладно, пошли. Поучусь, думаю. Гранаты я не знаю, – овладею и гранатой. Только нет: гранаты я и в глаза не видел, – деревянные бутылки. Деревяшку дурак бросит. Ладно. Походили, поучились мы недельку, говорят: – Завтра возьмите мешки, белье чистое, мыло. – Взяли. И повели нас в новые казармы. И заперли. Почуяли все – дело фронтом пахнет. Стали все напирать на начальство: – У меня ж карточки все с собой, жена без хлеба останется! – У меня ключ от квартиры, жена в ночной смене, утром придет – не попасть... – Стали отпускать до завтра. Всех отпустили, даже часовых не осталось. А назавтра пришло пять человек. Поддержали нас, поддержали, и тоже отпустили домой. Кончилось мое казарменное положение.

22 <сентября>

Трехмесячная дата отмечена по радио: сдан Киев.⁸⁵

23 <сентября>

Тревоги

1-я	приблизительно около	8 утра
2-я	–	– 9 –
3-я	–	– 10.30
4-я	–	– 11 час<ов>
5-я	–	– 12 – дня
6-я	–	– 1 –

7-я	—.	—.	2	—.
8-я	в	2. 30.	Отбой	в 3 часа дня
9-я	—.	4 ч.	—.	4.40
10	—.	5	—.	5.20
11	—.	5.55	—.	6.45
12	—.	9.45	—.	11.25.

<Тетрадь четвертая>

21 сент. 22.45

Сегодня я целый день прививал себе фатализм. И несколько успел в этом. Был даже равнодушен и вниз не сходил. Сейчас, к ночи, нервы мои не выдерживают, и в ушах раздается тревога. И кажется, что именно сегодня опрокинется мир.

Ну, и что? От дочки 2 письма. Она поправилась. Ее не бросят. Если не Литфонд, то Ида. За нее, значит, беспокоиться нечего. А мы... Что такое мы, что такое «я»? Да и довольно. Все равно, хорошего мало. — Голод, нищета, болезнь, — вот что впереди. Ни о каком творчестве и мысли даже нет. Порыв остановлен, огонь погашен — не мною. Рукописи и копии в разных местах, в портфеле, в сарае, у Шуры,⁸⁶ как у всамделешнего. На самом же деле они никому не нужны, и никто ими не поинтересуется.

Шабаш.

Осталось написать прощальное письмо дочке и носить с собою на случай.

22 / IX

Обедал сегодня в ресторане Союза. Впечатление такое, что — еще чуть-чуть — попал я в офицерское собрание. Изящные моряки и не менее изящные пехотинцы. Берут без карточек, пьют вино и шампанское. Среди изящных моряков я видел... Олесова!⁸⁷ Среди изящных кавалеристов — Алехина!⁸⁸ Очень хорошее впечатление произвел В. Лившиц:⁸⁹ одет в ватник, держится скромно. А Женя Панфилов пропал.⁹⁰ Погиб, — очевидно. Вот это так! Кто преуспел здесь, кому выпали все блага, — те в тылу, в мундирах и с пенсией, а Женя погиб в рядах. Так.

А Киев оставлен (или сдан? — не знаю еще х<о>р<о>ш<о>). У К-ня⁹¹ мысли от этого самые мрачные. На освобождение Ленинграда надеется он мало.

Бомба сегодня угодила в Изд<ательст>во Писателей.⁹² Погода для бомбежки самая подходящая. Но что мы знаем о бомбежке? Некто в «Н. р.»⁹³ рассказывал, как бомбили Петергоф и Кроншт<адт>.⁹⁴ Значит, ягоды у нас впереди. А сегодня мне дежурить на крыше.

23 <сентября>

Утро чудесное. Небо синее, солнце яркое, а тревога с 8 часов. Летят, летят коршуны.

А наши письма к дочке не дойдут: они переезжают в Молотов.⁹⁵

Часов в 9 – вторая тревога.

В 10.30 третья. В 12 – 4-я, в 1 – 5-я, в 2 – 6-я; в 2-30 7-я. Промежутки между ними – от 10 минут до получаса.

Отбой 7-ой в 3 ч. 4 часа – 8 тревога. Отбой 4.40 (Но это, говорят, 9-я, а не 8. Одну я заспал.) 5 ч. – 9-я или 10-я. Отбой 5.20.

5.55 – 10-я или 11-я, 6.45 отбой, 11-я или 12 с 9.45 до 11.25.

«Полное давление получится» – разговор в подвале о том, что будет при катастрофе без света.

Шостаковича и Зощенко вывезли на военном самолете.⁹⁶

Говорят, что до Тихвина идут самолеты пассажирские. Плата – 300 руб. с человека. И это все, что могли сделать для эвакуации населения!

25 <сентября>

Третьего дня, говорят, большие разрушения на Лиговке. Одна бомба упала вблизи нас. Под воротами слышалась команда: Ложись! Куда упала она, не знаю.

Тяжелее всего напряженное ожидание и беспомощность.

Когда нет писем – делать ничего не могу. Небо хмурое, облака низкие и там слышится жужжанье... Кажется, летает наверху хищник и вот брякнет оттуда ... И взрывы действительно гудят. А тревоги нет. Жуткое молчание.

Налет на Москву отбивали ночные истребители. У нас таковых мы не видим. И вообще о налетах на Л<енингра>д газеты молчат, как будто налетов не было.

2.15 дня. Иду дежурить в Союз. Так шли пешеходы через Муромский лес, так шли обреченные к пещере Змея Горыныча или Кощея.

Небо яснее. Свежесть. Ветер меняется с с<еверо>-з<ападного> на с<еверный>.

11 ч. веч<ера>

С дежурства я сбежал. Дежурных там до черта. Им оставляют мясные обеды. Мне ничего не оставили. Тот, который назначал, от-

существовал. И назначает не он, а другой. Но причиной бегства послужил слух, что 23-го бомба упала уг<ол> Лиговки и Лиг<овского> переулка, – в дом сестры. Я поехал к ней. Действительно, дом разбит, но не очень. Упало 3 бомбы, но маленьких. Одна не разорвалась, другая сорвала крышу и повредила верхний этаж, третья ударила в низ здания. Шура была на лестнице, ее качнуло, заволокло дымом, ненадолго она лишилась сознания. А Вячеслав⁹⁷ спал. Разбудила его выбитая рама, накрывшая его на кровати. Шуру я нашел у Жениной⁹⁸ знакомой, она ничего, молодцом.

Выходит, что жизнь – лотерея. Пока что они вынули счастливый билет. Все вещи целы, не говоря о самих.

28 <сентября>

Небо совсем чистое, а коршуны летят. Остановить их, очевидно, невозможно. У меня начинается самое худшее – равнодушие.

Всеобуч призывает 30-го и меня.⁹⁹ Пойдем снова учиться. Если доживем, – так всегда надо прибавлять.

Говорил с Реш<етовым>.¹⁰⁰ Он тоже чувствует себя обреченным. И вовсе немцы не отогнаны за Суйду. Они в Пушкине.¹⁰¹ И наша артиллерия громит Пушкин.

Ночь с 28 на 29 <сентября>

Дежурю на чердаке.

«Найду ли смерть на чердаке под небом
Или в подвале под землей...»

А вечером 28 снова над нами гудел ядовитый шмель (Уэлсовская оса). Но бомбил он левее. Выходила луна, было светло и ясно. Горело потом в районе Кировск<ого> завода.

1 ч. ночи – тревога

1.25 тревога кончилась. Налета, если самолет не спрятался и не грянет внезапно, не было. Но какой это ужас! Ладно, только что улегшиеся встают, одеваются, бегут вниз... Старушка с 5 этажа, задыхаясь, еле передвигая ноги, опускалась минут 10. Дети плакали. Детей было не разбудить.

29 <сентября>

Что же, поспать до бомбежки? Бомбить сегодня будут опять, – небо чистое, взойдет луна, все видно. Эв<ентов?>¹⁰² говорил, что и в

их районе сброшены бомбы. У него в комнате все стекла вылетели. Бомбы упали на Аничк<ов> дворец и Екат<ерининскую> площадь. Разрушений незаметно, стекла выбиты.

30 <сентября>

Встал в туманное утро. Глотал кишку. Вышел – день чудесный: солнце подняло облака, прорвалось, выглянуло. Но летает, летает, жужжит оса. Слышится грохот... действительность? воображение?

Сегодня идти на всеобуч.

Вчера бомбили и – близко от нас. Шмель звенел и над нами. Не вчера, так сегодня, не сегодня, так завтра.

А конференция устанавливает послевоенные порядки.¹⁰³

1 окт.

Сегодня встретил Семенова.¹⁰⁴ В противоположность Реш<етову>, он оптимистичен. «Ждите. На днях будет». Что? – Полтава нами оставлена.¹⁰⁵

Вчера были у Нади.¹⁰⁶ Лукуллов пир:¹⁰⁷ щи, булки, чай с сахаром и конфетами, пирожки с капустой и по ½ пирожного!¹⁰⁸ Чувствовал себя сытым. А сегодня стонал от боли в желудке.

На перерегистрации всеобуча (где мне сказали: «Вы свободны») застала тревога. Повели нас в бомбоубежище. Сводчатые потолки, матовые шторы, – совсем ничего не слышно.

Дальнобойная громит сегодня с утра почти непрерывно. Ночь предстоит лунная, светлая, с редкими облаками.

В Союзе обеды стандартные: горох и овсяная каша. Служащие получают хлеб. Мы – нет. Военным дают мясо. Буфет пуст.

Норма на окт<ябрь>: хлеб 200 гр<аммов>. Керосин – 1 литр на декаду, электро<энерг>ии – 8 г<ига?> к<иловат>т-ч<асов> в сутки.¹⁰⁹

А проблема с деньгами не решена: нет денег, чтобы купить полагающиеся по 1-й дек<аде> 50 гр<аммов> масла, 350 конфет. Нет денег и на табак. За этот месяц газета выдала гроши.

10.45 веч<ера>

Налет был нешуточный – с 7.40 до 10.30. Бомбы падали близко. Но коршуны побывали везде: зарево в районе Моск<овского> вокз<ала>.

Дальнобойная громит Кировский зав<од>. Гремит и сейчас.

2/X

Уходя вниз, думал, что пойдет дождь. Небо было черное. А сейчас – луна светит всюду, легкие, как дым, облачка скользят, позволяя прятаться коршунам.

Боюсь, что налет будет серьезнее вчерашнего (угол дома ул. Голя и Кирпичного отрезан сверху донизу!).

Семенов напророчил. Говорят, немцы сделали десант в Лигово и бои идут на Средней Рогатке.¹¹⁰ Трамваи ходят (21, 35, 29) лишь до Калинк<ина> моста. Идут ли к Моск<овской> заставе – не знаю.

Ночь с 3 на 4-е <октября>

Эта ночь оказалась ужасной. Вчера вечером тревога началась <в> 7.45, кончилась 10.55. А ночью с 1.15, потом с 2.30 и вот сейчас 4.40 – летит, летит шмель... 5.15 – новая тревога. Самое удобное время: облака легкие и высокие.

Хорошо спать. Две тревоги я проспал. Но слышать шмеля и спать – не могу.

4-е/X

Тревога круглосуточная: 9.30, 12.30. А ночь будет такая же светлая, как вчера.

7.30 (19.30) – тревога до 20.40, а в 20.45 – снова. Сейчас 22.05 – отбоя нет.

Смерть снова носилась над головами. И снова я бегал на чердак. И на улицу, и во двор соседнего дома упали первые зажигат<ельные> бомбы. Но боязнь – меньшая. И ненависть растет уже к немцам. И это не только у меня.

А живот болит.

23.55. Мы на примете. Еще раз сброшены бомбы, и в наш дом: на чердак и во двор.

Что день грядущий нам готовит?

5 окт. 41

Налет с 12 продолжался до 3-х без перерыва. С 3½ до 5 утра с чем-то. Сейчас 7 час<ов> – новая тревога... Что было! Что будет!!

Итак, в течение 1½ суток нас держали в непрерывном напряжении. И продолжают держать: 14.45 дня – тревога. Гудит аэроплан, гремят зенитки. Ночью было хуже: зенитки молчали. Вслед за зажигат<ельными> бомбами полетели фугасные. Первый удар был таков, что кушетка, на которой я лежал внизу, вздрогнула. Живот у меня

болел так, что, несмотря на угрозу, я ушел к себе. Я лег спать. Заснуть, конечно, не мог. Но боль стала проходить. Я задремал. Вдруг и земля, и небо раскололись, лунная ночь превратилась в черную тьму. Это в затемненной комнате мне так показалось. Показалось, что разом погасло и электричество, и луна. Одевался я в потемках. Шатаюсь, сполз с лестницы. Измученные женщины сидят на ступеньках. Коршун кружится. Зенитки молчат. Боль опять поднялась. Цепляясь за перила, останавливаясь и склоняясь на них, дошел, лег. Стало все равно. Я заснул, оказывается, на отбое. Но в 7 проснулся. Тревога, однако, взбудрила меня. Летели наши аэропланы, и много. Ночью же было состояние полной покинутости, незащищенности, обреченности. Ой, как плохо приспособлен город к воздушным боям! Не знаешь, что лучше, быть раздавленным дома в кровати, за столом, как сейчас, или быть засыпанным в мокром подвале. Ночных истребителей не слышно. Зенитки, вероятно, не хотят обнаружить себя и разгромить.

Гадаю: что это? Подготовка к штурму? К новому ультиматуму? Или – месть за разочарование, ответ на сопротивление?

Лиля держала себя геройски. Вела мужчин на чердак, тушить бомбу. Успокаивала женщин ровным, убедительным голосом. Бомбу потушили. Первую, упавшую во двор, потушили еще раньше.

Удар зажигательных бомб был громок. Раздался он неожиданно, сразу вслед за тревогой. Казалось – бомбы упали на нас. И казалось – фугасные.

Да, наш дом в окружении. К нам зачастили опять. В районе Смольного было тише, но жарко пришлось накануне. Накануне, однако, мы тоже не были забыты.

Норма керосина уменьшена: $\frac{1}{2}$ литра на декаду.

Писем никто ниоткуда не получает. На декаду мы с Лилей получили 450 гр<аммов> (вместо 400) куры. Съедаем ее в 2 дня. На декаду получили 200 гр<аммов> селедок, – 4 маленьких с гнильцой селедочки.

Масла сливоч<ного> я получил 50 грам<мов>, остальные 100 – подсолнечное, которое моему животу, как гвозди.

Вермишели получили 400 грам<мов>. Она мне опротивела.

Достаточно дают сахару. Сладкий какао меня поддерживает и удовлетворяет. Кофе, кот<орый> можно еще получить без карточек, желудок мой отрицает. Чая нет.

Устал и измучился я до невероятия, а заснуть без отбоя не могу. (Да и с отбоем тоже.)

6/X

Поднапитавшись вчера и сегодня, чувствую себя бодрее. Однако оптимизм преждевременен. На хорошее надежды мало.

Сейчас 8.30 вечера, тревога продолжается. Полчаса тому назад бомбили здесь, сейчас в отдалении.

9.15 отбой. И опять бомбили здесь. Мы – в кольце между Марти, Треугольником,¹¹¹ казармами. Мы, собственно, обречены. Счастливую карту надо вынуть.

7/X

Вернулся из ресторана С<оюза> П<исателей>, где обедал, и хочу есть. Есть буквально нечего. А пообедал я треской (малюсенький кусочек с немножечком лапши), киселем и чаем. От супов воздерживаюсь.

Д-да! Крыло смерти над головой, а денежная проблема по-прежнему остра. Газета заплатила мне вдвое меньше против прежнего месяца.

5.45 – тревога. Сегодня – вторая. Бедная Лиля. Она уехала за картошкой. Приедет (если доедет), значит, часов в 8.

8/X. 2.30 ночи

Самая длительная тревога. Началась вчера вечером (8.30) 20.30, кончилась 1.40. Бомбили в нашем районе.

10/X

Я ужедохну, окончательно. Болит не только живот, но и сердце. Дрова из сарая, освобождаемого под бомбоубежище, я не мог таскать. Я не могу и работать... Тревога. Жду бомбы (9 ч. веч<ера>). Это – вторая. Первая была 8.30.

11 окт.

С 8 на 9 бомба упала в Никольский рынок. (И гораздо ближе – на Садовой, где сберкасса.) Там – мастерские, работавшие и ночью. Есть жертвы. А живот у меня болел так, что, несмотря на бомбежку, пошел и лег в кровать. И вчера, услышав тревогу часов в 11 веч<ера> – оба мы не вставали. Спали и вторую – в 1 час. В конце концов – все равно, где. Бомбы прибывают нижние этажи и подвалы, а верхние остаются (на Желябова и Стремянной). Уг<ол> Гоголя и Кирпичного бомба упала на панель, а весь угол рухнул. Дом, говорят, несколько минут висел в воздухе.

А дела такие. Казалось, наши дела улучшились. Но информбюро 9-го сообщило об оставлении Орла.¹¹² Появилось Вяземское и Брянское направление.¹¹³ Факт, что немцы отогнаны от Гатчины за Сиверскую. Шишова – соседка – ездила туда искать мужа. Но факт, что бои идут за Пулковом! Наши орудия стоят за Моск<овской> заст<авой>, за Домом Советов на Кирпачевском пер<еулке>. Ничего не понять, ничего мы не знаем. А немцы знают.

Сейчас 7.20 веч<ера>. Мы уже наготове. Мы в ожидании тревоги, налета, бомбежки. Немцы аккуратны. С 8. 30, с 8 ч. вечера начинают.

Уж не помню когда – с 8 на 9 или с 9 на 10 – было несколько легче. Вылетели наши аэропланы. Чувство беспомощности уменьшилось. Было отрадно знать, что защита есть. Ощущалась даже некоторая гордость. Увы! Это было впервые и единственный пока раз – наши ночные истребители.

11.45. День кончается, начинается ночь. Интернационал был прерван. Налетели пробные. Зажгли – видно в стороне В<асильевского> о<строва> и Моск<овских> в<орот>. Но летал и летает наш.

Тем не менее – ночь предстоит свирепая. Луна. Небо покрывается высокими пер<ьями>.

12/X

Только что кончилась тревога, проиграли отбой, только что успели подняться наверх, только успел записать – послышался звук знакомого шмеля, грохнул страшный удар, послышался рокот камня. Потом завывла сирена. Побежал вниз. Сидеть надоело. Не все ли равно? Ни подвал, ни отбой гарантии не дают. Теперь, если даже коршуны и улетели, отбоя не дадут.

А равнодушие от живота. Заболел – стало все равно.

2.25. Ночь продолжается. После второго отбоя – из окна было слышно – налетела стая.

Опять грохнуло вблизи. Сейчас тихо, но шмель гудит в отдалении. Луна. Тучки. Редкие звезды.

Разговоры в подвале уже не такие. Определенно – ненависть к немцам. Меры предлагаются крутые: делать то самое, что делают, по газетам, они – рвать головы, кастрировать Гитлера и 20 000 немцев, – больше того, всех немцев!

14/X

Сегодня в ночь зажигалки опять падали на нашу улицу. Фугасные рвались вблизи. Но я вчера совсем вышел из строя. Я ничего не ел. Меня тошнило. Я разбит. Я наполовину мертв.

Жду врача. Он вряд ли придет. Тревоги сегодня частые. День благоприятствует немцам. А луна еще не исчезла. Она выплывет и сегодня.

Дело не в этом. Плохо и с Москвой. Несмотря на передовые от 9/X, – сообщения так же глухи.¹¹⁴ О Ленинграде ничего нет.

Дети в конторе жакта. Женщины. Душно. Не лучше, чем в подвале.

От Светланы письмо за письмом, но все старые. Глупая! Она хочет сюда!

16/X

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...¹¹⁵

Действительно, я – блажен: 1905 год, 1914, 1917, 1928, 1941. Больше, пожалуй, не надо.

С Москвой плохо.¹¹⁶ Оставлена Вязьма, оставлен Мариуполь, идут бои у Калинина...¹¹⁷ Что же это? Где же мощное сопротивление? Где же контрудар? Что же союзники?

Мое дело – крышка. Врач сказал о мирном времени, о курорте... А сейчас... А ночью меня рвало. И я ничего, ничего не хочу.

8 ч. веч<ера>. – Ну, вот: и вечер черный, и луны нет, а он освещает ракетами, открывает лунную дорогу и – летит, летит, летит.

А дальнобойная сегодня опять грохала. Говорят, по Кировскому заводу.

17/X

В «Известиях» от 14, пришедших сегодня, прекрасное обращение наших ученых к ученым всего мира.¹¹⁸ А между тем грубая сила прет и давит унт<тер>-оф<ицарским> сапогом. И нечем остановить. Вчера прилетели, зажгли все небо, и потом зажгли и землю. Огромное зарево не погасало долго. После 11 два раза налетали еще, но, измученные и равнодушные, мы с Лилей спали. Погода продолжает содействовать – морозит. Осени так и не было. Переходим в зиму.

Грубая сила... А у нас? Брат Садыка,¹¹⁹ по рассказу, полный, здоровый мужчина вернулся с передовых. Грязный, оборванный, вшивый, в истлевшем от поту белье, – плачет. Он сапер. Они разбирали дома, строили доты. Как только построят, – немцы либо сверху, либо сбоку доты уничтожают. Разбирают новые дома, строят снова. Командиры будто бы пьянствуют. Будят его, пьяного, он ругается: – Делай, как знаешь. А когда крас<ноармей>цы бегут, им стреляют в спи-

ту. Никто меня не остановил. На улице лучше, чем в подворотне или в подвале.

Облегчение от перерыва бомбежки я не испытал. Я лежал. Впервые я получил бюллетень. Сегодня ему конец! Но чувствую я себя ужасно. Я ослаб. Я едва хожу. Жажду лежать. Желудок лечить можно только диетой. Белого хлеба уже нет. Крупы 200 гр<аммов> на 10 дней. Сверх этого – ниоткуда (или неоткуда?). Союз... Эвакуация... Без денег, больному... Конец, конец и – бесславный.

Сегодня разъясняет. Опять готовиться к ночи? К ночи – вечной? Но мне должно быть – все равно. Внезапная смерть лучше, чем медленное подыхание. Только бы не быть заживо погребенному. К сожалению, морфий мой вместе с кошельком свистнули.

Да! С трудом, но читаю Калидасу. Оказывается, Гоцци не первый. И Малявика, и Сакунтала лучше Турандот.¹²¹

24/X

Три миллиона ленинградцев с ужасом смотрят на проясняющееся небо, на выглядывающее солнце. Солнце, солнце!

Как я лечусь? Диетой. Диета такая: вчера пришел в Союз, обедать. На обед – горох и копченая жареная грудинка. Соблазнился и съел. А сегодня страдаю.

Ноябрь 3

Страдания были нестерпимы. Кричал я дико во весь голос. А Лили не было. Когда она пришла, меня уже дорвало до икоты, и лежал я в полубморочном состоянии. Неотложная помощь посоветовала поставить грелку и не приехала. Врач Слободской,¹²² с которым мы часто сживали в подвале, зашел и обнаружил признаки аппендицита. 25-го с ним согласилась и участковый врач – Ольга Ис<ааковна> Гордон¹²³ (прекрасная, отзывчивая, внимательная). Выписала направление в больницу.

Больница 25 Октября

б<ывшая> Александровская

Было все в тумане. Санитары снесли меня на руках, уложили. В приемной долго осматривали. В ванной дали белье, нашли чистым, хотя я не мылся ½ месяца, потом закутали в одеяло и долго несли через дворы и улицы. Принесли в хирургическое. Оно все переполнено, – даже коридоры. 4<-я> палата, в которую меня положили, полна. Койки стоят почти вплотную, койки стоят и в проходе. Лежат все

жертвы несчастн<ого> случ<ая>: мальчик, попавший под грузовик, с переломом хребта и с лопнувшим мочевым пузырем; парнишка, ездивший за картошкой и попавший под снаряд; попавшие под снаряды на окопах и т. д. и т. п. Из 21 человека – только двое с грыжей, двое с аппендиксом и один с язвой.

Первое, что меня поразило, – дикий холод. Кочегарка разбита во время налета, Амосовские печи¹²⁴ молчат, других нету. Градусники предусмотрительно не повешены. Я кашлял. Дали мне второе одеяло, выклянчил я у сиделки халат, но согреться не мог, не спал всю ночь. Не спал<и>, впрочем, и остальные. Ночью всем холоднее. Ночью бодрствуют многие. Вызывая сиделку (ночью она дежурит на 2 палаты), стучат ложечками в кружки, как в трактире. Мальчик стонет полночи. Ходячих больных только двое. Остальным нужно подавать и банки и судна. Банок (из-под варенья и меда) всего шесть. После того, как судно разбили, осталось одно, которое берут и в соседнюю палату.

Резать меня не стали. Аппендикса не нашли – 3 дня держали на голодной диете, потом перевели на 5-ую с черным горьким хлебом, с черными макаронами. Предполагали выдержать и довести до нормального стола, но... Раненных снарядами дальноб<ойных> орудий привозят каждый день. В одну из ночей с Марти привезли 40 человек. Места нужны. А я для хирургов – не больной. Внезапно мне предложили выписаться, продолжая лечиться на дому. Я ничуть не возражал, т<ак> к<ак> холод покрывал все – и отрывки, и боли. Однако, встав, я брякнулся об столик и, к счастью, упал на постель. Отлежался. Ходил, качаясь и согнувшись. До дому едва дошел. Боли поднялись сызнова.

Врачами положен в постель. Выпиской из б<ольни>цы они возмущаются. Лишь мои разъяснения несколько охладили Гордон, которая еще внимательнее прежнего и которая аппендикс все-таки подозревает. Лежу дома. Питание более слабое, чем 5<-й> стол, но более крепкое, чем голодная диета. Ночью и дома не сплю – боли продолжаются.

Это о себе, ибо живот заслонил все остальное. А остальное – ой! Оставлен Харьков,¹²⁵ немцы у Ростова¹²⁶ и, судя по вопросам к Лозовскому,¹²⁷ уже взят. Донбасс в руках немцев.¹²⁸

Ленинград громят и сверху, и снизу. Дальнобойные становятся непрерывны. Бьют в Кировский, в Ленинск<ий> район, бьют и в наш. Ночью дом сотрясается. Моя надежда на защиту соседнего дома – наивна. Снаряды летят и справа, и слева. Со свистом летят. Чуть-чуть подкрепляясь, опять выступает желание зарыться в подвал. И надо

бы. Ясно, что немцы к 7/XI готовят штурм или грандиозную канонаду. Во всяком случае, наши орудия не могут разгромить вражеские, да и молчат наши орудия. Плохо твое дело, Ленинград! Плохо твое дело, Россия! Но Россия не только – сфинкс, Россия – феникс! Это я знаю.

<Тетрадь пятая>

4 ноября 41 г.

Чудесное утро. Ясное, слегка морозное, с бледно-розовой зарей. Для Лилиных именин. Но вот грохнуло вдали, вот раскатилось грохотом вблизи, – дальнобойная дует опять в наши края.

Чудесное утро. Значит, можно ждать прекрасного лунного вечера. А ленинградцы будут молить о дожде, о слякоти, о грязи. Очень хорошая статья Лидина в «Изв<естиях>». ¹²⁹ Да, налет будет. И у меня уже появился инстинкт самосохранения. Лежать наверху будет трудно. Впрочем, и до вечера шальной снаряд может пробить стену и засыпать.

16.45. Ушли гости. Было так шумно, не слышали тревоги. А хозяйка ушла раньше гостей. Необходимо было получить карточку на белый хлеб. Дело не в этом. Живот опять болел, а ночь предстоит бессонная: бомбежка будет. Ой, как все сложилось! Хочу спать, спать – и не могу. Хочу есть и – нечего.

8 ч. И третья тревога прошла в разговорах с Вячеславом. Оказывается, его не рамой прикрыло, а спящего сбросило с кровати. Он ударился затылком и поясницей в стену.

Бомбежки боюсь. В ушах звук тревоги, зузжанье шмеля, гул зениток. Бедная Лиля! Ей подарили много – молоко, торт, сахар – все это она уступает мне. А сколько ей хлопот! Звонить, бегать, стоять в очередях!

8.35. Еще тревога. Четвертая. Неужели я вышел из больницы, чтобы записывать тревоги? Тревоги с перерывами кончились около двенадцати. Первую ночь с 12 до 4 почти я спал крепко. А сейчас 5½ – пишу и читаю, но живот не болит.

Лиля вчера (потому что сейчас уже 5.00) видела, как появился вражеский самолет, как прожекторы его поймали, а зенитки, окружив кольцевым огнем, сбили.

5/XI

Мучительный сегодня день. С утра жду врача гомеопата. Грохот дальнобойных принимаю за грохот туго отворяемой двери; грохот

раскалываемых над головою полен – за разрывы снарядов. А врача все нет. А снаряды дальн<обойные> рвутся вблизи, стекла звенят, рамы сотрясаются. Врач так и не пришел.

А в 7.30 веч<ера> – тревога. Гремят зенитки, жузжит шмель снова над головой и, кажется, уже 2 раза выпустил жало. Стены вздрогнули. Под адскую музыку плохо выздоравливать. А это еще – цветочки.

Написал и тонкие, и трагические письма. Зачем? Когда жало висит? И что они дадут? – Поздно.

А Россия, все-таки, – Феникс!

20.40. Грохнуло недалеко, и бомба упала не маленькая. Слышался рокот камня. Дом содрогнулся. Лежать, несмотря на фатализм, жутко. Одному, в особенности.

Да! Все друзья забыли. Б<орис>в¹³⁰ так и не зашел. А чай мне прислала Дуся, жена брата. Он на меня в страшной обиде, – не был я у него года 3–4.

6/XI

Не рассчитывай без хозяина! После бессонной ночи хотел поспать, – началась канонада, еще неслыханная, непрерывная, близкая, чувствуется – из тяжелых орудий!

Что-то мы стали рассчитывать вперед: хотим и вино, и елей, и сыру, и крупы, а один снарядик может сделать ненужным и вино, и елей. Печально.

Бедная Лиля! Под грохот она поехала добывать обед в Союзе, стоять в очереди за вином, за сыром, за манкой... А очереди – бесконечные. А вина в бутылках уже нету, по крайней мере, полезного мне. (Кагор, мадера, малага.) Нету и масла сливочного. Не надеюсь и на сыр. А белую булку (по диете!) дали такую черную, что на другой день и в сухарях от хлеба она неотличима. Цена ее 2 р<убля> 90 к<опеек> к<и>л<о>гр<амм>. А керосин выдавать прекратили.

А не спал я не из-за тревог. Тревоги я проспал. А просто не мог. Истомился. Годовщину Октября немцы хотят, очевидно, отметить.

7 ноября – 24 годовщина О<ктябрьской> р<еволюции>

Демонстрации не было. Вместо нее – люди работают. А я лежу, немножко хожу и сижу. С 6 на 7-е иллюминации немцы не устроили. Налеты были не более обычных. Рухнул дом на Надеждинской, – казалось ближе. Угол Николь<ского> и Фонт<анки>. Но канонада сегодня с утра. Над Лилиной головой свистели снаряды. Лилия бежала по улицам. Ничего Лилия не достала – ни вина, ни сыра, ни масла. Питал-

ся я сегодня х<о>р<о>ш<о> – курицей. Но аппетита по-настоящему нет. Ослаб я донельзя.

Сейчас с 8 веч<ера> тяжелые орудия бьют зверски. Бьют к нам. Один удар был так силен, что дом вздрогнул. Лиля прибежала снизу узнать, не в нас ли ахнуло. А грохот разрывов все ближе. – Что делать!

Никто меня не посетил. Ходят Лилины знакомые, я оказался слишком одиноким. Поэтому моральное мое состояние выздоровлению не содействует.

Батт признал, что Сов<етскому> Союзу можно доверить и станки, и оружие.¹³¹ Сколько времени идет! А для нас каждый день – жертвы.

8/XI

Канонада гремит с утра. Если и не дом, то стекла вылетят.

Речь Сталина – речь дельная, правильная. Однако об ошибках – ни слова.¹³²

Поправка моя зависит только от питания. И гомеопат сказал то же.

9/XI

Надо же так! Утро было тихое. Можно бы Лиле уехать с утра. Не сообразили, как сделать. Уехала она в 12. А в 12½ дальнобойная неистовствует.

На друзей надеяться нечего.

3.45. И вдобавок – тревога! Чтобы получить обед, человека надо послать на смерть! Вчера разрушены дома на Майорова, на Плеханова, а налет был дневной с 6 <до> 8. Лилия, вернись!

Нехорошо болеть.

Полчаса. 7 – Лили нету, нету, нет.

10/XI

Поди – рассчитай! Сегодня Лилия выехала в 11. А с 12 до 3-х – тревога! При свинцовом небе, при ветре... Трудно поправляться, когда так волнуешься!

14 ноября

Что в моем ограниченном мире происходит? – Налеты. 12-го вечером бомбил так, что и лампы, и зеркало качались, раскачивался и дом. Вчера с 6 веч<ера> тревоги не прекращались всю ночь, а сегодня продолжают с утра. За обедом Лиле и не уехать. Погода летная.

22/XI

5 месяцев. ½ евр<опейской> России занято. Ленинград бомбят и сверху, и снизу.

Папа¹³³ утешает: еще несколько месяцев, ну, полгода, ну, годик... А хлеб с 200 г<раммов> убавлен до 125.¹³⁴ С 1 дек. – 100 гр<аммов>, I кат<егория> получает 300. В кооперативах ничего нету.

После заметного улучшения – мне опять плохо. Стало больно глотать. Я почти ничего не ел. Способствовало и изменение обедов в Союзе. Давали 2 обеда без вырезок, обеды простые – суп, каша, но как раз то, что мне надо. Стали вырезать талоны на все – и на крупу, и с Лилиной карточки. Пошли обеды мясные. Появились кислые щи, черные макароны.

Тронул брат. Сам зашел. Принес клюквы, молока, маковников. Трогает и А. Н.,¹³⁵ заносит папирос, хлеба, пилит дрова. Трогает Фимочка – приносила варенье, дает теперь спирт на масло обменять. А друзья... А Прокофьев... Даже не написал.

Остроумцы говорят: «Наши войска победоносно отступают. Немцы терпят неудачи и занимают города». Занята Керчь.¹³⁶ Но бои идут. Отступаем с боем. А события нарастают: Япония, очевидно, вступит в войну.

Гремит дальнобойная. Вылетели наши соколы. Можно дожидаться тревоги. Впрочем, и вчера тревога была с 6 до 10. В темь и туман.

Электричество на день выключают.

24/XI

Никто вчера не зашел. Да и мудрено: снаряды пролетают со свистом. С риском для жизни Лиля ездит за обедами. Вчера снаряд пролетел перед ее трамваем. Пока она не дома, тяжело: ожидание выматывает всего. Чувствую себя как будто лучше. Но питание, питание... Говорят – на базах ничего нету. С 1 дек. будто бы выдачи прекратятся.

27/XI

За обедом Лиля вчера ездила с 11 до 6. Были тревоги. Приедет ли она сегодня раньше – тревога безостановочная – и приедет ли вообще – кто знает?

28 <ноября>

Если третьего дня я качнулся в кровати, как в люльке, а дом сочувственно как бы покивал мне головой, то сегодня я качался, раскачивался, как маятник, раздумывая: упасть, что ли? Бомба упала опять

почти рядом. Стекла в спальне вылетели. До налета безостановочно бьет дальнобойная, после налета – тоже. Гремит и сейчас. Близко. А Лиля – в очереди. Шальной осколок, – вот тебе и ушла на ½ часа!

Можно догадываться, что «идет к развязке дело». Упорно говорят, что курсантов вывозят, что войска наши пробиваются к востоку.

<Запись рукой Е. П. Крайской>: А 11-го декабря Алеша умер от полного истощения. Питать его было нечем. Сама я сейчас жутко голодна. Боль, горе утраты любимого и единственного близкого человека притупляется тяжелым чувством голода и предчувствием конца, может быть, более тяжелого, чем Лешина смерть. Он умер безболезненно, еще чем-то я его кормила. После его смерти прошло 7 дней, он еще лежит дома. Какой ужас. Какая боль, и нет Светланы, и я одинока, как тень. И выгляжу как она.

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1829 г. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять».

² Вероятно, реминисценция из стихотворения А. А. Блока 1912 г. «Миры летят. Года летят. Пустая...»: «Вздыхнул, глядишь – опасность миновала... / Но в этот самый миг – опять толчок! / Запущенный куда-то, как попало, / Летит, жужжит, торопится волчок!». Подразумевается земной шар, который нередко сравнивают с запущенным волчком, вращающимся вокруг своей оси.

³ *Милова Евгения Григорьевна* (1900–1943) – технический секретарь правления Ленинградского отделения Союза советских писателей (ЛО ССП); ею оформлены многие протоколы заседаний правления Союза в 1941 г. Состояла в ЛАПШ. Скончалась в блокадном Ленинграде (*Бахтин Вл.* Будни, ставшие подвигом // *Голоса из блокады: Ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944)* / Сост. З. Дичаров. СПб., 1996. С. 40; далее – *Бахтин Вл.*).

⁴ *Величкин Сергей Федорович* – прозаик. В 1939–1940 гг. исполнял обязанности ответственного секретаря правления ЛО ССП, в июне 1941 г. – оргсекретарь правления. Ушел на фронт, как и ответственный секретарь ЛО ССП Б. М. Лихарев. В июле 1941 г. ответственным секретарем Союза избрана В. К. Кетлинская.

⁵ *Черноков Михаил Васильевич* (1887 или 1890–1943) – прозаик. Автор сборника рассказов «Теплые росы» (1926), романа о библиофилах «Книжники» (1933), повести «Близкое и далекое» (1940) и др. В 1939–1941 гг. работал над романом «Интервенция на севере». Один из первых директоров писательской Книжной лавки, с мая 1941 г. – заместитель директора Дома писателей. В 1941–1942 гг. – секретарь партбюро ЛО ССП, сменил на этом посту ушедшего на фронт К. Т. Ванина (см. примеч. 8). Являлся ответственным за участие писателей в оборонных работах. В апреле 1943 г. тяжело больной писатель был эвакуирован из Ленинграда; скончался в Вологде.

⁶ *Цензор Дмитрий Михайлович* (1877–1947) – поэт, участник литературного кружка «Вечера Случевского», Цеха поэтов (с 1913). В советское время в основном писал стихи для детей («Мои соседи», 1927; «Вова-корабельщик», 1929); в 1940 г. издал сб. «Стихотворения. 1903–1938: К 35-летию литературной деятельности». Перед войной был секретарем партийной организации ЛО ССП.

⁷ Формирование Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) началось с 29 июня 1941 г. На митинге 4 июля многие писатели заявили о намерении вступить в ополчение. К. Т. Ванин, открывший митинг, выразил мнение, что советский народ победит фашизм. Выступали М. Л. Слонимский, В. К. Кетлинская, Я. Л. Горев, И. Ф. Крафт, П. Т. Журба, Н. Ф. Григорьев и др. Патриотические стихи читали И. И. Садофьев, Е. И. Рыбина, Л. М. Попова (Литературная газета. 1941. 6 июля. № 27. С. 4). 5 июля в ополчение вступили свыше 80 писателей (Ленинградская правда. 1941. 5 июля. № 158. С. 2). «Вступают в народное ополчение инженеры и ученые, писатели и артисты, художники и музыканты», — писала «Ленинградская правда» (1941. 6 июля. № 159. С. 1). Писательский взвод, сформированный из добровольцев, входил в состав 1-й дивизии народного ополчения, созданной при Кировском заводе. Командовал взводом писатель С. А. Семенов. Дивизия защищала город на Лужском направлении. Позже на основе писательского взвода создана редакция газ. «За Советскую Родину» (редактор — А. Островский).

⁸ Ванин Кесарь Тихонович (1905–1982) — прозаик. Член ЛАПП, участник литературной группы «Резец». Автор многих сборников рассказов и повестей, в том числе военного периода («Русская сила: Фронтовые зарисовки»; 1943). С середины 1930-х гг. — парторг, в 1950-е гг. — член партбюро и секретарь ЛО ССП; директор Литфонда (1938–1939). В начале войны ушел добровольцем на фронт, был редактором газеты 2-й дивизии народного ополчения, в 1942 г. — редактор газ. «Сталинское знамя»; участвовал в боях.

⁹ Вероятно, речь идет о сборнике «Родина зовет: Сборник ленинградских писателей». В 1941 г. вышли два выпуска. Произведения Крайского в них не публиковались.

¹⁰ А. С. Пушкин.

¹¹ Имеются в виду писатель М. Горький (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) и поэт В. В. Маяковский.

¹² Публикация очерка не выявлена.

¹³ 4 июля 1941 г. 4-я танковая группа немецких войск прорвалась на территорию Ленинградской области и захватила г. Остров, в 55 км от Пскова. 5–7 июля шли ожесточенные бои за город, несколько раз переходивший из рук в руки, но отстоять его не удалось. В официальной информации сообщалось об упорных боях на Островском направлении (Правда. 1941. 7 июля. № 186. С. 1; 8 июля. № 187. С. 1).

¹⁴ Елизавета Петровна Крайская.

¹⁵ Имеется в виду газ. «Ленинградская правда».

¹⁶ В архиве Крайского сохранился автограф его письма Первышкину, начинающему автору из деревни Чирки Омской области, возмнившему себя талантливым поэтом, которому никто не хочет помочь. Крайский, «разбирая» его стихотворные опусы, пишет: «Талант заключается в способности внутренние переживания раскрывать в конкретной форме, происходящее изображать в живой картине, раскрывать глубоко и проникновенно. Вот этих способностей пока что у Вас не видно, и направлять, выходит, нечего. Можно только говорить о ложном взгляде на поэзию, о безвкусице и неграмотности. Неграмотность сказывается и в искажении слов, <...> и в неправильном написании, <...> и в неправильном построении фразы. <...> Безвкусица сказывается и в особом смаковании любовных процессов, и в неуклюжих, высокопарно-пошлых фразах. <...> Ложный взгляд заключается и в том, что плохую версификацию Вы принимаете за талант. <...> Вернуть к плодотворной жизни Вас может полезная работа и общая культура. Только культура может Вам дать и правильное представление о поэзии» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 148, л. 3, 4). Упомянутое Крайским «погромное» письмо обиженного автора не выявлено.

¹⁷ Газ. «Красный Балтийский Флот», печатный орган Политотдела Балтфлота, выходила с весны 1919 г. Публикации Крайского в газете не выявлены.

¹⁸ *Абрамкин Владимир Михайлович* (1908 или 1910–1968) – литературовед. В 1930-е гг. – научный сотрудник ИРЛИ АН СССР, ученый секретарь Словесного отделения Академии искусствознания, преподаватель Коммунистического института журналистики. В июне 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение, участвовал в боях под Гатчиной; был военным корреспондентом дивизионной газ. «Сталинское знамя», с декабря 1941 г. – лектор и начальник лекторской группы фронтового Дома Красной Армии. Для театральных фронтовых бригад написал пьесы «Таня» (о Зое Космодемьянской; совм. с Б. Бродянским), «Путь к победе». Был контужен, демобилизован в 1943 г.

¹⁹ В начале июля руководство Союза писателей договорилось с издательством «Советский писатель» «буквально в два дня выпускать небольшие книжечки по половине печатного листа, причем это будет серия героических эпизодов» (*Бахтин Вл. С.* 21). Были изданы брошюры В. А. Каверина, В. К. Кетлинского, П. Н. Лукницкого и др. Публикации Крайского не выявлены. В ленинградском Доме писателей им. Маяковского Союз писателей организовал пресс-бюро, куда представлялись произведения оборонной тематики. «Пресс-бюро уже подготовило и сдало первый сборник стихов, песен и частушек для красноармейцев, куда вошли произведения Тихонова, Прокофьева, Саянова, Лихарева, Волженкина, Флита, Лифшица и др., – информировала «Литературная газета». – На днях сдаются в печать второй и третий сборники» (Литературная газета. 1941. 13 июля. № 28. С. 4).

²⁰ Информация о продолжающихся крупных боях на Псковско-Порховском направлении появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 15 июля 1941 г. (Ленинградская правда. 1941. 16 июля. № 168. С. 1). Псков, находящийся в 280 км от Ленинграда, был занят немецкими войсками 9 июля 1941 г.; Порхов, в 88 км от Пскова, – 11 июля. От Пскова самый короткий путь к Ленинграду проходил по Киевскому шоссе, идущему через Лугу. 14–18 июля на Лужском оборонительном рубеже, сооруженном силами ленинградцев, в основном женщин и детей, шли ожесточенные бои, вынудившие германское командование временно прекратить наступление на Ленинград. Псков освобожден 23 июля 1944 г., Порхов – 26 февр. 1944 г.

²¹ Бои под Смоленском, продолжавшиеся с 10 июля до 10 сент. 1941 г., задержали наступление немецких войск на Москву. 16 июля город был оккупирован. См. также примеч. 68 к дневнику Е. П. Крайской.

²² Станция Невель, расположенная на железнодорожной магистрали Ленинград–Витебск и шоссе на дороге Ленинград–Киев, была оккупирована немецкими войсками 16 июля 1941 г. Освобождена в октябре 1943 г. Железнодорожная станция Дно, соединяющая Псков с Москвой и Ленинград с Витебском и Полоцком, занята 19 июля 1941 г., освобождена 24 февр. 1944 г.

²³ Сведения об этом произведении не выявлены.

²⁴ В газетах «Правда» и «Ленинградская правда» рассказы Крайского не публиковались.

²⁵ См. примеч. 28 к вступ. ст.

²⁶ В соответствии с решением СНК от 18 июля 1941 г. в Ленинграде, как и в некоторых других городах страны, была введена карточная система. В июле и августе 1941 г. рабочие получали по карточкам 800 г хлеба в день, служащие – 600, иждивенцы и дети – 400. По такому же принципу были определены ежемесячные нормы выдачи и остальных видов продовольствия – крупы, мяса и мясопродуктов, жиров, сахара и кондитерских изделий. Снижение норм выдачи продуктов

впервые произошло 2 сент. Кроме того, 1 сент. была запрещена свободная продажа продовольствия.

²⁷ Первый воздушный налет на Москву совершен в ночь на 22 июля 1941 г. «В 22 часа 10 минут 21 июля немецкие самолеты в количестве более 200 сделали попытку массированного налета на Москву, — сообщала «Ленинградская правда». — Налет надо считать провалившимся. Заградительные отряды нашей авиации не допустили основные силы немецких самолетов к Москве. Через заградительные отряды к Москве прорвались лишь отдельные самолеты противника. В городе возникло несколько пожаров жилых зданий. Имеется небольшое количество убитых и раненых. Ни один из военных объектов не пострадал. Нашей ночной авиацией и огнем зенитных батарей, по неполным данным, сбито 17 немецких самолетов. Воздушная тревога продолжалась 5 с половиной часов» (Ленинградская правда. 1941. 22 июля. № 173. С. 2). По сведениям, приведенным в книге Я. Кекало «Советские зенитчики» (М., 1959. С. 31), немецкие бомбардировщики (более 200) на подступах к Москве были рассеяны, сбиты 22 самолета; только одиночным бомбардировщикам удалось прорваться к городу.

²⁸ В этот день немецкие бомбардировщики неоднократно пытались прорваться к городу, но все атаки были отбиты. С 23 июля в Ленинграде введены круглосуточные дежурства на крышах и чердаках домов для тушения зажигательных бомб.

²⁹ Очевидно, речь идет о Н. Кольцове — ученике Крайского в одном из литературных кружков. В письме с фронта он рассказывал поэту: «У бойцов настроение неплохое, кто как, но большею частью надеются на победу» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 149, л. 8). См. также примеч. 83.

³⁰ Фраза не окончена.

³¹ В 1941 г. ленинградское издательство «Искусство» выпустило пять таких сборников: Эстрадный сборник: Стихи, рассказы, пьесы; *Верховский Н. Ю.* Боевые страницы прошлого: Стихи и рассказы; *Верховский Н. Ю.* Победа за нами: Стихи и рассказы; Победа будет за нами: Стихи, рассказы, пьесы; Эстрада для фронта: Стихи, рассказы, пьесы. Произведения Крайского в сборниках не публиковались.

³² См. примеч. 28 к вступ. ст.

³³ Речь идет об антигитлеровской коалиции, военно-политическом союзе СССР, США, Великобритании и других стран. 12 июля 1941 г. в Москве заключено соглашение с Великобританией о взаимной помощи и совместных действиях против Германии; 18 июля — с правительством Чехословакии, находящимся в эмиграции в Лондоне, 30 июля — с правительством Польши о восстановлении дипломатических отношений и взаимной помощи. 29 сент.—1 окт. в Москве состоялась конференция представителей СССР, США и Великобритании о взаимных поставках. Официально антигитлеровская коалиция оформилась 1 янв. 1942 г., когда 26 государств, объявивших войну Германии и ее союзникам, выступили с Вашингтонской декларацией Объединенных Наций. См. также примеч. 15 к дневнику Е. П. Крайской.

³⁴ Постановление о привлечении жителей Ленинграда к трудовой повинности, строительству оборонительных сооружений, принято Ленгорисполкомом 27 июня 1941 г.

³⁵ В письмах дочери Крайский описывал жизнь в городе и убеждал ее потерпеть: «Пользуясь нарочным, сообщу коротко то, о чем по почте говорить не решаюсь: голодно у нас очень. Фашисты приближаются. <...> Сиверская разбита сильно. Детей и матерей из Ленинграда эвакуируют опять. Увозят далеко — в Сибирь. <...> Ждут налетов на город. Ночи уже черные — летать легко. На Москву налетают часто. Жители с вечера прячутся в метро. У нас же никуда не спрячешься» (из письма от 14 авг. 1941 г.:

РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л.12); «Доченька! Вслед за хорошим письмом от тебя снова пришло отчаянное. Надо сознаться, тебе не везет. К горестям разлуки и болезни тебе прибавляется лишка. Бедствия войны тебя коснулись раньше, чем надо. Что ж делать, дорогая, вооружись мужеством и терпением, воюй, – все воюют, даже дети. Воюй и с болезнью, и со скукой, и с разлукой, – иначе нельзя. В город ты просишься напрасно. В городе у нас плохо. Продуктов нет. Рынки пусты. <...> Детей, женщин, стариков увозят, увозят каждый день. Немцы очень близко» (из письма конца августа 1941 г.: Там же, л. 14). Последняя записка написана в конце октября 1941 г.: «Дочка! Я еще жив. Вчера из больницы вышел. Целую тебя, желаю бодрости и здоровья. Отец» (Там же, л. 21).

³⁶ Организованная эвакуация населения Ленинграда, прежде всего детей и женщин, началась в первую неделю войны. В конце июня 1941 г. была создана Городская комиссия по эвакуации, проводившая разъяснительную работу о необходимости выезда из города, так как многие жители не хотели покидать свои дома. Первый этап эвакуации продолжался с 29 июня по 27 авг., когда немецкие войска захватили железную дорогу, связывающую Ленинград со страной. 29 авг. два последних эвакопоезда успели проскочить уже разбитую бомбами станцию Мга. 10 авг. принято решение о дополнительной эвакуации населения Ленинграда. Второй этап эвакуации (сентябрь 1941–апрель 1942 г.) проводился уже из блокированного города через Ладожское озеро водным транспортом до Новой Ладоги, самолетами, по ледовой дороге через Ладожское озеро. Третий период эвакуации продолжался с мая по октябрь 1942 г. Всего за период блокады из города были эвакуированы около 1, 5 миллиона человек.

³⁷ Такая информация появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 13 авг. 1941 г. (Ленинградская правда. 1941. 14 авг. № 193. С. 1). Смоленск был сдан 16 июля, но бои за город продолжались по 28 июля. См. примеч. 21.

³⁸ Город Николаев оккупирован 17 авг. 1941 г., освобожден 28 марта 1944 г.

³⁹ Новгород оккупирован 15 авг. 1941 г., освобожден 20 янв. 1944 г. 16 авг. захвачена станция Волосово, расположенная в 72 км от Ленинграда; 20 авг. – г. Луга, освобожден 12 февр. 1944 г.

⁴⁰ 21 авг. 1941 г. было опубликовано обращение командования Северо-Западного направления, Городского комитета ВКП(б) и Исполкома Ленинградского Совета депутатов трудящихся «Ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым, с призывом встать «как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы», создавать новые отряды народного ополчения, овладеть оружием и усилить противовоздушную оборону города. «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск, – говорилось в обращении. – Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины. Но не бывать этому! Ленинград – колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны, никогда не был и не будет в руках врагов. <...> Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!» (Ленинградская правда. 1941. 21 авг. № 199. С. 1).

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – член ГКО, главнокомандующий войсками Северо-Западного направления (до 5 сент. 1941), командующий войсками Ленинградского фронта (с 5 по 14 сент.), представитель Ставки Верховного Главнокомандования по формированию войск (сентябрь 1941–февраль 1942), представитель Ставки на Волховском фронте (февраль–сентябрь 1942).

Попков Петр Сергеевич (1903–1950; расстрелян) – советский партийный деятель. В 1939–1946 гг. – председатель Исполкома Ленгорсовета, в 1941 г. – член Комиссии по вопросам обороны Ленинграда. С апреля 1942 г. – член Военного совета Ленинградской армии ПВО. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда. В 1946–1949 гг. – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В августе 1949 г. арестован; являлся одним из главных фигурантов «Ленинградского дела» – послевоенных чисток в партаппарате. Об А. А. Жданове см. примеч. 29 к вступ. ст.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² 20 авг. 1941 г. К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов подписали приказ об организации обороны города, создании рабочих батальонов по территориальному принципу. Согласно приказу, «в случае нехватки винтовок и пулеметов, предлагалось вооружать батальоны охотничьими ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью, саблями, кинжалами, пиками» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 57). В «Ленинградской правде» приказ не публиковался. 22 авг. в этой газете (№ 200. С. 1) напечатана передовая «Все, как один, на защиту родного города!» с призывом выполнить «священный долг советского патриота», вступать в ряды народного ополчения, «обеспечить снабжение фронта вооружением и боеприпасами и снабдить оружием отряды Народного ополчения».

⁴³ Имеется в виду ученик Крайского Н. Кольцов (см. примеч. 29, 83). Упомянутое Крайским письмо в архиве не сохранилось.

⁴⁴ В письме Иде Михайловне Купер, жене писателя, Крайский сообщал: «Пользуясь представившимся случаем, пишу Вам о Сене подробнее. Он уехал на Кавказ, добровольцем, уехал внезапно, в 2 дня, с помощью Саши (А. А. Прокофьева. – Т. К.). Сделал он очень хорошо, потому что предстояло ему идти в рабочую дружину, что предстоит мне. Моя нерасторопность и безденежье не позволили мне присоединиться к Сене, о чем жалею» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 158, л. 1). См. также примеч. 62.

⁴⁵ 20 авг. 1941 г. немецкие войска взяли г. Чудово, перерезав железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой; 21 авг. шли тяжелые бои под Гатчиной, в 8 км от южной границы Ленинграда; в тот же день советские войска оставили г. Кингисепп, расположенный в 130 км от Ленинграда.

⁴⁶ Об А. А. Прокофьеве см. примеч. 21, 22 к вступ. ст.

⁴⁷ Неточная цитата из стихотворения А. Прокофьева «Умрем, но не допустим!», опубликованного 22 авг. 1941 г. в «Ленинградской правде». Правильно: «Умрем, но не допустим / Нам воля дорога / К Невы широкой устью / Проклятого врага!».

⁴⁸ Призыв к борьбе с дезертирами, шпионами, паникерами впервые прозвучал в выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г.: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. <...> Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица» (Ленинградская правда. 1941. 3 июля. № 154. С. 1). Эта тема затрагивалась и в обращении руководителей Ленинграда «Ко всем трудящимся города Ленина» от 21 авг. (см. примеч. 40): «Выполним наш священный долг советских патриотов! Будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе». В августе–сентябре «Ленинградская правда» неоднократно печатала передовые, призывающие горожан «проявлять величайшую настороженность и бдительность к пронкам врага», усилить охрану военных и промышленных

объектов, учреждений, вокзалов, мостов: «Священный долг каждого ленинградца – помогать органам НКВД срывать маску со шпионов, диверсантов и их пособников, уничтожать врага, где бы он ни появился» (Ленинградская правда. 1941. 23 авг. № 201. С. 1). См. также передовую «Выше революционную бдительность!» (Там же. 20 сент. № 225. С. 1).

⁴⁹ Имеется в виду С. А. Купер. См. примеч. 28 к вступ. ст.

⁵⁰ *Дедов Георгий Андреевич (Адрианович)* (1898–1944) – прозаик. Состоял в ЛАПП. Автор повестей «Пятнадцать лет любви» (1930), «Беглец» (1941). Во второй половине 1930-х гг. работал над романами «Диктатор», «Высокое напряжение» (о молодых инженерах на строительстве Новосибирского радиопередатчика), «Путешествие к себе» и книжкой рассказов для детей «Дружба» (анкеты ЛО ССП: ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 2, № 57). В начале войны вступил добровольцем в армию, был военным корреспондентом, принимал участие в боях. Погиб в сражении под Будапештом.

⁵¹ *Беляев Владимир Павлович* (1909–1990) – детский писатель, публицист. Автор трилогии «Старая крепость» (1951). В 1930-е гг. работал на ленинградском заводе «Большевик», занимался в литературном кружке Крайского. С 1934 г. работал в редакции журн. «Литературный современник». В 1936 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», но вскоре освобожден. Были репрессированы его мать и отчим, военком Е. Л. Беляев. В 1941 г. участвовал в обороне Ленинграда в составе формирований народного ополчения. В феврале 1942 г. эвакуирован в Архангельск, служил военным корреспондентом Совинформбюро на Севере, сотрудником военной газ. «Патриот Родины». В 1942 г. в Архангельске вышла его книга о блокадном городе «Ленинградские ночи», охарактеризованная А. А. Прокофьевым как «развесистая клюква или халтура, тем более недопустимая, что автор связал ее с темами нашего великого <...> города времен Отечественной войны» (Звезда. 1944. № 4. С. 119). Писатель Ю. М. Нагибин характеризовал впоследствии Беляева как «темнейшего человека», совершавшего поступки, противоречащие нормам морали (*Нагибин Ю.* Дневник. М., 1996. С. 127–130).

⁵² Решением Военного совета Ленинградского фронта с 25 авг. 1941 г. в городе введено осадное положение. Установлено новое время начала спектаклей, концертов и киносеансов – 18 часов, окончание – не позднее 20 часов 45 минут.

⁵³ Город Гаврилов Ям Ярославской области, где находился интернат с эвакуированными Литфондом детьми ленинградских писателей. В октябре 1941 г. переведен в деревню Черная в Пермском крае; существовал до июня 1944 г. Начальник интерната – С. Г. Бешелев, заместитель – З. А. Никитина. В интернате жили и работали критики А. И. Лаврентьева-Кривошеева, Т. К. Трифонова, жены некоторых писателей, в частности, – М. Н. Чуковская, Н. А. Гор (повар), Н. Н. Ванина (сестра-хозяйка), И. П. Стуккей (жена Вс. А. Рождественского), Л. П. Азарова, С. С. Альтерман (Острова). См. подробнее: *Альтерман С.* Командировка // Голоса из блокады... С. 234–239.

⁵⁴ Месяц август указан ошибочно. Здесь и далее речь идет о событиях сентября 1941 г.

⁵⁵ Началом блокады считается 8 сент. 1941 г., когда немецкие войска заняли Шлиссельбург, полностью блокировав Ленинград с суши, но жители города потеряли возможность покинуть Ленинград уже в конце августа, с оккупацией станции Мга и прекращением железнодорожного сообщения. К этому времени в городе оставалось 2 миллиона 544 тысячи жителей и около 300 000 беженцев из прибалтийских республик и соседних российских областей.

⁵⁶ Первые артиллерийские обстрелы Ленинграда со стороны оккупированного Тосно начались 4 сент. 1941 г.; 6 сент. немецкая авиация двумя группами по 30 самолетов прорвалась к городу, сбросив первые бомбы.

⁵⁷ Информация основана на слухах. Станция Мга занята немецкими войсками 30 авг. 1941 г., освобождена 21 янв. 1944 г. В сентябре 1941 г. под Мгой шли ожесточенные бои, советские войска пытались овладеть станцией и прорвать кольцо блокады, но потерпели поражение (см., в частности: <http://dacha-50km.narod.ru/info/stati/index.html>). Слухи о том, что Мга отбита, зафиксированы и в дневнике П. Н. Лукницкого: «Вчера я опять встретил фотографа и „блиндажевладельца” Д-на. Он „все знает”, он сказал мне, что идут большие бои за Белоостров, Сестрорецк, что нами взяты обратно Мга и Пушкин. <...> Все это неверно. Я лучше других знаю о положении в Белоострове и Сестрорецке: Белоостров давно уже наш, а за Сестрорецк никакие бои не ведутся, потому что в нем с начала сентября положение настолько сильное и твердое, что финны и не пытаются лезть на Сестрорецк. Что же касается Мги, Пушкина и прочего, то, к сожалению, ничего радостного для нас на тех участках фронта пока не произошло» (*Лукницкий П. Н.* Ленинград действует... Фронтовой дневник. Первый год войны. М., 1971. Кн. 1. С. 166). См. также примеч. 36.

⁵⁸ Массированный налет начался в тот день в 18 часов 55 минут; только на Московский район упало 5000 зажигательных бомб, вспыхнуло 178 пожаров, в том числе на Бадаевских складах, где находились запасы продовольствия. В 22 часа 35 минут налет повторился; повреждена главная водопроводная станция города (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 73). Первые бомбежки произвели угнетающее впечатление на жителей города. «А нам все время говорили, что Ленинград недоступен, что налетов не будет, — записала в дневнике Елена Скрабина. — Вот и недоступен! Противовоздушная оборона оказалась мыльным пузырем. Гарантия безопасности — пустая фраза. <...> Уничтожение Бадаевских складов грозит неминуемым голодом» (*Скрабина Е. А.* Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки. Париж, 1976 // http://militera.lib.ru/db/skryabina_ea/01.html).

⁵⁹ Вероятно, имеются в виду стороны света: восток и юг.

⁶⁰ Цитируется подпись под одной из трех фотографий, помещенных под заголовком «Героическая оборона Одессы» (Известия. 1941. 5 сент. № 210. С. 1). На них запечатлены рабочие Одессы, строящие бронепоезд, отряд моряков, отправляющийся на передовые позиции, корабль Черноморского флота, ведущий огонь по румынским войскам. В этом же номере помещены заметки о героической обороне Одессы и огромных потерях румынских войск, осаждавших город. Осадное положение введено 8 авг. 1941 г.; оборона Одессы продолжалась с 5 авг. по 16 окт. 1941 г., когда по приказу Ставки войска Одесского оборонительного района были планомерно эвакуированы и переброшены для усиления 51-й отдельной армии, оборонявшей Крымский полуостров.

⁶¹ Крайский жил на пр. Маклина, д. 39 (ныне — Английский пр.).

⁶² Имеется в виду Ида Михайловна Купер, жена писателя С. А. Купера, работавшая в Литфондовском интернате, где находился также их сын Анатолий. В архиве Крайского сохранилось письмо к ней (написано, видимо, в конце августа), в котором он просит позаботиться о дочери и рассказывает о положении в городе: «Как Вы, наверное, знаете, положение у нас угрожающее. Немцы очень близко. Близость эта оказалась для нас внезапной, — информации к ней не очень подготовили. Предполагается, что новое ополчение и рабочие дружины отстоят город, если кадровая Армия этого не сделает. Я сильно надеюсь на осенние дожди, которые уже начались. Очень может быть, что немцы в болотах завязнут. Тогда они начнут бомбить город. А с другой стороны будет бомбить нас голод. Недостаток продуктов уже ощущается. Рынки пусты, коммерческие магазины закрываются. Окна всех магазинов баррикадируются ящиками с песком. От этого город кажется нежилым, заколоченным в гроб. <...> Настроение в городе подавленное. Масса беженцев отовсюду. Вокзалы переполнены толпами

и эшелонами» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 158, л. 1, 2). И. М. Купер взяла на себя заботу о дочери поэта, Светлане, в период блокады поддерживала его жену, неоднократно посылала ей продуктовые посылки. См. об этом в дневнике Е. П. Крайской.

⁶³ 11 сент. бомбежке подверглись многие районы города, в том числе Октябрьский, где жил Крайский. В городе разрушено 16 зданий, поврежден водопровод, возникло 40 пожаров. В торговом порту сгорели 14 складов. Ленинград бомбили более 20 немецких самолетов (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 78).

⁶⁴ См. о ней запись в дневнике Е. П. Крайской от 20 мая и 10 июля 1942 г.

⁶⁵ Норма выдачи I категории в дневнике не указана. С этого времени она составляла 500 граммов (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 79).

⁶⁶ Имеется в виду парк при Лесном институте (с 1929 г. – Лесотехническая академия) в Выборгском районе Ленинграда. Артиллерийские снаряды не долетали в этот район, и во время обстрелов жители города укрывались в парке.

⁶⁷ Цитата из информационной заметки «Налет немецких самолетов на Ленинград» (Ленинградская правда. 1941. 12 сент. № 218. С. 1).

⁶⁸ В дневник вклеена вырезка из «Ленинградской правды» (1941. 11 сент. № 217. С. 1) под заголовком «Приветствие лондонского радио городу Ленина».

⁶⁹ Весной 1940 г., после окончания Советско-финляндской войны, Выборг отошел к СССР. В период Второй мировой войны Финляндия выступила на стороне Германии. 25 июня 1941 г. правительство Финляндии объявило, что находится в состоянии войны с СССР. 29 авг. 1941 г. под натиском финской армии советские войска оставили Выборг. 20 июня 1944 г. в город вошли советские войска. См. также примеч. 93 к дневнику Е. П. Крайской.

⁷⁰ Цитата из заметки «Месяц героической обороны Одессы (Многолюдный митинг трудящихся)» (Ленинградская правда. 1941. 11 сент. № 217. С. 1). Выступавшие на митинге заверяли: «Мы дали слово великому Сталину – отстоять родной город от фашистских полчищ и клянемся, что мы свое слово сдержим».

⁷¹ Осада Киева началась 11 июля 1941 г., когда части немецкой 6-й армии вышли к реке Ирпень. В середине сентября четыре советские армии оказались в котле и понесли огромные потери. 19 сент. 1941 г. Киев был занят немецкими войсками. Официальная информация об этом появилась в сводках Совинформбюро от 21 сент. (Правда. 1941. 22 сент. № 263 С. 1; Ленинградская правда. 1941. 23 сент. № 227. С. 1). Освобожден 6 нояб. 1943 г.

⁷² Город Ельня под Смоленском оккупирован 19 июля 1941 г.; освобожден 8 сент. 1941 г.

⁷³ 13 сент. 1941 г. немецкие войска подошли к Пулковским высотам, но оборону советских войск прорвать не смогли. Линия фронта прошла у подножия Пулковских высот.

⁷⁴ Так начинались письма консультанта Крайского с разбором присланных в журналы произведений начинающих авторов.

⁷⁵ Цитата из передовой «Ленинградской правды» «Враг у ворот» (1941. 16 сент. № 221. С. 1), напечатанной также листовкой и расклеенной по городу. В этот день был сдан Урицк (ныне Лигово), тяжелые бои шли в районе Колпино, 17 сент. захвачен г. Пушкин. В тот же день началось срочное переселение жителей Кировского и Московского районов. Военный совет фронта принял постановление о передаче 40 тонн взрывчатки районным тройкам для минирования промышленных предприятий согласно разработанному плану. См. об этом: План «Д»: План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда / Сост., вступ. ст. С. К. Бернева, Н. А. Ломагина. СПб., 2005 (Серия «Архив Большого Дома»).

⁷⁶ Неустановленное лицо.

⁷⁷ Александровская больница основана в 1842 г., располагалась в нескольких зданиях в разных частях города. В 1866 г. построен комплекс на наб. Фонтанки, д. 132, о котором, вероятно, идет речь в дневнике. После революции переименована в больницу им. 25 Октября. В 1985 г. переведена на пр. Солидарности, д. 4; возвращено историческое название.

⁷⁸ Володарский район в 1949 г. переименован в Невский.

⁷⁹ Фима, соседка Крайского. Жена врача-гомеопата В. В. Изразцова. См. о ней также в дневнике Е. П. Крайской.

⁸⁰ Типография им. Евгении Соколовой (бывшая типография Товарищества А. Ф. Маркса) находилась на пр. Красных командиров, 29 (ныне Измайловский пр.). С ноября 1941 по апрель 1942 г. типография была законсервирована.

⁸¹ Вероятно, речь идет о Александре Игнатьевиче Сорокине-Гайворонском, авторе книг «О творчестве Демьяна Бедного» (1934), «Блестящая операция» (1939), «У края земли» (1940), знакомом Крайского по работе в литературных кружках. Возрастание антисемитских настроений в Ленинграде в первые месяцы войны обсуждалось 20 авг. 1941 г. на заседании ленинградского партактива, посвященного задачам ВКП(б) в связи с обороной города. В передовице «Будем бдительны и беспощадны к врагу!» «Ленинградская правда» призвала «безжалостно разоблачать и сурово наказывать всех распространителей слухов, болтунов, трусов, малOVERов, всех, сеющих панику, возбуждающих антисемитизм, всех, пытающихся подорвать монолитное единство трудящихся Ленинграда» (1941. 23 авг. № 201. С. 1). См. об этом: *Ломагин Н. А.* *Неизвестная блокада.* СПб., 2004. Кн. 1. С. 314–315; Кн. 2. С. 127, 223.

⁸² Месяц август (VIII) указан ошибочно. Речь идет о событиях сентября 1941 г.

⁸³ Вероятно, имеется в виду стихотворение Н. Кольцова (см. о нем примеч. 29), присланное с фронта для публикации. В письме Крайскому от 31 дек. 1941 г. Кольцов, не зная о смерти поэта, сетует, что стихотворение не опубликовали, и приводит его фрагмент: «Но близок час победы и расплаты / За разрушенье мирных сел и городов / Прославленный в боях неоднократно, / Отполируем штык о полчища врагов. / И всех удел их будет одинаков / Над мертвецами воронье поднимет стон / Валяться всюду будут с черным знаком / Останки лезвий, касок, лоскутки знамен». И далее боец пишет: «Валяются они группами и в одиночку, запечатлелся один офицер, как видно, указывал куда-то пальцем, так и замерз, указывая. И вот к этим бывшим людям является одно презрение, хочется отвернуться от них и не смотреть на них» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 149, л. 9–9 об.). «Переделанное» Крайским стихотворение прямо противоположно по своему мироощущению боевому настрою стихотворения Кольцова.

⁸⁴ Цитата из статьи «Район готовится к обороне» (Ленинградская правда. 1941. 19 сент. № 224. С. 3).

⁸⁵ См. примеч. 71.

⁸⁶ Сестра Крайского.

⁸⁷ *Олесов Федор Константинович* (наст. фам. Смирнов; 1911–?) – прозаик. Автор романа о беспризорниках «Возвращение» (Л., 1937). В конце 1930-х гг. работал над романами «Последние», «Гибель профессии» (ЦГАЛИ СПб., ф. 371, оп. 2, № 182, л. 4, 10). Участник Советско-финляндской войны (1939–1940), военный корреспондент. С июля по декабрь 1941 г. служил специальным корреспондентом на кораблях Балтийского флота. С 1942 до сентября 1946 г. жил в эвакуации в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, руководил литературным кружком при городской библиотеке, издал повесть «Угольных дел мастер» (Новосибирск, 1942), роман «Прощание молча»

(журн. «Сибирские огни». 1946. № 1, 2, 5, 6). В 1946 г., после постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», вместе с другими сибирскими писателями подвергся критике за искажение советской действительности в романе «Прощание молча». Вернулся в Ленинград в 1946 или 1947 г. Был одним из тех, кто не порвал общения с опальным Зощенко.

⁸⁸ *Алехин (Масловский) Глеб Викторович* (1907–1994) – прозаик. В начале войны вступил в народное ополчение, был военным корреспондентом, сотрудником редакции газ. «За Советскую Родину» при дивизии народного ополчения Кировского завода. Печатал очерки и повести также в армейской газ. «Удар по врагу»; большим успехом пользовалась повесть о разведчиках «Чёртова трубка». Автор книг об обороне Ленинграда «Разведчик Михаил Козеко» (1943), «На рубежах Ленинграда» (1943).

⁸⁹ *Лившиц Владимир Александрович* (1913–1978) – поэт, прозаик, драматург. Отец поэта, литературоведа Л. В. Лосева. В 1941 г. вступил в народное ополчение, затем был заместителем командира стрелкового полка по политчасти на Ленинградском фронте; ранен, демобилизован в звании майора. Автор около 30 книг стихов, в том числе военного периода: «Следы на снегу» (1941), «Миллион братьев. Стихи» (1943), «Зарево над заливом» (1945), «Клятва. 1941–1943» (1944).

⁹⁰ *Панфилов Евгений Андреевич* (1902–1941) – поэт. Участник петроградского Пролеткульта, ассоциации «Космист», литературной группы «Стройка». Был дружен с Крайским, посвятил ему (и А. Тверяку) стихотворение 1932 г. «Слово о нашем будущем» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 119). «Стихи он пишет изумительные», – отмечал Крайский в дневнике (запись 17 <апр. 1923 г.>: Там же, № 112, л. 35). Автографы стихотворений Панфилова «Белые ночи» и «Отец» вклеены Крайским в альбом с собственными материалами творческого и биографического характера (Там же, № 114, л. 105, 109). В первые дни войны вступил в народное ополчение, участвовал в обороне Ленинграда в составе писательского взвода Кировской дивизии на Лужском направлении; погиб в бою в районе р. Оредеж в августе 1941 г. В начале 1942 г. от голода умерла его жена.

⁹¹ Неустановленное лицо.

⁹² Кооперативное «Издательство писателей в Ленинграде», созданное в 1927 г., в 1934 г. объединено с «Московским товариществом писателей» и на их базе создано издательство «Советский писатель», которое Крайский называет прежним наименованием. Размещалось во внутренних зданиях Гостиного двора, куда и попала бомба. Об этой бомбежке П. Н. Лукницкий записал в дневнике: «...одна из бомб попала в Гостиный двор. Разрушено издательство „Советский писатель“, убиты давние мои знакомые (только за день в последний раз и разговаривал с ними): Таисия Александровна, молодая, хорошая женщина, редактор Татьяна Евсеевна Гуревич, корректорша, старший бухгалтер – всего восемь человек сотрудников издательства. Двое тяжело ранены. Директор издательства А. М. Семенов, извлеченный из-под обломков через семь-восемь часов, тяжело ранен в лицо» (*Лукницкий П. Н.* Ленинград действует... Кн. 1. С. 165).

⁹³ Возможно, имеется в виду газ. «На страже Родины», где Крайский был литературным консультантом.

⁹⁴ В 20-х числах сентября 1941 г. шли кровопролитные бои за Петергоф. 23 сент. гитлеровские войска захватили Новый Петергоф. Дальнейшее продвижение было приостановлено; линия фронта разрежала Петергоф на две части и проходила на западной границе города по линии обороны Ораниенбаумского плацдарма. В результате военных действий город был почти полностью разрушен или сожжен. Освобожден 19 янв. 1944 г. Кронштадт и стоящие на рейде советские корабли впервые подверглись воз-

душному налету 19 сент. 1941 г. 21 сент. в бомбежке участвовало от 175 до 190 самолетов, 22 сент. – 38, 23 сент. – более 100. Последний массированный налет с участием 42 самолетов произошел 27 сент. За эти дни флот потерял несколько кораблей и подводную лодку; многие корабли были повреждены. После этих трагических событий противовоздушная оборона Кронштадта была усилена (Немецкие бомбардировки военно-морской базы Кронштадт в 1941 г. // <http://otvoyna.ru/kronshtadt1.htm>). «Сопrotивляясь немецким войскам, вы погибнете под развалинами Ленинграда, под ураганом немецких бомб и снарядов, – говорилось в листовках, разбрасываемых самолетами. – Мы сровняем Ленинград с землей, а Кронштадт с водой» (*Буров А. В.* Блокада день за днем, С. 91).

⁹⁵ С 1940 по 1957 г. так назывался г. Пермь.

⁹⁶ Композитор *Дмитрий Дмитриевич Шостакович* (1906–1975) уехал вместе с семьей в Москву 1 окт. 1941 г., 16 окт. эвакуирован в Куйбышев. Писатель *Михаил Михайлович Зощенко* (1894–1958) в первые дни войны обращался в военкомат с просьбой об отправке на фронт, но получил отказ по состоянию здоровья. 28 сент. 1941 г. вместе с А. А. Ахматовой был вывезен самолетом в Москву, затем эвакуирован в Алма-Ату.

⁹⁷ Свояк Крайского, муж сестры Александры.

⁹⁸ Неустановленное лицо.

⁹⁹ Обучение военному делу (всеобщ) мужчин в возрасте от 17 до 55 лет введено постановлением ленинградского Горкома партии 13 июля 1941 г.; реальные мероприятия во всех районах города начались примерно с 24–26 июля. 17 сент. ГКО утвердил указ «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», предусматривающий обязательную 110-часовую военную подготовку мужчин от 16 до 50 лет без отрыва от работы (Правда. 1941. 18 сент. № 259. С. 1).

¹⁰⁰ *Решетов Александр Ефимович* (1909–1971) – поэт. Член ЛАПП, сотрудник редакции журн. «Резец». Автор более 20 сборников стихов, в том числе военного периода: «Северные стихи» (1941), «Ленинградская доблесть» (1942), «В строю» (1943). Участник Советско-финляндской войны (1939–1940), с 1941 г. – военный корреспондент газеты 21-й армии Ленинградского фронта.

¹⁰¹ Немецкие войска вошли в г. Пушкин вечером 17 сент. 1941 г.

¹⁰² Вероятно, имеется в виду *Исаак Станиславович Эвентов* (1910–1989) – литературовед, критик. В 1930-е гг. работал в редакциях журналов «Залп» и «Резец», был знаком с Крайским. Осенью 1941 г. вступил в народное ополчение, участвовал в боевых действиях, вел лекционную работу в воинских частях.

¹⁰³ Речь идет о московской конференции (29 сент.–1 окт. 1941 г.) представителей СССР, США и Великобритании о взаимных военных поставках.

¹⁰⁴ *Семенов Сергей Александрович* (1893–1942) – прозаик, драматург. Автор популярных в 1920–1930-е гг. романов «Голод. Роман-дневник» (1922), «Наталья Тарпова» (1927). Состоял в петроградском Пролеткульте, ассоциации «Космист», ЛАПП. Участник Советско-финляндской войны. В 1941 г. вступил в народное ополчение, воевал на Ленинградском фронте, скончался в полевом госпитале. В архиве Крайского сохранилась его книга «Голод» с дарительной надписью: «Алексею Крайскому. „В глубоких колодцах вода холодна. / И чем холоднее, тем чище она“. Сергей Семенов. 28/IX–22 г.». В 1922 г. Крайский работал над инсценировкой этой книги. См. также примеч. 7 к дневнику А. П. Крайского и примеч. 54 к дневнику Е. П. Крайской.

¹⁰⁵ Немецкие войска вошли в Полтаву 18 сент. 1941 г.; город освобожден 22 сент. 1943 г.

¹⁰⁶ Вероятно, родственница. Упоминается в письмах Крайского дочери.

¹⁰⁷ *Лукуллов пир* – от имени римского полководца и консула Лукреция Лициния Лукулла (ок. 117–56 гг. до н. э.), прославившегося необычайным богатством и роскошными пирами, отличавшимися изысканностью блюд.

¹⁰⁸ Об этом обеде Крайский писал дочери: «30-го были у тети Нади. Первый раз в месяц наелись там здорово: щи, котлеты и пирожки с капустой. А Фимочка пирогов нынче не пекла, не из чего» (из письма от 3 окт. 1941 г.: РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 19 об.).

¹⁰⁹ С 1 окт. 1941 г. в Ленинграде в третий раз были снижены нормы выдачи продуктов. Рабочим и инженерно-техническим работникам выдавалось по 400 г хлеба, служащим, иждивенцам и детям – 200.

¹¹⁰ *Средняя Рогатка* – исторический район на юге Санкт-Петербурга (между станциями метро «Московская» и «Звездная»), к которому в настоящее время относятся начало Московского шоссе, площадь Победы, Пулковское шоссе, улицы Орджоникидзе, Типанова и проспект Юрия Гагарина. Через Среднюю Рогатку, в районе современной площади Победы, проходил второй рубеж обороны города.

¹¹¹ Имеется в виду завод по производству резиновой обуви «Красный треугольник» (наб. Обводного канала, 138). Во время войны часть производств была эвакуирована в Свердловск и Саратов. На оставшемся в Ленинграде производстве выпускалась оборонная продукция. Зимой 1941/42 г. почти все цеха «Красного треугольника» были законсервированы. В результате бомбежек были разрушены 22 корпуса, остальные повреждены.

¹¹² Город Орел оставлен советскими войсками 3 окт. 1941 г., освобожден 5 авг. 1943 г.

¹¹³ Вязьма и Брянск являлись ключевыми пунктами обороны Москвы на Западном фронте. Наступление немецких войск против войск Брянского фронта началось 30 сент., 6 окт. был занят Брянск, на следующий день немецкие танки вошли в Вязьму. Советские войска попали в окружение, в плену оказались в общей сложности 663 тысячи человек (<http://www.1941–1945.ru/1941.htm>). Вяземская катастрофа стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны. В упоминаемом Крайским сообщении Совинформбюро от 9 окт. о боях на Вяземском и Брянском направлениях говорилось: «На ряде участков Западного фронта наши части ведут ожесточенные бои против наступающих немецко-фашистских войск. <...> Оказывая упорное сопротивление фашистским войскам, наши части наносят значительные потери противнику» (Ленинградская правда. 1941. 10 окт. № 242. С. 1). Вязьма освобождена 12 марта 1943 г., Брянск – 17 сент. 1943 г.

¹¹⁴ Речь идет о сообщении Совинформбюро от 9 окт. о ситуации на Брянско-Вяземском направлении (см. примеч. 113). В следующих номерах «Ленинградской правды» сообщались цифровые данные о потерях противника, подвигах советских войск, но из информации оставалось неясным, наступает или отступает Красная Армия.

¹¹⁵ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1836 г.).

¹¹⁶ После поражения под Вязьмой и Брянском было принято постановление «Об эвакуации столицы СССР», предусматривавшее отъезд из Москвы правительства во главе со Сталиным; по Москве поползли слухи, что город сдают немцам. 16 окт. 1941 г. началась паника; десятки тысяч человек пытались вырваться из города на восток. Предприятия и магазины закрывались, транспорт не работал. Городское руководство не предпринимало мер, спешно покидало город. Паническое бегство прекратилось на четвертый день, после издания приказа применять к трусам, паникерам и мародерам любые меры вплоть до расстрела, а также выступления по радио председателя Моссовета В. П. Пронина. С 20 окт. в Москве введено осадное положение.

¹¹⁷ Мариуполь (с октября 1948 по январь 1989 г. – г. Жданов) оккупирован немецкими войсками 8 окт. 1941 г., освобожден 10 сент. 1943 г. В середине октября

1941 г. под Калинином (ныне – Тверь) шли ожесточенные бои. 17 окт. город полностью перешел под контроль немцев, освобожден 16 дек. 1941 г.

¹¹⁸ Обращение «К ученым всего мира» подписали более 20 советских ученых, в том числе академики Н. Державин, П. Капица, А. Ферсман. «Фашизм осквернил науку, – говорилось в обращении. – Вместо духовной силы интеллекта гитлеровские варвары провозгласили культ грубой силы, невежества и низменных инстинктов. <...> Мы обращаемся к ученым всего мира в дни, когда всю тяжесть удара гитлеровской военной машины приходится выносить советскому народу, когда его города уничтожаются, население подвергается грабежу и диким издевательствам, насилиям. В те дни, когда в ожесточенных сражениях на гигантском фронте решается вопрос о том, быть или не быть свободными народам СССР, Англии, США, которым угрожает фашизм; быть или не быть свободными народам Франции и других поработанных фашистами стран» (Известия. 1941. 14 окт. № 243. С. 1).

¹¹⁹ Неустановленное лицо.

¹²⁰ Таганрог оккупирован 17 окт. 1941 г., освобожден 30 авг. 1943 г.

¹²¹ Речь идет о пьесах древнеиндийского поэта, драматурга Калидаса (IV–V вв.) «Шакунтала» (в русском переводе «Сакунтала»), «Малыка и Агнимитра» и пьесе итальянского драматурга К. Гоцци (1720–1806) «Турандот».

¹²² Неустановленное лицо.

¹²³ Некоторые сведения об О. И. Гордон содержатся в работе научного сотрудника Института исследования еврейской диаспоры при Санкт-Петербургском еврейском университете А. И. Хаеша «Хаеши: Биографические и генеалогические сведения»: «Племянница Абрама Марковича Прухно, Ольга Исааковна Гордон, была опытным врачом. Она работала в поликлинике № 26, что находилась на Бульваре Профсоюзном, рядом с Дворцом Труда. Поликлиника обслуживала наш микрорайон. В начале 60-х годов я во время туристского похода с Люсей по Белоруссии подхватил там инфекцию. Мы примчались в Ленинград, и я серьезно болел, причем участковый врач никак не мог понять, что со мной. Тогда меня посетила Ольга Исааковна и высказала подозрение на менингит. Меня на скорой доставили в „Боткинские бараки“, где все подтвердилось. Своевременный диагноз Ольги Исааковны, вероятно, спас меня от серьезных осложнений от этой тяжелейшей болезни. Я навсегда остался за это благодарен Ольге Исааковне» (<http://shkolnie.ru/voennoe/115/index.html>).

¹²⁴ *Амосовские печи* – первый в мире калорифер, изобретенный ученым Н. А. Амосовым в 1835 г. (нагретый воздух поступал в помещение по «жаровым» металлическим каналам под действием разности плотностей). Впервые установлены в Императорской Академии художеств.

¹²⁵ Харьков оставлен советскими войсками 24 окт. 1941 г., освобожден 23 авг. 1943 г.

¹²⁶ Немецкие войска занимали Ростов-на-Дону дважды. Первый раз – 20 нояб. 1941 г.; 28 нояб. советские войска отбили город. Освобождение Ростова-на-Дону стало первой значительной победой Красной Армии в начальный период войны. 24 июля 1942 г. город был вновь захвачен гитлеровскими войсками; окончательно освобожден 14 февр. 1943 г.

¹²⁷ *Лозовский Соломон Абрамович* (наст. фам. Дридзо; 1878–1952; расстрелян) – советский партийный деятель и дипломат, публицист. В 1939–1946 гг. – заместитель наркома иностранных дел; с июля 1941 г. – заместитель начальника, затем начальник (1945–1948) Совинформбюро. В январе 1949 г. арестован по делу Еврейского антифашистского комитета. В дневнике Крайского речь идет о пресс-конференции Лозовского с иностранными корреспондентами 23 окт. 1941 г. в связи с предполагаемой эвакуацией руководства страны в Куйбышев (Ленинградская правда. 1941. 25 окт. № 255. С. 4).

¹²⁸ Наступательная операция на Донбасс продолжалась с 29 сент. по 4 нояб. 1941 г. Окружной центр Юзовка (с 1924 г. — Сталино, ныне Донецк) был оставлен советскими войсками 21 окт. 1941 г.

¹²⁹ В статье писателя В. Г. Лидина «Мы еще придем!» речь идет об отступлении советских войск на Украинском фронте: «Далеко, на сотни километров, лежат родные нам степи Украины. Далеко, на сотни километров, лежат родные нам поля Белоруссии. Мы не покинули вас, не ушли от вас, родные нам люди! Стиснув зубы, сжимая в руке оружие, натуго обтянув подбородок ремнем стального шлема, мы временно ушли, потому что этого требовала необходимость войны. Мы запомнили каждый верстовой столб на этом пути, потому что этот путь будет путем нашего возвращения. Через пространства и степи летит весть от одного человеческого сердца к другому, и на ваш далекий, молчаливый вопрос: — Вернетесь ли вы? Мы отвечаем: — Вернемся! Вернемся, потому что в этом сейчас цель и смысл нашей жизни, ради счастья народа мы строили, жили, несли в нашем сердце человеческие чувства, растили детей, страдали и любили» (Известия. 1941. 4 нояб. № 261. С. 3).

¹³⁰ Речь идет о прозаике, поэте, мемуаристе *Леониде Ильиче Борисове* (1897–1972). Был дружен с Крайским, посвятил ему стихотворение «Великолепные твои стихи...» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 117). Как и Крайский, руководил литературными кружками, был одним из организаторов Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (1924). Обиду на Борисова, не навещавшего Крайского, высказывает и Е. П. Крайская в дневниковой записи 3 мая 1942 г.

¹³¹ *Батт* — представитель органов обороны США. В конце сентября 1941 г. приехал в Москву в составе англо-американской миссии для ознакомления с положением дел в Советском Союзе и обсуждения вопросов расширения военных поставок по ленд-лизу. В советских газетах публиковалось «Выступление члена миссии США в Москве г-на Батта по радио», в котором он высоко оценил усилия СССР по созданию оборонной промышленности и квалификацию советских рабочих, умеющих обращаться со сложной техникой, отметил всеобщий настрой сражаться до победного конца. Выражая уверенность, что военная помощь не будет «пущена на ветер», он призвал руководство США «к огромному увеличению и ускорению производства вооружений в США для удовлетворения потребностей Советского Союза и Англии» (Ленинградская правда. 1941. 6 нояб. № 265. С. 4). 7 нояб. 1941 г. президент США Рузвельт принял декларацию о предоставлении Советскому Союзу военной помощи по ленд-лизу.

¹³² Речь идет о докладе Сталина на торжественном заседании Моссовета с партийными и общественными организациями Москвы 6 нояб. 1941 г. (Известия. 1941. 7 нояб. № 264. С. 1).

¹³³ Вероятно, имеется в виду Сталин. Так же Сталин назван и в дневнике Е. П. Крайской.

¹³⁴ С 20 нояб. до 25 дек. 1941 г. введены минимальные нормы выдачи: рабочим — 250 г хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — 125, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии, — 300 г, войскам первой линии — 500. С 25 дек. население Ленинграда стало получать 350 г хлеба по рабочей карточке и 200 г по служащей, детской и иждивенческой.

¹³⁵ Неустановленное лицо.

¹³⁶ Город Керчь несколько раз переходил из рук в руки. Первый раз был захвачен 16 нояб. 1941 г., освобожден 30 дек. Вторично Керчь оккупирована 19 мая 1942 г., полностью освобождена 11 апр. 1944 г.

Дневник Е. П. Крайской

3 мая 42 г.

Первого Мая, вопреки ожиданиям, немцы вели себя тихо; на сегодняшнюю ночь был налет тоже незначительный. К празднику выдали наши «граммы», от 50 до 100 грам<мов>, как-то: сыр, масло, сухие фрукты, селедки, правда, их дали от 250 гр<аммов> до 500 гр<аммов>. Градации: рабочий, служащ<ий>, иждивенец и дети. Водки по ½ литра, пива по ½ литра. Ой, ой, выпили, и нечем было закупить.

Нет конца нашим мукам. Мне удалось променять часы и медальон на продукты, немного поддержалась, и морг отодвинулся, но, к сожалению, ценностей у меня нет, и что будет дальше, трудно представить. Уехать к Светлане? Тоска. Тоска. Нет Леша. Пиджак его, который я надеваю на себя, сохранил еще его запах. Я глажу рукава, я зарываюсь лицом в его лацканы... Леша, Леша Любимый, зачем ты ушел.

Порой мне кажется, что это возмездие судьбы за единую секунду мысли, что «лучше будет, если он умрет». У меня было такое жуткое отчаяние перед голодным днем, когда мне нечем было накормить его, и в эту же ночь его не стало. Тихий, солнечный, отошел в вечность так же тихо. Я не выдержала до конца испытания, я возроптала, будил он меня через 2 часа, и ворчала я... «Боже мой, ну что ты дергаешь меня, как в НКВД. Мне же завтра идти под снарядами, бомбежкой, утром, пешком от Маклина до Литейного моста почти на целый день....».

Леша, Леша, голодная, измученная, я ничего не могла дать тебе. Я, обожающая тебя, забыла о ласке, я ни разу не поцеловала тебя, я забыла, что в мире существуют поцелуи и бесконечное количество ласковых слов.

Ф. В.¹ говорит, что я казню себя, что я говорила эти слова, что я, приходя буквально черная от усталости, говорила с улыбкой: «Ну вот и я, Лешкинська».

Не помню я, не знаю. Мне кажется, я так мало любила его последние дни. Так больно вспоминать сейчас. Обливаясь слезами, я вспоминаю его последние минуты и мученья. Смотрю на его кабинет... вот пришел бы Леша, Леша! Нет, и не будет никогда.

Проклятие войне, унесшей лучшего из лучших.

Проклятие людям корыстным, жадным шакалам двуличным, вроде Борисова,² этого самого Леонида Борисова, говорившего елей-

ные слова о дружбе и любви и не откликнувшегося на призыв Алеши... Как он страдал, как ему больно было, что все его забыли. О, прости мне Боже, смерти им всем прошу, умертвившим бесчувственностью Лешу.

20/V <1942 г.>

Опять телеграмма от Идочки,³ просит выезжать. Шлет на дорогу деньги. Ах, деньги, деньги. Я уже потратила 2000 руб. из страховых денег, а что купила?

Вот последняя тысяча, куда я ее растратила!

Хлеб ½ кило 200 р<ублей>

— 300 гр<аммов> 120

— 300 120

Пост<ное> масло 200 гр<аммов> 220 руб.

Еще хлеб 300 гр<аммов> 120 руб.

На руках 220 руб. — еще хлеб 120 р<ублей> — 300 гр<аммов>.

Я не работаю. Поступать на работу нужно, необходимо. А нужно ли уезжать, не знаю.

Вчера прислала письмо знаменитая жуткая б<ывшая> наша управхоз Ольга Ивановна. Пишет: «Везли нас хуже свиней, приехали в гор<од> — Вятской губ<ернии>. Голод, ничего нельзя достать. В обмен все на простые ситцы, кофты и т. д.». Жалеет, зачем уехала. Правда, в лагере и Света и Идочка, и мне есть где приклонить голову... Но жутко, жутко двинуться, имея малое количество монет, не имея ценностей и никаких материалов. А главное, ехать налегке немислимо, взять все мягкие вещи невозможно. Остаться на старости лет нищей, где-то ютиться в чужом углу, смотреть на жалкое существование и ничего не сделать для Светы. Не лучше ли здесь умереть с голоду, чем жить там, только имея чем набить желудок. Культурные многолетние привычки, книги, Светкина учеба, все это скомкано, сорвано и только живот... Пошло, глупо. До чего звереют голодные люди.

22 <мая 1942 г.>

Хлеба! Хлеба! Хлеба! Все вопят кругом только о хлебе.

Но есть и «сытые, и пьяные, и нос в табаке», как говорят. Вчера в Фонтанку угодил грузовик, нагруженный водкой, вероятно для фронта. Шофер, военный и двое сопровождающих тоже угодили в реку, когда их вытащили, они в недоумении смотрели на окружающих, не понимая, почему их вытащили из воды. Пьяные все трое бы-

ли вдрызг. Жалко мне их? Живут они последний день. Военно-полевой суд, конечно, приговорит их к расстрелу. Сегодня из Фонтанки вылавливали водку и поднимали машину.

Сегодня на Сенной под трамвай⁴ бросилась женщина. Прибыли пожарные поднимать вагон. Она еще имела мужество кричать из-под вагона: «Все равно снова брошусь». «Вот и спасай», – шутят пожарные.

По городу кое-где двигаются трамваи, света нет еще, и водопровод по-прежнему не работает.

Приехавший из Москвы, вернее прилетевший, военный был удивлен, поражен, увидев наш разрушенный город, услышав о смерти родных и знакомых и видя, как волокут сейчас на всевозможных^{<ных>} ручных тележках покойников. Самого ужаса он не видал: бомбежки и вереницы саней, везущих мертвых на свалку, равнодушных, закопченных, исхудалых до костей Ленинградцев. Сейчас как-то пообчистились, остались люди посильнее, но кажется, и сильные скоро будут слабыми.

Паек – это медленная смерть, нужно, значит, работать в столовой, в лавках, иметь знакомых спекулянтов или уметь воровать самому. Быть завом питания, словом, ловчить.

После маленького просвета в питании я опять голодаю, опять ослабли ноги и неистово сосет в желудке, как будто там вставлена трубочка, которая очень медленно и нудно вытягивает оттуда какие-то жизненные соки. Вымирают и вымерли целые семьи. На фронте не имеют понятия, что здесь творится. «Ленинградцы снабжаются хорошо», а большинство защитников города потеряли и родителей, и жен, и детей. У нас в доме таких семейств несколько. Смирнова потеряла троих детей 18 лет, 10 и 6 лет. Сама смотрит в морг, а муж, красный партизан, имеет отличия. Опухла и умерла от истощения Симакова, а муж ее защищает Советские границы. До войны еще было: «У нас запасов в случае войны на 10 лет». Хороши запасы, через полгода люди сталидохнуть, как осенние мухи, и продолжают подыхать, и неизвестно, что ^{<будет>} с нами, героями в кавычках; долго ли мы будем защищать наш город, и долго ли он будет глотать, пожирать своих жителей, волею одного человека⁵ обреченных на гибель. Сегодня я съела 300 гр^{<аммов>} хлеба и около ста граммов риса, и все. стакан, два чая без сахара. Завтра и риса нет, значит, только хлеб.

Эта героиня похожа на скелет; ноги как соломинки, руки – палочки. Война! война! Проклятие тебе и людям, ее создающим!

23/V <1942 г.>

Морг. На железных листах, визжа по каменной мостовой, тянут, тянут покойничков; на колесиках иногда каких-то ободранных тележек, и по несколько в ряд на настоящих ручных тележках.

А вот и тянуть нечего. Попал снаряд в трамвай у Московского вокзала. Каша, кровавое месиво из людей... рука на тротуаре с кольцом... голова с вытекшим глазом... шатаясь идет женщина... «Я не переживу, я не переживу»... – повторяют посиневшие губы. Она жива, она спаслась. В книге судеб ей еще «жить». А Леша, милый Леша! Поют птички, голодная, исхудавшая как вобла твоя Лильчинька, и ей еще написано: «жить». А может быть сегодня, страшное жужжание адской машины в небе.... И она, и комната, и книги, и Леша мой... Ты жив... вокруг меня все ты... Все рухнет... Света, девочка моя, увидимся ли? Молись, родная, за маму, за папу. Да кончится проклятая бойня. Неужели не сможем мы вместе чтить память Любимого, сходиться на могилу, посадить цветы (он так любил их), читать его стихи, просматривать его рукописи. Боже, дай силы, уверенности и помоги пережить этот ужас.

24 <мая 1942 г.>

Людоедство. Говорить нельзя, но принимает оно размеры немалые.⁶ Пропадают дети, пропадают женщины... А наряду с этим травку собирают голодные жители, вырывают крапиву, одуванчики, ветки различные с почками. Стоят в очереди за водой, отпускаемой в пивных. Ест траву и глотает воду несчастный Ленинград.

Есть и краснощекие, есть и веселые. Есть. Это не в счет, как правило: печаль, тоска, морг, снаряды, исковерканные дома, измученные люди. Дуся⁷ рассказала жуткую историю: их продавщицу арестовали за передачу кому-то килограмма хлеба. Ее посадили в камеру людоедов. (Это она узнала потом.) Сначала она увидела диких людей, которые набросились на нее и стали ощупывать и теревить. Испугалась она ужасно, боялась спать, боялась есть. Но, очевидно, она была девушка ловкая. Она поладила с ними, потерявшими человеческий облик, и... они ей поведали, за что они сидят. Они съели человека, и после их тянуло есть человеческое мясо... Девушку эту выпустили до суда, но забыть этих людей, съевших себе подобных, она не может. Ей все кажется, что по улицам ходят людоеды.

Нет. По улицам ходят те, кто собирает травку, те, кто стремится обменять свои тряпки на хлеб.

25 <мая 1942 г.>

Обмен запрещен.⁸ Грозное распоряжение. Приказ, карающий тюрьмой всякие обмены товарами или на вещи и т. д.

С начала войны все угрозы. Даже очищать город от нечистот – приказ домохозяйкам – и то угрозы.⁹

А птички весело чирикают, странной кажется эта радостная переключка ожившей природы. Мы-то сами полумертвые, даже солнце не радуется. К тому же весь май холодный, суровый, пасмурный. Так и лучше: «Ты ненавистна мне, луна».¹⁰ Так и солнце, раздражает оно. Все мрачно, все темно. Ждать больше нет сил, вера слабнет, силы уходят. Работать! Мы вчера с Ф. В. поработали 2 ч., и как устали!

26 <мая 1942 г.>

Собачий лай! Необычайно и странно! Да откуда же эта животи-на? Поднимаю глаза. Из окна второго этажа выглядывает шпиц. На-стоящий живой шпиц. Его еще не скушали, забыли? Нет. Хозяева, очевидно, питаются сами и песика берегут. Поистине странно. Столь-ко вымерло и мрет людей от голода, а здесь собачонка нарядная, бе-лая в своей пушистой шкурке...

Вероятно, где-нибудь и котики сибаритствуют, свернувшись ка-лачом на диванчике.

Все в жизни условно. Благоденствуют собаки и кошки,дохнут лю-ди. Но все-таки это не как правило, а как исключение. Город живет без собак и кошек; съели их давно. Сегодня немцы опять молчат. Вчера дули здорово. Уууу...жжжж... Трах-тах-тах... Так и разрывались сна-ряды где-то близко возле нас. Да и немцы возле нас бок о бок. С Нев-дубстроя,¹¹ вероятно, бахали, там сейчас передовые позиции.

27 <мая 1942 г.>

Свету видела во сне, когда же наяву? Немцы сегодня молчат. На улице пасмурно, холодно. Иду сейчас наниматься на работу – рабо-чей-подсобницей на 1-ую катег<орию>. Если не выйдет, придется идти на вторую. Требуется в Автобазу зав<едующий> лич<ным> сто-лом.¹² Боюсь ответственности, такой огромный перерыв в работе, 18 лет. Боже, Боже, сколько потеряно драгоценного времени. И писа-тель пропал во мне, и работник.

28 <мая 1942 г.>

Опять забухали немецкие снаряды. Игрушечки, пендериюшеч-ки... побухают и перестанут. И только не перестает ныть голодный

желудок! Сегодня ела только хлеб 300 гр<аммов>. Сейчас принесли еще 300 – за 120 руб. Съела половину, тянет, как пьяницу к водке, доест все. От этого не буду сыта. Сегодня ходила наниматься на работу. Опять зав<едующей> личного состава. Автобаза, и 2-я категория. Да будет воля Твоя. Все лучше, чем иждивенческая, это совсем голодная, морговская карточка. Говорят, с первого прибавят продукты. Везде и всюду в учреждениях единый разговор, единое желание – поест. За исключением сытых учреждений; лавок, прод-баз, столовых и т. д.

29 <мая 1942 г.>

Леша не терпел насилия над своей свободной личностью человека. Оттого он так страдал, что в «свободной стране» насилие и гнет стали несравнимы с «проклятым царским режимом». Война тем более насилие, что, конечно, ни один человек в мире ее не желает. Желают те – сидящие у власти, которые ставят на карту даже свои головы... лучше потерять жизнь, чем власть. О, власть, это гений зла; это Лю-доед, который пьет кровь миллионов людей, посылает их в тюрьмы, гноит заживо, нанизывает на земле курганы, как бусы, обильно поливая их кровью.

Я тоже страдаю от насилия, сейчас нас женщин кидают, как пешек. Вчера два раза ходили в Райжилищсоюз, опять группы самозащиты,¹³ детские игрушки в военном снаряжении; грозят трибуналом, тюрьмой, невзирая на то, что большая половина женщин страдает цингой; ноги, как колоды, языки, как вата. На них орут люди, здоровые на вид, их подкармливают, чтобы они брали за жабры измученных и больных. Что не делает страх; он гонит этих женщин, истощенных до третьей степени, вперед, исполнять поистине ненужные распоряжения. Кому нужны эти жактовские группы самозащиты? За год они показали свою ненужность, текучесть; потом повальная смерть вырывала домохозяек, шедших в группы из-под «кнута», проклиная всех и вся. Сейчас снова. На этот раз Военная игра. Прикрепят меня, рабу Божию, мобилизуют как нач<альника> группы самозащиты. Тоже, вклеили меня, как ком глины, в дырявую стену. Сейчас я никуда не годна, хожу, как муха, полное истощение, и нет конца мукам голода. Мне страшно работать, вчера я два раза прошла до Сенной – сегодня больна, голодна, измучена. Какая я самозащита!

Призывают женщин на военную службу до 30-лет<него> возраста.¹⁴ Уморили всех мужчин. Я вчера слышала разговор молодежи.

«Это будет рассматриваться как акт вредительства, погибали культурнейшие силы, профессура, научные работники, много необходимых и нужных людей, потому что они имели вторую категорию 125 гр<аммов> хлеба, а хлеборезы первую, да еще воровали».

Да. А Леша не культурная сила? Прекрасное знание литературы, художественное чутье тонко и остро развито, столько пользы еще принес бы он. Его не умели ценить и мягко – как это нужно было – подойти к нему.

Погиб ценнейший, прекрасный и любимый мной единственный, неповторимый.

17 июня <1942 г.>

СССР заключил договор с Англией и Америкой о взаимопомощи, об уничтожении общими силами немцев.¹⁵ Что обещали наши и какой лакомый кусок отхватят обе эти страны, мы не знаем, но факт тот, что помощь есть, и значительная. Немец не громит так Ленинград, как разрушал его прошлый год, говорят, американские самолеты, английские авиационные силы брошены на наш фронт.

По здравому рассуждению оно, вероятно, так и есть. Если в начале войны наши, еще не истощенные силы, не смогли удерживать врага и позволяли ему так разрушать город, то почему же теперь мы почти не допускаем его прорываться? Стали лучше летчики? Наготовили прекрасные летные машины? Нет, конечно. Значит, это существенная помощь союзников, а за это они потребуют... говорят, они и требуют наш город Ленинград на несколько лет для его восстановления.¹⁶ Иностранные концессии. Американские поставки. Кипучая и шумная жизнь демократических стран. «Демократических?». Буржуазных. Возможно ли это?

Мира, мира, только мира, измученным, изголодавшимся Ленинградцам!

Сегодня опять телеграмма от Идочки, выслали посылки. И если они в Союзе¹⁷ – какое хамство не сообщить даже. Идочка пишет: «Умоляю ответить получение посылки, писем. Посылки Союзе». Что это значит? Одна или две посылки? Боже, какое это было бы счастье. Возможно ли?

Леша, посмотри на меня из далекого мира беспечального, бестелесного, и протяни свою легкую руку помощи твоей несчастной, измученной Лиличке, исхудалой, изможденной, одинокой, тоскующей, оплакивающей тебя ежечасно, ежеминутно, до самой встречи с тобой в далеком нездешнем немислимом крае.

Света трогательно пишет, что теперь она должна заботиться обо мне. Как изменилась эта эгоистичная, капризная, избалованная девочка; она полна забот и тревоги обо мне, она любит меня, «мы должны жить друг для друга». Будем ли? Сумеем ли? Что ждет нас?

Сейчас в Ленинграде осталось население наиболее сильное, я причисляю себя к сильным, несмотря на дистрофию 2-ой степени. Цинга еще щадит меня. И если выдержит сердце и пощадит шальной снаряд или бомба – даст Бог, я увижу Свету и Идочку. Надо только сильно желать, надо уметь верить. Надо внутренний стимул. «Крепись, мамочка, я не знала, что ты такая стойкая и мужественная».

«Желай, Света, сильней, и верь, родная, – говорю я ей, – и мы увидимся».

20/VI <1942 г.>

Ура! Идочка прислала посылку, до чего трогательно. Не могу не пересчитать необыкновенных богатств, полученных мною:

1. Банка консервов мясных
2. Мешочек с пшено (возможно килогр<амм>)
3. Мука с полкило
4. Горсточка сухарей
5. 10 картошек
6. 4 луковицы
7. 4 пряника
8. Корейка, кусок с ½ кило
9. 2 кусочка кеты
10. Чайный напиток, суррогат (кусочек)
11. 2 куска сахару.

Какое это счастье! Ела сырую картошку нескобленную, сверху нарезанный лук и соль; все это на кусочке хлеба необычайно вкусно, а главное – противоязвенное средство. Если когда-нибудь, кому-нибудь суждено читать эти строчки, будет казаться странным, что люди были настолько голодны, что сырая картошка казалась райским яблоком, а луковица – ананасом. Я хваталась за все понемножку, я отрезала корейку, кету, жевала чайный напиток, отколола кусочек сахару, грызла сухарики, наконец, взяла себя в руки и все спрятала. Предварительно поделившись чуть-чуть с сослуживицами; дала им по ½ пряника, по кусочку корейки, по ½ луковицы и по ½ картофелины. «Пиршество, настоящий праздник», – восхищались они. Что это, сказка? Нет, была, жуткая была 1941–42 года.

22 <июня 1942 г.>

Сегодня понедельник, пришла на работу, казалось бы, мирная картина, против окна колышались зеленые пышные листья клена, идут люди, гудят машины. Но вот женщина, выбиваясь из сил, тянет к себе корзину, т. е. идет пятками вперед. Корзина большая бельевая, а в корзине... мертвый человек, зашитый в простыню; ноги перевесились за борт корзины и волочатся по земле, спеленутые ноги мумии.

Взести ей не далеко, морг минут десять ходьбы, но она, вероятно, протянет свою корзину с час. Кого она везет? Возможно, подростка, узенький, длинненький скелетик, еще недавно дышал, во что-то верил, ждал помощи и избавления...

Ровно через 10 минут после моего печального наблюдения начался жуткий обстрел нашего района. Я только что вышла в столовую, чтобы принести гороховую кашу, которую дают по талонам. 40 гр<аммов> крупных талонов и 200 гр<аммов> готовой каши. Кошка плачет больше. До чего ее мало. Едва я успела вбежать, как все вокруг загрохотало, засвистало, посыпались стекла, полетела штукатурка, пыль поднялась столбом, жались к стенкам перепуганные женщины. С свистящим визгом летели снаряды, казалось, все это над твоей головой, и живешь ты последнюю минуту, прижавшись, как к якорю спасения, к капитальной стене; нас четверо в маленькой комнатке. Трах-тах-тах-ах! Это где-то возле нас вонзился снаряд. ДЗЫнь!инь!инь! Дзынь! Это сыпятся стекла. Мы смотрим друг на друга. Все на секунду смолкло, только пыль дымится на улице. Это самая страшная тишина. За ней... Камни, камни летят с неба, целые глыбы рушатся на наш дом, но камней мы не видим, мы только слышим адский грохот, свист, завывание, звон стекол. Все. Словно по мановению волшебной палочки смолкло все.

Висят оборванные провода, кирпичи валяются, известка, стекла, как конфетти засыпана ими улица. Остатки еще сохранившихся окон сегодня без стекол все. В Лешином кабинете до сих пор все стекла были целы, сегодня два вылетели. Оторвало угол нашего дома. Это уже второй снаряд – первый угодил в окно парадной, но пока что счастливо, без человеческих жертв.

Напротив, в доме, попал снаряд во двор, все разворотил: камни, землю, балки, все смешал вместе, обильно посолив стеклами.

Сегодня годовщина войны. Наивные, мы думали тогда, что это пустяк, два, три месяца.

Это ужас, смерть, разрушение, голод. Мертвый город. Жалко смотреть. Вчера я долго смотрела в окно, в девять часов вечера почти

нет людей, идут кое-какие парочки, моряки с дамами, да торопятся запоздавшие, скорей домой, под крышу, а крыша тоже не спасает, ничто нас не спасает. Обречены ли мы на смерть или выживем? Почему я не уезжаю? Почему не стремлюсь к Светлане и Идочке? Почему? Они единственные у меня, которых я люблю, с которыми хочу быть вместе. Ф. В. от моей души далека, мозгом я, пожалуй, люблю ее, но столько «но» и закорючек, что я так много страдала из-за нее, когда, измученная до последней степени, не имея в доме, кроме соли, горчицы и перца, ничего, я поднималась к себе, а она шла домой, пила чай с вареньем, с вином, с хлебом, с дурындовыми лепешками, покупала себя мясо, масло, крупу и т. д. Никогда не забуду. Она мне предложила помакать в мясной соус кусочком хлеба, я макнула, и когда хотела еще раз, т<ак> к<ак> на хлеб ничего не прицепилось – она отодвинула от меня тарелку. И я стерпела, я не завывала от боли и оскорбления, я только еще раз убедилась, что это не друг, что это милая соседка, ну, а как соседка, она делала и делает многое, иногда подкинет сухарик, даст ложечку каши, тарелку супу. Я благодарна ей за это. И когда умирал Леша, она, как милая соседка, приносила капельку варенья на маленьком блюдечке и полрюмочки прокисшего вина, имея корзину нераспечатанных вин.

1 июля 42 г.

Жизнь, как ты пошла, нелепа и глупа. Сейчас прочитала инструкцию (старую) о выдаче продовольственных карточек по нормам рабочих и нормам служащих. Служ<ащие> – директора, профессора, доценты, преподаватели, писатели, художники, скульпторы и т. д. Как можно было оставить людей умственного труда на 125 гр<аммах> хлеба? Чем думали они, эти толстопузые Попковы?¹⁸ Стольких полезных и нужных людей отдать земле, стольких искалечить цингой, дистрофией. Россия-Матушка! Всегда ты страдала глупостью, и твои правители большевики оказались не лучше всех бывших правителей, только больше гонора, нахальства и хвастовства. Бесконечное прославление все 24 года, а результат самый печальный; через полгода войны жуткий, невероятный, неопиcуемый голод. Горы трупов в наскоро отведенных моргах, непрерывные вереницы покойников по улицам Ленинграда, полное равнодушие к закутанным мумиям, к грузовикам, полным замерзших, искореженных трупов, падающих на улицах (все это зимой). А сейчас, правда, смертность сократилась, но и народу убавилось, ой, ой, сколько.

Пустыня, а не город. Попков распинался, что голод, как таковой, изжит. Толстая скотина, можно ли жить месяц на норму служащего, допустим. Вот в граммах все довольствие:

Хлеб: 400 гр<аммов> в день
крупы: 1500 гр<аммов> в месяц
мяса: 1000 -.- -.-
масла: 400 -.- -.-
сахар: 500 -.- -.-
Норма рабочего
хлеб: 500 гр<аммов> в день
крупы: 2000 гр<аммов> в месяц
мяса: 1800 гр<аммов> в месяц
масла: 800 -.- -.-
сахар: 900 -.- -.-

Все.

Голода нет, санаторный С<оветск?>ий паек.

А немцы все играют, пошлют нам пачечку хорошеньких снарядов, вырвут каменное мясо и кишки домов, раскрошат живое мясо людей, или трамвай разлетится, полный пассажиров, вылетят окна, как огрызки стоят объединенные рамы, сдернут провода, искорежат мостовые, и опять тишина. Кажется, ведутся переговоры... тишина... и снова. Через несколько дней полетят гостинцы.

10/VII <1942 г.>

Мне кажется, что ни в одной стране, воюющей только год, нет такого хозяйственного упадка, как в СССР. А у нас уже через ½ года голод и бесхозяйственность, головотяпство рабочих правителей (?), уж половина жителей Ленинграда в могиле, вторая половина медленно подыхает тоже, и еще часть жителей, которая не знает голода и удивляется, как матери желают смерти своим детям, и наоборот, дети призывают ее на родителей; недоумевают, как можно воровать друг у друга, закрывать под замок, отделяться друг от друга, подозревать, и вообще, как голод может разъединить самых близких и, казалось, любящих людей. Так говорят только те, кто не испытал голода, и таковые есть. Это известная корпорация людей могущих, говоря мягко, брать, а попросту воровать. Жены этих людей до глупости наивны или до наивности подлы.

Мне же, пережившей и еще переживающей этот кошмар, когда я с полным сознанием своей правоты воровала хлеб у человека, который имел четыре карточки, следовательно, сама она голодать не мог-

ла, ужаснее всего, что она не понимала, что голодаю я, и жаловалась на голод при мне... О, как мне хотелось ее задушить. Я вижу сейчас это лицо, наглое лицо, жующее хлеб с маслом, чай пьющее с сахаром, обильно насыпанным, а я пустой пила, без единой крошки хлеба. Вот она, Ольга Ивановна, еще я восстанавливаю этот жгучий образ советской коммунистки, эксплуататорши, воровки, авантюристки, носящей образок на шее, давящей всех, терроризирующей население дома... Жалкая социалистка, жена купца, ставшая агитработником, управхозом, все для того, чтобы скрыться, замазаться и свое подлинное лицо утопить в яростной лжевере в партию и правительство. Вот кто правит нами. Все сплошь лжекоммунисты, и все они, до простого милиционера и управхоза, облечены властью – броней, через которую не пробивается правда, и все, желающие сказать ее, давно сложили свои буйные головушки, разбивши их об эту лжеброню. Проклятие, а не страх, страх, страх и подавленность... Дворник, и тот хозяин над тобой, свободный советский гражданин!

20/VII <1942 г.>

До чего же терпелив ты, даже голодный, даже умирающий, русский народ – нет, это зовется иначе. Это просто рабство, в натуре рабство и подавленность, боязнь всякого начальства, страх и трепет, а может быть, трусость, инертность. Вот как я могла просидеть 15 лет домохозяйкой, ловя за хвост призрачную литературу, а она все удирает от меня. А если бы я работала, вероятно, не погиб бы Леша, и я, возможно, давно была бы писателем квалифицированным, а не только для себя. Всю жизнь прописавшая роман...¹⁹ Боже, Боже, начать бы... нет, поздно.

20/VII <1942 г.>

Сегодня получила первую категорию, это – если не уложит меня снаряд или бомба – немного спасает, а спастись мне необходимо. Кости мои настолько отовсюду выпирают, что страшно смотреть на себя голую, древняя старуха и... розовое лицо, правда похудевшее, с морщинками под глазами, но со свежей кожей, довольно гладкой, и только если я очень голодна, я бледнею и сразу увядаю, стоит только чуть-чуть покушать, как румянец вновь набегает на щеки и светлеет лицо, и потому внешне (кстати, я закрываю шею, она нехороша) на голодающую я не похожа. Я не нытик, вид у меня не унылый, словом, меня можно демонстрировать как стойкого защитника Ленинграда. Ехать по-прежнему мне не хочется. Хочется и Свету и Идочку сюда.

Плохо там будет, не может быть хорошо. И эта жалкая жизнь по чужим избам меня страшит. Черствость, скaredность и алчность людей, вот все, что ждет меня в чужом городе. Жалкое существование вдвоем со Светой. Бедная девочка, рано выпали на твою долю заботы, труд, суровость жизни и потеря отца. Если бы сохраниться мне, сохранить все, тогда все-таки кое-что будет у девочки. Да будет воля Твоя!

Недавно немцы опять колошматили из дальнoбойных, у нас на Маклина попал во второй этаж в комнату – крошево одно из комнаты, и огромная брешь в окне. Самолеты сбрасывали листовки содержания невразумительного – «Вас продают жидаы» и т. д., не воюйте, сдавайтесь – я не читала, слышала из газет шлеп-шлеп.

Когда же конец? Как жаждет его измученное тело и больная душа. А главное, дочуру мне, Идочку, тихой, мирной работы и спокойного сна.

24 июля <1942 г.>

Сегодня в 7 ч. вечера в наш дом попал третий по счету снаряд, но все не в квартиры. Первый раз на парадную, второй раз в угол дома, и сегодня сделал брешь под 5 этажом. Наш тупик весь был засыпан кирпичами, по счастливой случайности никто не пострадал. Очевидно, мне еще не суждено умереть. Я только что перед обстрелом хотела пойти получить по карточке воблу, потом решила подогреть суп и съесть с кусочком хлеба. Я сняла пальто и осталась дома. И вдруг наш дом вздрогнул, засвистело, заходило все вокруг. Еще удар, казалось, что я сейчас полечу, или я только одна жива, а все вокруг меня погибло.

29/VII 42

Недолго я поработала, «Главвторчермет» эвакуируется не то в Челябинск, не то в Свердловск. Там и там голодно, и учреждение, несомненно, меня прикрепит. Света пожелает приехать ко мне, и боюсь я жалкого существования с ней вдвоем, жалованья не хватает, тряпок нет, тоже голодать, да в чужом углу, даже без кровати и матраца. Сейчас я хоть одна, а Света сыта и в надежных руках. Хочется сказать себе: «Подумай, мать. Не лучше ли оставить дочь на месте и самой сидеть тоже на месте». Опыт прошлых лет показал, что все, уезжающие из Ленинграда, теряли все. Правда, не было такой жути и такого голода. Я верю в провидение. Против Леши все восстало, все складывалось так, чтобы ему умереть. Суждено мне, я умру здесь от

снаряда ли, бомбы или еще от чего, но голод пока меня пощадил. Как я голодала! Да и сейчас не блестяще, несмотря на 500 гр<аммов> хлеба в день, мне его не хватает. Меня может удовлетворить только килограмм, или наличие масла и сахару, тогда я бы могла удовлетвориться меньшим количеством хлеба. А что будет там. Даже в лагере Литфонда. Идочка пишет: «Если Вас не пугает 400 гр<аммов> хлеба в день, 200 гр<аммов> масла и 300 гр<аммов> сахару на месяц, то приезжайте». Если я голодна, имея 500 гр<аммов> хлеба. Правда, остальные продукты я еще полностью не получала. Ибо I кат<егория> только с 20/VII у меня, то что же я буду там? Сейчас я дистрофик 1-ой или 2 степени, там я стану 3-ей. И страдать еще за Свету, видя ее мучения за меня. Нет, лучше мне остаться здесь, будь что будет. Да будет воля Твоя!

7 августа <1942 г.>

На носу осень, я не еду к Светлане, и не видно конца нашей блокаде. Кто-то пустил слух, что есть какое-то международное право, по которому нельзя держать в блокаде город больше 1 года. Год истекает в августе, мы все еще зажаты в кольцо – мы, оставшиеся «герои» – город опустел – мертвый, тихо, как в могиле, в его вечерний час. Вот мимо окна проходят две парочки, два молодых моряка под руку с барышнями, смеются, девушки хорошо одеты, у одной букет цветов. И так защемило сердце, грустно, грустно стало, за них ли, за себя ли, за все человечество, что живет в ужасную эпоху истребления друг друга. Завоевали воздух и творят невероятные вещи: немцы скидывают с парашюта даже живых коров, не говоря о людях, танках, продовольствии и т. д. По слухам, Одесса была взята ночью, был выброшен десант в огромном количестве.²⁰ А Киев? Украина? Шагает немец на Донбасс,²¹ и если нефть приберет – погибли мы. А союзники второй фронт не открывают. Англия со своей выжидательной политикой медлит. А Ленинград дохнет, осталось все сильное, но и оно начнет выдыхаться... Ужас предстоящей зимы нельзя даже представить. Если сейчас не действует канализация, нет света, нет дров, трамваи ходят – всего несколько номеров по всему Ленинграду, то что же будет зимой? Хочется мечтать о конце бойни до зимы. Вот опять третий день тишина, ни обстрела, ни тревог. Так и кажется, что ведутся переговоры, что вот-вот какие-то события разрядят сжатый воздух, и мы вздохнем полной грудью. Пройдут эти дни, снова засвистят снаряды, загрохают разрывы, оглушительно зальются пулеметы, снова я буду стоять, прижимая руки к сердцу, в уборной или между дверей,

и ждать, когда придет моя очередь. От одного этого состояния мыши, попавшей в капкан, нужно бы бежать, бежать без оглядки. И не бежится, уж очень везде нерадостные картины. Единственная радость там – Света и Идочка, но у Идочки поддержка – муж и братья. А у нас со Светой? Мы все время и при Леше жили очень скромно, хотя, с другой стороны, мы жили не по средствам, имели прекрасную квартиру из 3-х комн<ат> (телефон), прилично обставленную, а должны были жить в одной комнате, без всяких телефонов. В довершение всего я плохая хозяйка, Леша тоже. Бывало так: то густо, то пусто, то нет ничего. Вот теперь я вижу, как нужно бы вести хозяйство, и Леша был бы жив и сейчас. Поздно приходит опыт, когда непоправимо, когда несчастья тебя изломали, и ты плетешься по течению, и больше нет ни сил, ни желания. Иногда у меня запас жизненных сил, хочется Свету, новой жизни с ней. А вот сегодня я всю ночь потела, даже простыня была мокрая, ночью переодевала рубашку. Все это говорит о слабости, несмотря на то, что я стала немного лучше питаться.

Долго ли ждать, помышляя о чуде?

27/VIII 42

Давно не писала. Автобаза уехала, я осталась, что я жду в осажденном Ленинграде? Чуда? Да, чуда. Вознаграждения за все страдания? Да, Свету домой, покоя и тишины. Наивная, хочется сказать себе, неужели ты думаешь, будет покой? Да, думаю. Верю. Нельзя бесконечно страдать. Вчера я вышла вечером подышать воздухом, возле какого-то дома поравнялась с женщиной, обе мы услышали радио: «20 ч. 20 мин<ут>», и обе повторили это, потом посмотрели друг на друга и разговорились о том, сколько мы, Ленинградцы, пережили и сколько положено нам пережить еще. У нее погибла сестра, ее муж и ребенок. Жуткая история. В январе месяце 42 г. муж умирает от дистрофии, молодой инженер, жена в отчаянии, на почве психического заболевания она повесила свою трехлетнюю дочь на спинке кровати, а сама в уборной, на старой рваной веревке, которую ей дала мать.

«Мать сама послала ее в петлю, когда она, приодетая, нарядила в меховую шубку Мариночку и заявила, что пойдет определять ее в очаг.²² Я сказала ей: „Брось, я сама схожу с ней завтра, не ходи“. Мама возмутилась: „Что ты удерживаешь ее, первый раз на нее нашло просветление и жажда деятельности, а ты ей противоречишь, пускай идут“. Она сейчас же снова быстро оделась, снова одела Мариночку

и, попросив у мамы веревку от ведра, ушла. С тех пор мы ее не видели живой, ни ее, ни нашей чудесной девчурки. Вот теперь мама и муается, сама послала умирать, сама дала веревку...».

Я ей рассказала о смерти Леши, о том, что я тоже своей беспомощностью не сохранила его. Я отняла у него стимул жизни, я перестала быть терпеливой. Он сказал Ф. В.: «Я измучил ее, мне нужно умереть», – и в ту же ночь умер. Вечная мука и вечная память до самой моей смерти. Обожаемый, Любимый, и я вдруг безразличная, как будто холодная, а сама я страдала, страдала от того, что чувствовала свое бессилие, знала, что дальше голодная смерть и я ничем не могу помочь. Какой это непередаваемый ужас.

Опять военная игра, угрозы и прикрепления, мы все мобилизованы по МПВО.²³ Не понимаю я, зачем? Если летит артснаряд, чем поможет... ну хотя бы я... Когда падает бомба и разрушает дом сверху донизу, что тут сделает МПВО?

Когда же нужна действенная помощь, идет тот, кто силен, мужественный, и обладает известной долей храбрости. Когда я шла на чердак и звала мужчин тушить бомбу, пошли не из группы самозащиты, а просто деятельные и сильные, и несколько человек из группы – молодежь, которая полезла на крышу. Я и Ф. В., мы смогли подавать воду, песок, на крышу я ни при каких обстоятельствах не полезла бы. Боюсь, и все. Трусость или что – не знаю.

Сейчас прикрепляют и говорят: «Вы пожарный, вы по санзвению...». «Не умею, не знаю», – отвечают: «Ничего, научим». Сейчас с вами говорят языком военным, приказ и все. А толк? Хочется спросить. Нельзя спросить. Трибунал, и все что хочешь,²⁴ только не человеческий язык.

Сердце разрывается на части, когда я смотрю на лицо Леши, лицо обреченного человека. Хочется выть жалобно и горько; верните мне его, чтобы я могла отдать за него жизнь, только бы спасти. Поздно. Ты сама подумала, глядя на беспомощного больного мужа: «Ему лучше умереть». До тех пор, пока ты говорила: «Выцарапывайся, Лешкинья», «Выцарапаюсь, я чувствую», – говорил он. И вот ты измучилась, устала, изголодалась, и позорное малодушие охватило тебя. Не хватит сил, не справиться, и нет вокруг друзей. Ф. В., дама-патронесса на 5–10 минут. Я, задыхаясь от усталости, сдалась, и... его не стало. Любимый, мой любимый, ты жив и будешь жить. Помогите мне не плакать, помогите жить и воспитать Светлану.

Сегодня объявили всеобщую мобилизацию по заготовке дров.²⁵ Какой я заготовщик? В течение месяца 2 кубометра государству

и 2 к<убо>метра себе, а я дома не могу колоть дрова. Нелепо все. Дали бы паяк и плату, и здоровые люди заготовили бы дрова. Очередная петрушка.

Немцы летят все вперед и вперед, невероятные, баснословные переходы. Юг в их руках, прут к Донбассу, Майкоп взят.²⁶ А сегодня по радио: наши продвинулись вперед на 60 км.

«Я шел вперед, я шел назад, я делал смотр своим страданиям».
(М. Жижмор)²⁷

То вперед, то назад, и без конца страдает человечество, и когда кончат поедать друг друга?

Всем великим, правительству, им хорошо, они не голодают, живут и спят на мягких постелях, а народу кричат: защищай,дохни, валяйся в грязи, мерзни, голодай, это твоя родина. У нас сегодня банкет с бананами среди зимы, а у населения 125 гр<аммов> хлеба и мертвые в море. Во имя чего? Вас? Или нас?

«Кто разбойник: Я или ты?». А. Крайский²⁸

4/IX 42

Сегодня видела во сне бабулю, она была в красивом светлом шелковом платье, с траурной наколкой на голове, собиралась уходить. Хороший сон, скоро конец нашим мукам.

Война. В районе Сталинграда, Краснодара, в районе Воронежа у противника сосредоточены крупные силы. Наши «по плану командования отошли на новые оборонительные рубежи». «Немцам ценою больших потерь удалось занять несколько высот и два населенных пункта»²⁹ и т. д.

Три года войны в Европе. Пора кончать. Европа еще живет. «Азиатчину, турок да русских».³⁰ Никто не возьмет костей даже на мыло, а сколько их гниет на российских просторах. После четырех месяцев войны не стало половины. Очередное вредительство, кто-то был заинтересован в истреблении Ленинградцев, или головотяпство российское «авосек и небосек». Оно так и идет с нами в продолжение двадцать пятого года.³¹ На сентябрь вдруг отменили выдачу продовольственных карточек иждивенцам.³² Ведь это все равно, что выставить людей где-нибудь на поле и пальнуть в них из пушки или пулемета. Так и иначе смерть. Результаты не замедлили. Несколько случаев самоубийств (повесились) заставили мудрых отцов города

Попкова и Авдеенко³³ дать срочное распоряжение о выдаче карточек иждивенцам. Первого, уже вечером, в конторах домохозяйства стояли очереди за карточками. Обычно люди хлеб заедают вперед, т<ак> 31-го берут на 1-ое и т. д. Смерти достойно такое головотяпское распоряжение, не сидели Попков и Авдеенко на 125 гр<аммах> – не знают.

Везде и всюду женщины, девчонки под ружьем. Когда-то наша пресса ядовито высмеивала Германию: «Детей заставили воевать, обучают военному искусству даже девушек». Вижу я этих вояк у нас – смеху подобно, а все облачается в серьезную форму. На тысячу найдется одна, может быть, которая серьезно и по-взрослому воспримет это трагическое положение – мужчин нет, женщины, половина цинготных и дистрофиков, а им, зеленой молодежи, хочется жить, бузить, шалить... любить... И вдруг ружье, окопы... дисциплина. Все это скучно и тяжело, а Севастопольские Даши³⁴ родятся раз в столетие. Недаром на каком-то корабле командир не терпит женщин. (Я, кажется, писала уже.)

– «Почему женщина?»

– Я... я... не женщина, – шепчет перепуганная дама.

– Кто же вы? Что за глупости.

– Я... артистка...

«Вон девчонок!» – вероятно, не один командир крикнет самому себе потихоньку.

Пора, пора кончать войну, с девчонками далеко не уедешь. Светлана моя тоже желает воевать, но ведь это же слова, возмущенное сердце все желает. Кричит и побеждает. Одного сердца мало; сила, ум, стойкость, где ее взять, измучены все, а голод притупил все лучшее в человеке, оставил только животную оболочку, тупость и страх.

Читаю у Дос Пассоса «Манхэттен».³⁵

«Когда Бэд принес последнюю корзину, он нашел на кухонном столе тарелку с холодным мясом, полкаравая черствого хлеба и стакан кислого молока». Описывается завтрак голодного человека. Скучный завтрак! Какое счастье, если бы мы могли кушать так каждый день.

5 сент. <1942 г.>

По всей комнате раскинуты осенние солнечные блики, воздух свежий и прозрачный, только холодно Леше в могиле и темно у меня на душе.

Какой-то свет принесла бабушка в светлом платье. Призрачный, а хочется верить, верить, верить. Верил и Леша, что выпарапается от когтей смерти, а я отняла у него жизненный стимул. Страдатель и печальник, он пожалел меня...

Леш! Мой любимый, живой, незабываемый, родной.

Вокруг нас молчат немцы, молчим и мы, и только бойницы и бойницы говорят, что тишина перед грозой... Окна, целые этажи закладывают кирпичами с маленькими отверстиями для орудий... Пощади нас, Боже.

17 окт. <1942 г.>

Горит коптилка – коптит коптилка, тишина и дома, и за окном... Короткое время продолжался обстрел. В мертвом городе все мертво; живем (я на рации, т. е. карточки сданы и меня питают в заводе три раза в день) от завтрака к обеду, от обеда к ужину и к постели, иного интереса нет. Огрубели, отупели; люди ссорятся, ругаются, грызутся. Но я сейчас не голодна, правда и не сыта, а жить можно на этом рации, если бы меньше воровали наши граммы, то и совсем было бы ничего.

Вот он, этот рацион:

В 8 ч. утра завтрак: каша 200 иногда 300 гр<аммов>, не густая, «цыпленки тоже хочут жить», и разбавляют ее водой.

Зелень или щи, 10 гр<аммов> масла и чай или кофе, иногда добавляют сою, так называемые «шроты».

Обед: щи или суп. Котлета рыбная или мясная, или колбаса кровяная (раньше кот мой не ел) с кашей грамм<аммов> 50–80 и компот, иногда соя.

Ужин: зелень или щи, зелень – это тушеная хряпа. Каша 200 гр<аммов>, масла 10 гр<аммов>, иногда масло заменяют 20 грам<амми> сыра или шпика, чай или кофе.

Все.

Я на заводе «Марти» приобретаю квалификацию товароведа и не еду к Светлане. Бедная девочка ждет маму, тоскует. Я для нее хочу иметь профессию, чтобы больше зарабатывать и дать ей сносное существование в дальнейшем. Ну, а если погибну, значит, так суждено.

Придется, видно, опять зимовать без света, воды, уборных и т. д., но если придется голодать так, как прошлую зиму – морг нам обеспечен.

Немец силен, отогнать, а тем паче – победить нет ни сил, ни возможности, возможен только дипломатический мир, но наш В. С<та>

лин»³⁶ решил «победить и нэ сдавать». Игрушечки, бабская армия, как ни пойте им дифирамбы, в 18 лет девчонка есть девчонка, и ничего серьезного ждать от такой армии нельзя. Мне самой ведь было 18 лет, и я была серьезной, могла пойти под пули... ну и только.

«Вояки с клопами», – сказала мне красноармейка в трамвае, когда я указала на ползущего клопа на ее рукаве.

24 <октября 1942 г.>

Вчера был день огорчений. Боже, как мы зависим от того, дадут нам рабочую карточку или нет. Как мало нужно для удовлетворения, лишних 100 гр<аммов> хлеба. Сегодня это рассеялось. Кажется, опять у меня будет рабочая, а впрочем, еще не знаю.

Говорят, Ленинград будет немец брать штурмом. Вот это жуть. Район наш противный. Сегодня я из окна Главметаллосбыта на ул. Гоголя смотрела на разрушенный напротив дом. В пятом этаже стоит в уголке кровать, накрытая одеялом, стоит она уже год или чуть меньше. Еще мы обсуждали с Лешей это разрушение. Огромный дом, как карточный домик рухнул, похоронив сотни людей. Силою взрыва он был приподнят вверх и потом рухнул.

Не могу писать. Все что угодно, штурм, морг, только бы поскорей, нет сил. Превратилась в животное, жаждущее только еды. Невозможно, мучительно, отвратительно до омерзения. Послала Светлане и Идочке три посылки. Родные мои, скоро ли свидание?

11 декабря <1942 г.>

Печальная годовщина. Прошел год, сегодня в три часа ночи я крикнула: «Леша, ты умираешь». Последний раз он улыбнулся своей чуть кривой улыбкой и сердце, многострадальное и огорченное в последние свои минуты, – перестало биться. Бедный, родной, даже я тебя покинула, я, обожавшая тебя 17 лет. И вот после тебя я голодала еще год, и я живу и продолжаю голодать. Только август я жила на две карточки первой категории, и это меня поддержало, я чуть-чуть окрепла и поправилась. Сейчас опять все жилы выступили наружу, пошаливает сердце – дух еще крепок, слез только много. Леша, Леша, все ты, и только ты. Но есть стимул – дочь, моя Светлана, всю любовь я перенесла на нее – я «не горячая» мать, люблю и жду ее, и хочу жить только для нее.

Хлеба бы съесть, сколько хочешь, каши бы съесть, сколько хочешь. Я сейчас съела сто грамм<мов> без хлеба, выпила кофе без сладкого, я уже о сахаре не говорю, его нет. 1500 рублей кило, масло

1750 и 2000 руб., даже писать противно. «В мире есть царь, этот царь беспощаден».³⁷

Голод.

Какую жуть будет говорить историк, а люди не будут верить, что можно было еще жить, что человечество не вымерло до единого. Остались жить сильные и выносливые, приспособленцы и рвачи. Работники столовых, магазинов и т. д.³⁸ Зато так мало отрадных лиц, грубые, отъевшиеся на крохах рабочего люда, они говорят, поют и вопиют о дисциплине, о работе в сто лошадиных сил, и первую категорию, как знамя, преподносят вам и попрекают, угрожают, если вы окажетесь не лошадью, а жалким дистрофиком, нуждающимся в покое и питании.

Война, Война! О, будь она проклята, и люди, допускающие ее, затягивающие ее на долгие годы, разорение, голод, рабство, свое или чужое, одинаково. Серое существование и упадок культуры, она у нас и так как белая ворона. Хамье вокруг жуткое, и злое, и жадное.

5 апреля <1943 г.>

Прошло три месяца. Три месяца работы, рационного питания и ожидания конца, плохого или хорошего, но конца. Его все нет и нет. Немец вокруг, рядом, иногда постреливает, всю зиму так себе постреливал, только на днях был жуткий обстрел и налет. В Госзнак³⁹ попало 23 снаряда. Фугасная бомба разбила дом и засыпала бомбоубежище, куда был переведен детский очаг, раскапывать было нельзя, боялись обвала. Прорыли окошко и двое суток питали засыпанных. Дикие раздирающие картины. Вопли матерей, не знающих, живы ли их ребята. Дети кричали оттуда: «Мамочка, я жива, жива». Через два дня в расширенное отверстие детей вытаскивали поодиночке.

12 апр. <1943 г.>

Опять группы самозащиты,⁴⁰ опять подстегивания, подхлестывание, доколе люди будут играть? Война и потешное войско, война и глупые истерики. Развивать ненависть к врагу? У войны жестокие законы, вот девочку несут, ей снарядом раздробило ноги, она еще имеет силы кричать, сейчас она умолкнет навеки, а будет кричать безутешная мать. Судьба. Что это за слово? Предопределение? Провидение? Вот двенадцатидюймовый снаряд попадает сверху в маленькую лавчонку на Международном (бывший Забалканский), разносит всю ее, даже стены вырвало. Насмерть убивает зава (родст-

венник Ф. В.), а двоих покупательниц и помощницу зава даже не ранило. «Если суждено умереть от веревки, то ты не утонешь». Кажется, так. Где и как суждено умереть мне? Молю Бога, моих дорогих покойников даровать мне жизнь для свидания со Светланой, чтобы я могла дать ей все, что позволят мне мои силы.

Вспоминаю о чудесах. Вот мать и дочь идут под руку по Невскому – разрывается снаряд, мать убивает наповал, дочь невредима, опасались за ее умственные способности, но и здесь все благополучно. И много случаев такого чудесного спасения, я еще запишу о них.

1 мая <1943 г.>

Город вздрагивает от редких артобстрелов, позвякивают стекла, и можно считать, что это тишина. Последнее время город опять жестоко пострадал, и нет конца страданиям, есть только одно неистощимое терпение и, вероятно, в глубинах души надежда, что все-таки когда-нибудь все это кончится.

Света пишет стихи:

Блокада. Тяжелое слово нависло
Над купою древних дворцов.
Смотрело в тревожные лица,
Внедрялось в квадраты торцов,
И вороном черным летало
Над городом наших отцов.
Но город, как мученик ада,
Стоял, не склонив головы,
И знамя людей Ленинграда –
Свирепые, мудрые львы.

Я пишу Светлане, и тоже стихи.

Стоит твоя школа печальная,
Как саваном покрытая,
Под снегом окна черные
И двери не закрытые.
Вот мост, где бегала ты с Майей.⁴¹
Он вздыблен, опрокинут и висит.
И в мерзлые воды канала
Расщепленный тополь глядит.
Под саваном кости скелета,
Под снегом уснули года!
Какая суровая смета
Лишений, борьбы и труда.
Из девочки в платье легком

Большой и испытанный друг.
И на лице ее матери блеклом
Румянец зажжется вдруг...
Зажжется – растопится льдина,
Смешаются слезы и мед...
Ундина, ее Ундина
С весною домой придет.

Сейчас колыхнулся дом и просвистел снаряд.⁴² Да будет воля Твоя! Сейчас может и от дома, и от меня ничего, кроме развалин, не остаться. Там страшные раскаты, редкие, но тяжелые. Гудят и летят где-то над домом, и нет желания уйти.

Вскочила я, перо выпало, совсем рядом страшно ухнуло. Опять пишу, видно нужно прекратить. Страха, как такового, нет, но помимо воли сердце замирает... Зловещая тишина и грохот внезапный, сотрясающий и дом, и душу. Опять тихо. Мысль работает плохо, села с желанием записать многое, а сейчас не могу. Все жду раската, свиста, дребезга и опять зловещей тишины. Леша, Леша, спасай свою Лилу и соедини ее со Светланой.

2 мая <1943 г.>

Жива. А вчера многих не стало. Лида⁴³ ехала в трамвае. Снаряд разорвался на площади, б<лиз> Сенной. Трамвай не доехал метров двух до катастрофы, но тем не менее многих в трамвае ранило и убило осколками. Лида видела жуткую картину. На площадке стояла девушка, до этого веселая, и светлые завитые волосы лежали у нее на плече. И вдруг осколок вырывает у нее клочок волос. Лида видела, как висели они, вырванные с мясом от виска. А светлая золотистая прядь так и осталась на плече. Девушка схватилась руками за лицо, и из-под пальцев обильно потекла кровь, а девушка стала падать – ее подхватили. Больше Лида ничего не видела, она убежала. Когда же кончится этот ужас, это проклятие. «До тех пор, пока существуют правительства – будут внешние войны, а республики – внутренние междоусобия». ⁴⁴ Это говорит один из персонажей из рассказа Мопассана. Сегодня читала приказ нашего главнокомандующего и маршала Советского Союза Сталина.⁴⁵ Гениальный вождь. Не верю я в гения. Есть удачники и неудачники. Моцарты и Сальери. Приказывают крепиться, уничтожать врага... Родина... Родина... Родина... и т. п. и т. д. Устали все, измучены. Только нельзя говорить об этом; нужно опьяняться и опьянять, не волноваться, не волновать, нужно писать небывлицы и заставлять верить в них давно уже неуверенных людей.

То, что я запишу сейчас, почти невероятно, но это факт. Гонимое священство и умный митрополит Алексей пожертвовал бриллиантовую панагию на нужды войны и... мудрый вождь наш дал священникам... первую категорию...⁴⁶

Против правды не попрешь. Священники, служители культа, элемент донныне ненужный, гонимый, осмеянный, оплеванный... работает на оборону страны? Ибо даже на военном заводе самый стройжайший отбор людей на первую категорию. Так-так, чудны дела на свете.

19 мая <1943 г.>

Генералы, погоны,⁴⁷ ордена,⁴⁸ блеск и мишура... о социализм, до чего ты опоганился! Но тебя еще воспевают, на каком-то колышке ты качаешься, а вот сорваться не можешь. Только Лешу закопал в могилу, кто песни пел, тот лег в могилу, изверившись и в людях, и в себе. Кто крал, обманывал и предавал, тот жив и здравствует поныне. Интересно, отчего у Светланы неприязнь к Кетлинской?⁴⁹ Посылая с ней посылочку, Света пишет: «Я не перевариваю ее, мне хотелось дать ей пощечину, когда она, спросив „кто это?“, быстро взяла посылку». Девочка моя, ты права, ненавида ее. Она убийца твоего отца, хоть крови и нет на ней. Она секретарь Союза, бездушная бюрократка... О подлая... не могу вспоминать. Воздастся ей за папу твоего.

Немец лупит нас последнее время интенсивно. Как странно звучит: «Наши аэропланы сбросили бомбы на объекты противника: Орел, Брянск, Кременчуг, Днепропетровск... и т. д.».⁵⁰ Все говорят, что скоро война кончится. Просто желают все этого. Как она может кончиться, когда половина России в руках Германии. Что-то должно измениться в Европе, чтобы изменил Гитлер свои намерения. Тогда она может кончиться.

29/V <1943 г.>

Слезы, слезы и слезы! Если бы я могла утопить свое горе в них, свою муку по тебе, Леша! Если б я могла перестать терзать себя за то, что не спасла тебя, что была до жути одинока. И я перед неизбежным голодным «завтра» растерялась так, что позабыла о ласковых словах, о любви, о нежном поцелуе. Все это могло бы подбодрить его, а может быть, и спасти. И не о своем голодном «завтра», ужас был в том, что на вопрос его: «Чем ты меня будешь кормить?» — я должна была сказать: «Ничем». Вот это ледяное слово сковало мой ум, мою душу... мои уста. А теперь... «Никогда!» — в этом слове безнадежность,

в этом слове смертная тоска. Никогда ни ласкового голоса, никогда ни улыбки, никогда твоих светлых лучистых глаз не увижу я.

Свету мне, на нее моя любовь... и, может быть, притупит мою муку, освободит мою душу от терзаний. Любовь матери? Может быть! Хочу и молю Создателя и Лешу об этой единой милости мне.

Два светлых, чистых духа, моя Мать и мой Леша, с Вами как с живыми я говорю, умоляю Вас, прошу и верю в помощь Вашу.

1943, 22 июня

Тоска. И тоска, и беспросветность, 2 года мы в блокаде. После четырех месяцев войны, невероятный в истории войн – голод. Сейчас мы вылезли из этого Ада голодной смерти, но какой ценой! Ценой миллионов жизней, жизней нужных, сколько погибло умов, сколько ценных и нужных людей. Серая, беспросветная серая скотинка населяет сейчас Ленинград. Офицеры, погоны, лейтенанты... О, «ты не сумлевайся», «ейная» и т. д. и т. п. – лексика нашего офицерства, а это не как исключение, а пожалуй, как правило!

28/VI <1943 г.>

Вся в прошлом. Леша и только Леша! Война, голод. Сейчас нет голода. Есть недоедание, а у некоторой части людей даже переедание – это рвачи, продовольственные пайковые люди – ответственные с двумя, тремя и т. д. продкарточками.

Опять предсказатели. Война кончится 1 августа, нас усиленно подогревают к немецкому наступлению, горячат всякими зверствами (кстати, малюют беса), выпускают душу раздирающие фильмы. А немец окопался вокруг, и сидит, и будет сидеть, пока не снимет урожай. А наши огороды лопнули.⁵¹ С вола нельзя снять десять шкур, а наши правители рады снять сорок. Работай без выходных, поливай огород, держи свое жилище в чистоте и будь на производстве ежедневно 9–12 часов. Поистине, думают одним местом. Ну, так все и получается, по плану. О, Иезуитское племя, доколе мы будем терпеть!!

7/VII <1943 г.>

Артобстрел. Бежала по улице, над головой со свистом мчатся вагонетки – это мое определение снаряда, когда он просвистит вверх, и как будто стремительно промчался поезд, грохоча по рельсам, а потом свист с шипением и грохот, описать его нельзя; дома, стены, камни, словом, где-то все это летит, сыпется... Сейчас колыхнулся дом от

страшного грохота. Вот так люди привыкают на позициях. Привыкли и мы к адскому грохотанию, я собиралась на работу, забежала домой выпить чашку чаю и перекусить. Обстрел продолжается. По радио велят укрыться, а люди идут, бегут, и никто не хочет укрываться; силой загоняют под ворота.

Какой ужас, а страха нет, сердце помимо воли пугается, вздрагивает, замирает, а ум ничего не говорит, вернее, он подает сигналы покоя. Ну, что же, что будет... Я должна жить для Светланы.

14 июля <1943 г.>

Тоска моя все глубже, все сильнее. Ежечасно, ежеминутно в уме и в сердце Леша. Не могу вспомнить о нем без слез. Это слово «никогда» убивает меня. Эта смерть, такая нелепая, оттого, что не было куска масла и хлеба; сознание своего бессилия в тот момент, растерянности и, я бы сказала, безразличия перед грядущим – сейчас эта мысль кидает меня то в жар, то в холод. Я погубила одного из лучших людей, любимейшего мною безгранично 17 лет... Ну вот и снова слезы. Кому ты будешь нужна слепая. Перестань. Леша, Леша, взываю к тебе, приди ко мне в сонном видении, успокой меня. Я так страдаю. В эти дни немец натворил немало бед.

20/VII <1943 г.>

Леша, Леша, ты мир хотел украсить позолотой, а мир подло тебя засыпал землей. Проклятые правители...

Нет, вновь тебя я не убью,
Не выгоню опять на холод, —
Чужую мать, а не мою
Убьют страдания и голод.⁵²

Как ты был прав, любимый мой. Власть, которой ты ставил памятник в стихах, подло выкинула тебя за борт, оттого что перестал петь, чувствуя фальшь в каждой ноте своего стиха. Не то ты ждал, не в то ты верил. Не позолотой мир украсил за 25 лет. Кровью, застенками, ссылками, концлагерями, чудовищными пытками... о, мир еще узнает эту «позолоту». И только тебя не будет, светлого, чистого, ты изнывал, ты страдал от несправедливости, подхалимства, подкапывания, подлости. А бороться не мог, выдохся, устал, потерял стимул.

25/VII 43

Бальмонт писал о Бодлере: «Ты, павший в пропасть, но жаждавший вершин...».⁵³

Бодлер... Как милый мой Крайский во многом похож на него.

Только... «Ты, знавший женщину, как демона мечты». А Крайский обожествлял женщину. Двух женщин он любил в жизни: В.⁵⁴ и меня..., одной он писал:

И вот пройдена заветная стена
И ужаса, и радости полна
<...>
Моей души живая глубина
Будь проклята и будь благословенна.⁵⁵

Другой:

Выйду в мир огромный и прекрасный
И поверю в первый раз,
Что недаром приоткрылись
Занавески утомленных глаз.⁵⁶

Ты пал в пропасть, но жаждал вершин. И сейчас я прихожу к выводу, что любовь его ко мне погубила его. И его поэзию.

Несчастливая его болезнь. Боязнь потерять меня... Обожествление тела любимой женщины мешало ему быть мужчиной... Любя друг друга, были ли мы счастливы? Нет. Мы оба бесконечно страдали 17 лет, тщательно скрывая друг от друга эти страдания. Милый друг мой, ты уже отстрадал, а я еще осталась мучиться и оплакивать твою смерть, хоть и знаю, что для тебя она спасение. Как поэт, ты был уже мертв, как человек и муж, изъеденный до глубин тоской о невозможном.

Сегодня почти непрерывная канонада.⁵⁷ Рвутся наши дома, гибнут люди. Окно открыто, воздух чист и свеж и совсем где-то близко разрываются снаряды. И там воздух пахнет кровью, пыль, земля и камни взлетают вверх. К.⁵⁸ вчера видела у Финляндского вокзала, как летели человеческие ноги и руки, головы и камни.⁵⁹ Вчера же попал снаряд на наш заводской двор в бассейн; сноп брызг дымом взлетел вверх и все. Где-то у цеха 17 разорвался другой снаряд, жертв, кажется, нет.

4 августа <1943 г.>

Вдыхаю запах Лешиного пиджака, обнимаю его кресло, целую его фотографию, разговариваю с ней... И это все, что мне осталось. Тяжелая тоска, ежесекундно, если я не занята делом, мысли о нем. Мне кажется, что я могу сойти с ума.

Где-то рвутся снаряды. Я глуха, я слышу только собственную муку, я слезы лью из потускневших глаз.

Бьет, бьет и бьет немец.

Страданиям нет числа, страданиям нет конца. И наряду с этим неопикуемый разврат в армии. ППЖ (походно-полевая жена), блокадные жены. Все молодежь зеленая. Отдается, продается, по самой дешевой цене. За масло, хлеб, сладкое и т. д. и т. п.

Сейчас появилось много раздобревших девушек. Женщины с погонами... лейтенанты... Поистине нелепо... Через девять месяцев какой-нибудь пузатый капитан променяет погоны на... ребенка. В худшем случае, скинет его в ясли, и опять погоны и... любовь.

В ночь на 7/VIII <1943 г.>

Почти два года назад и тоже в ночь на 7-ое, только на 7-ое сентября мы, т. е. наш дом, пережил неопикуемый ужас, когда рядом в дом попала фугасная бомба. Вчера она попала вторично в ту же воронку, которую сделала почти два года назад. Тогда еще был жив Леша, тогда никто из живущих в доме не оставался в квартирах. Леша еле удержался на лестнице, схватившись за перила. Я была под воротами. Кажется, весь этот кошмар я записала тогда же. Вчера кошмар был меньше, но я его ощутила больше. Сейчас я до ужаса одинока. Я проснулась от звона стекол, падающих возле меня; на меня летели книги, лекарства из аптечки, еще что-то... На небе висели пять огненных фонарей, было ярко и светло как днем. На улице кричали люди. Накинув пальто на рубашку, сунув ноги в ночные туфли, я выбежала на улицу. На улице еще звенели стекла, с неба медленно спускалась вниз фанера... суеились люди... И все, «Мавр сделал свое дело».⁶⁰ А несчастным Ленинградцам – хоронить своих мертвецов, сгребать лопатами стекла и ждать новых ударов в лоб или в затылок.

А сегодня снаряд попал на Невский, на углу Садовой, возле трамвайной остановки.⁶¹ Вот что рассказала мне очевидица: «Подъехала я к Невскому, вышла, навстречу бежит военный, кровь капает у него из рукава; женщина кричит визгливо: „Клава, Клава, ой, погибла, зачем мы приехали!“.

Милиция... машины... и груды на дороге... пестрая, красная... цветные платья женщин смешаны с кровью... кто там, что там... меня затощило... мне стало худо, я побежала через улицу на № 20 трамвая». Убирали, замывали, и снова город жил, чтобы умирать ежеминутно.

11 августа <1943 г.>

Эрзац-солдатики. Так называют нашу девичью армию. Все фальсифицированное, все плохое – называется «эрзац».

– Женя, что Вы сегодня делали на ВУПе? (военно-учеб<ная> подготовка).

– Урали?

– Что?

– Ну, Ура кричали. Уракать-то легко.

В воскресенье снаряд угодил на Невск<ий> в толпу у трамвайной остановки. Каша. Я уже писала. У нас из штаба убило девушку, она поехала в театр. Любопытно то, что, когда ее нашли, на ней не оказалось туфель и часов.

Вчера М. И.⁶² была на рынке, начался обстрел, торговцы, т. е. колхозники, сразу присели за прилавки, а кто понахальнее, – тащить с прилавков, что попадалось под руку. Устроили невероятную панику. М. И. видела, как дама в модной шляпке схватила за жабры рыбу и побежала с ней из рынка. Жуткое хамье осталось, все лучшее погибает и уже погибло.

17/VIII <1943 г.>

«Внимание. Внимание! Артиллерийский обстрел района продолжается». Это, как попугай, повторяет радио. Зачем нам слышать это по радио? Стекла дрожат, свистят снаряды, разрывы слышатся совсем близко вот уже три часа без перерыва.

Снаряд летит: джжуу, снаряд упал: трррр.

1/IX <1943 г.>

«Идете, как хороните, поете, как кошки мяукаете». Это все про эрзац-солдатики. Командиры говорят своим бойцам. У маршала приказы сыпятся, как из рога изобилия.

Генерал, полковник... награды, переименования и т. д. и т. п. Никогда не занимались столько побрякушками, как теперь. Генералы еще и штатские, железнодорожного транспорта – «Генерал-директор путей сообщ<ения>», «Директор-полковник движен<ия>» и т. д. и т. п.

Опять<ь> лауреаты...

10 сент. <1943 г.>

Тоска, тоска смертная. Через три месяца два года, как нет моего любимого. Возможно ли? Не знаю горше муки, смотрю в могилу

и вижу синий костюм, клетчатую рубашку, скрещенные прекрасные руки, чудесное восковое лицо... желтые ботинки, упирающиеся в подушку... И это все гниет. Боже, Боже, за что Ты наказал меня. За все. За мать, за многое. Мука, мука на всю жизнь. Остаток, какой?

Святейший Синод. Патриарх всея Руси избран 8 сент. 1943 г.⁶³ Остается венчать на царство нашего отца и друга (?). И Патриарх всея Руси возложит на главу сию венец. Терновый, терновый, за любовь к человеку, за заботу о нем, за миллионы погибших в зиму 1941 года, за миллионы погибших в годы 38–39, за ежовщину, за лишенцев, за паспортизацию, за золото. Какие должны быть тернии в этом венце: до мозга, до сердца... Почему Николай Второй – кровавый? Ошибка.

На юге победы наши, это факт. Только уж очень стремительно катятся, как на колесах, где здесь собака зарыта, а где-то зарыта. Под Ленинградом все так же; крошит, но немного. Италия вышла из войны.⁶⁴ События неизбежны, какие?

14 сент. <1943 г.>

Сегодня я получила медаль за оборону Ленинграда. Ничего не ощутило мое сердце. Холод, нет – лед. Все ненужно, нелепо, все гадко.

Два раза прерывалось торжественное заседание. Немец обстреливал район. Снаряды рвались совсем рядом. Все тряслось, дрожало, трещало и с грохотом где-то рассыпалось, ну и пусть. Герои?.. Все мы вынужденные герои. Тупое безразличие, а не героизм.

24/IX <1943 г.>

Тоска гнетущая, тоска безумная. Мозговое переутомление, болят глаза. Леша... везде и всюду Леша. Мне нужно спасение, и это спасение – Света, иначе я погибну от горя и тоски. Горе все глубже и тяжелее, и я не мучилась бы так, погибни Леша на войне. Глупо, нелепо, из-за куска масла, из-за горстки муки... какая гнусь, какое проклятие...

После Патриарха и Синода преподнесли «Кадетский корпус».⁶⁵ Света пишет: «Сережа Зонин⁶⁶ уезжает в кадетский корпус». Вот тебе и фунт с изюмом. Мальчики и девочки учатся отдельно... Генералы, чины, ордена, погоны. Не хватает еще господ и... царя... Встань, Ленин, и посмотри на содеянное твоим «верным учеником и соратником».⁶⁷ И что ты скажешь. Ты снова сойдешь с ума. Говорили, что ты разрешил НЭП, якобы малость свихнулся. Нет, ты

единственное сделал умное, догадавшись создать ее тогда... ну а сейчас сплошной НЭП, только без экономики, еще торговать мы попробуем сами, мало миллионов людей легло в могилы, еще предстоит лечь немало, если станем зализывать послевоенные раны. Избавь, Боже, от этой муки пятилеток, собачьих котлеток, всяческих дальней<ших> «достижений», очередей за всякой дрянью и – песня песней – газет ходульных.

26/IX <1943 г.>

Ну вот и еще победа. Взят Смоленск.⁶⁸ Хочу верить в победы. А Новороссийск, а Полтава, а Харьков⁶⁹ и т. д. и т. п. Как на кошелках мчимся... И почему же ум мой – старый скептик сомневается в чем-то, в ком-то. Где-то тут зарыта собака? А где? Разгадка, конечно, будет.

Сегодня Лида слышала в магазине: «Капуста подешевела – 60 руб. кило, картофель – 70 руб. кило». А мужчина говорит: «Подождите, через несколько дней всего будет много и все дешево». Лида говорит: «Я посмотрела на него. Нет, не пустельга, так, человек серьезный, интеллигентный, видно». Ну что же, можно поздравить и с Кадетским корпусом? Света пишет: «Сережа Зонин уезжает учиться в Кадетский корпус». Кажется, я уже писала – повторяюсь.

Вчера немцы наломали у нас дров. Дули чуть не целый день артиллериями.

Кажется, кончается моя первая категория и с ней мое неудачное политорганизаторство. По существу, работа этих злополучных организаторов сводилась к 0, кто не умел брать за шкурки жильцов дома и заставлять их работать, или суметь привить сознание своей ответственности перед страной, родиной. Все высокие материи... а люди измучены, как лошади у плохих хозяев... ни корму, ни отдыха.

Ну вот, таких, не умеющих накачивать, беспартийных политорганизат<оров>, снимают и... не знаю, что за этим и... Знаю, что вместо 900 гр<аммов> сладкого буду получать 500, вместо 800 гр<аммов> масла – 400. Ну, хлеб 500 гр<аммов> мне хватит, остальное все равно мало, и крупа уже не лезет в глотку. Каши... Еще в начале года я писала: «Съесть бы каши, сколько хочешь, хлеба, сколько влезет». Оказывается, когда организм вышел из дистрофии, ему не нужно огромное количество хлеба и каши, ему нужно другое, продукты, очищающие кровь, а их нет, или купить их нельзя. Я чувствую себя сейчас хуже, чем в периоды голода. Вялость, тупость, забывчи-

вость, словом, неладно с мозгом. Живи! Говорю я себе. Коль не умерла в 1941–42. Должна дожидаться Свету.

27/IX <1943 г.>

Сегодня кончилась моя первая категория, справки я не получила. С первого октября перехожу на 2-ую категорию. И страшно, и некоторое удовлетворение, а то это политорганизаторство висело, как дамоклов меч надо мной. Да будет воля Твоя.

– Да. Вы думали когда-нибудь о вступлении в партию?

– Никогда. – Я отвечаю.

– А сейчас?

– И сейчас нет?

– А почему?

– Считаю, что это большая ответственность?

– Да, конечно.

– Все? Можно уйти?

– Да. Пожалуйста и т. д.

4/X <1943 г.>

Да будет воля Твоя! Я с первой категорией. Не знаю, как и почему. Бог помог и Леша. И только нет еще конца страданиям и моим, и общим.

Не вместе мы старость с тобойждали.
Она прилагала ко мне,
Когда звезды на небе дрожали,
И люди метались в огне.
Нет больше мук, как быть живой,
Когда вокруг и смерть и смрад.

13/X <1943 г.>

Пью чай, а может быть, сейчас и чай, и я, и все – труха и мусор. Вот такова сейчас наша жизнь. Грохот, свист, разрывы... А радио наяривает песни.

25 октября <1943 г.>

Вот и еще отмерен год. Снова осень. И скоро вторая годовщина Лешиной смерти. Лешиной смерти! Ни сердце, ни ум мой не хотят с этим примириться. Сегодня мне рассказывала молодая женщина, которая потеряла дочь и мужа – умерли от голода. Как умирал он? – спросила я. – Он плакал как ребенок и все говорил: «Ты подумай, мне

только 30 лет, и я должен умереть». А девочка все просила: «Мама, маленькую корочку дай».

По-моему, нет казни правителям, допустившим подобный мор.

А немцы третий день молчат, ни артобстрелов, ни канонад. Тишина. А что дальше?

27/X <1943 г.>

Сегодня немцы дуют с утра. Снаряды, как конфетти, сыпятся по городу; выхватывают и здесь, и там живое, движимое и недвижимое.

В ночь на сегодня я видела во сне Лешу. Будто он из могилы стал приходить ко мне, и я, провожая его, все упрашивала, чтобы он оформил свое пребывание на земле. Он как-то умалчивал об этом и, прощаясь до следующего дня, говорил, что ему неплохо в могиле. «Холодно, страшно там. Ты скажи, что ты ожил и желаешь жить дома». «Не страшно, нет, вот только, когда я вылезаю из могилы, пугаются даже коршуны». Я вынесла такое заключение, что только ко мне бы Леша пришел с удовольствием, а мир – мир ему противен, в могиле лучше и оформиться в СССР он не хотел бы.

Вот до чего доконали певца свободы и любви к людям.

4 ноября <1943 г.>

День моего ангела. Тяжелый, тяжелый. «И гасит, гасит числа страданий наших – смерть». А. Крайский.⁷⁰ Одна смерть избавит меня от горя, что Леша не со мной, погасит числа моих страданий. Я должна еще долго страдать. Свету нужно поставить на ноги.

5/XI <1943 г.>

Вчера я была в командировке на заводе «Красный Маяк». Иду по заводскому двору, ведет меня девушка показать круглую сталь. И вдруг... «Боже, кого я вижу! Все та же!».

Поднимаю глаза. Он!? Тот, кого я покинула 25 лет <назад>. Покинула? Это слово не подходит, пожалуй. Он был влюблен в меня, я увлечена им, и все. В 1918 году я уехала в Москву с тайной надеждой, что он станет умолять меня не уезжать, он не сделал этого. А когда через некоторое время прислал письмо: «Милая, любимая, помнишь ли, скажи да или нет». Я, оскорбленная долгим его молчанием, написала холодное письмо. И все было кончено. Он не ответил мне. Так кончился роман мой.

И вот вчера по той радости, которой он был охвачен, я поняла, что 25 лет назад он любил вероломную девушку Люлю, а она прошла мимо этого чувства, как много проходила, чтобы полюбить крепкой любовью, большой любовью на 17 лет и до конца моего больного, несчастного Лешу. Тяжелой, ужасной для мужчины болезнью страдал мой дорогой мальчик, страдал еще и за меня, боясь потерять, обожая и любя меня безнадежной, сжигающей его на медленном огне – страстью 17 лет. Зажигаясь, гас мгновенно. «С неизбывной любовью», – он писал. И с неизбывной страстью, добавляю я. И вот эта бесплодная страсть отняла у него и энергию и жизненные соки. Это я поняла, к сожалению, очень поздно. А голод довершил остальное. Он погиб. Да будет светла память о Тебе, мой страдалец.

Зачем судьба меня столкнула с Поляковым? Может быть, наши дети поженились. Как знать, чего не знать?

А немец вчера покروшил в Ленинграде. Ох, как колошматил, пух и перья из огня! Долго ли еще?

26 лет – 7 Ноября, какой силой? Насилием. Террором.

Бумажная Конституция. Все, кроме свободы.

6/XI <1943 г.>

Да. 26 лет. Если царствование Романова было кровавым, то что же сказать про большевиков? Сегодня в 5 ч. передавали по радио: «Взят Киев».⁷¹ Как будто должна быть радость. Нет ее. Почему? Все мертво. Проклятые иезуиты убили, отравили всякую мысль о радости и счастье. И веры нет. Ложь и ложь, все основано на вранье, на втирании очков. Народ – быдло, дурак, а следовательно, сегодня его можно драть, завтра похвалить, а руку он одинаково будет поднимать «за». Женя⁷² видела, как по мосту бежал человек, военный без головы. Снаряды летели вокруг. Таким образом он пробежал метра два и упал. Женя и другие люди видели это из-под ворот дома на набережной Лейтенанта Шмидта. 4-го был большой пожар на Курляндской. Люди спасались, выбегая из горящего здания, но вот одна женщина забыла ребенка грудного. Она бросилась обратно, вытащила его, сильно обгорела (ребенок задохся), а когда узнала, что в огне все погибло и она в одном обгоревшем платье осталась – сошла с ума. Девушка в больнице, у нее ампутировали обе ноги и руки – она еще жива. Зачем она жива?

Чем-то угостит нас коварный наш сосед?

14/XI <1943 г.>

Сосед ничем не угостил. Тишина полная. А юг очищается от немца. Ничего не понимаю. Или на самом деле немцы обессилили, или какой-то подвох? А я, мой Леша, в наш домик с тобой жду другого. Зачем, почему, не знаю сама. Одиночество томит, ежедневные слезы надламывают. И приятно сознание, что кто-то думает о тебе, хочет встречи. Не поздно ли, милая женщина, Маркиза? «Вы сегодня такая маркизистая», – сказала Ф. В. Если бы Леша мог увидеть? Даже не маркизу, а печальную, заплаканную свою Лилю?

19/XI <1943 г.>

Ах, горько мне. Сколько слез, безнадежности и тоски. Милая моя Света, суждено ли нам увидеться? Будет взрослая, будет у нее «он», а я останусь все-таки одна со своим неизбывным горем. Но все-таки она нужна мне – она моя цель в жизни, мой стимул. Какой ужас. Я разучилась излагать свои мысли, я отупела. Я вся в прошлом, в воспоминаниях. Леша, и только он. Все он. После долгого затишья обстрел в течение 5–6 часов. К Жене попал снаряд в комнату. Боже, избавь от этого ужаса.

Говорят, в Ленинграде погибло от голода три миллиона.⁷³ А войну унесла?

«Любит, любит кровушку русская земля».⁷⁴

22/XI <1943 г.>

Ордена славы? Бросьте в помойку. Главнокомандующий на фронте? Он даже в уборную идет с двумя охранниками. Что это? Кто это говорит, враг? Нет, работница другой работнице в столовой. Душу вынули и кровь выпили. Но ведь война? Что война, везде война. Поди-ка навоюем с сосунами, обучают мальцев, сердце разрывается. Немец хлопнет, и не стало. Не война, а истребление. Так ведь немца-то прогнать надо? Не пускать надо было. Мир надо, сил нету больше.

22/XI <1943 г.>

А немец сегодня угощал нас. Ух, как угощал, из таких тяжелых орудий, что колыхалось наше ЛКИ з<аво>да Марти. Мы с Катюшей бежали по двору, во время затишья, из столовой. Как грохнет адская хлопушка, как посыпятся осколки... мы вправо, мы влево, как крысы в капкане. Вбежали в здание и дух вон, я думала, и по лестнице не поднимусь. Дыхательная машинка совсем остановилась.

29 <ноября 1943 г.>

Тишина в городе. На сердце тоска. Леша в могиле. Я одна. Света не со мной. И нет конца мукам ожидания конца войны. Вчера или позавчера англичане и американцы громили с воздуха Берлин.⁷⁵ Ну и что? Будто есть улицы – цент<ральная> Фридрихштрассе и др., уничтожен<ные> до основания. Не верю. Какой-то «Барон Мюнхаузен», корреспондент. Какие-то идиотики верят. Как плохо жить с умом скептика.

1 декабря <1943 г.>

Близится, близится роковой день 11 декабря. Сейчас для меня Леша все еще живой, после 11 он уже мертвый. Тоска и тоска, и тишина на фронте. Впрочем, сегодня был обстрел центра, мы не слышали, говорят, не шли трамваи.

Сегодня мне рассказали анекдот как факт, но он характерен для нашего времени. Девушка познакомилась в кино с мужчиной, конечно, военным, пошли вместе. Прощаются. Она приглашает зайти к ней, выпить какао. Выпили какао. Разговорились. У нее муж на фронте, ребенок эвакуирован. У него жена эвакуирована. Собирается уходить. Время уже одиннадцатый час. «Куда же Вы пойдете, оставайтесь у меня. У Вас? Но где же я лягу? У Вас одна кровать? Ничего, мы ляжем вместе. Ну хорошо, раздевайтесь, я отойду». А когда женщина была в постели, он подошел, откинул одеяло и отхлестал ее ремнем. И сказав: «Довольно с Вас», ушел. Вот и все.

Это о женщине. А по-моему, нужно говорить о девушках. Распушенность отвратительна во всем и во всех, но женщина, может быть, иногда и не может подчинить себе свои желания, а девушка обязана быть сдержанной и строгой, в этом ее красота и сила. А именно девушки распущены до невероятности.

У Ф. В. приехала Люся с мужем, приятель лейтенант и девушка военная. Сидели все за столом, между этим военным и девушкой как будто нет никакого общения, он на нее не обращает внимания. А когда настало время идти на отдых, т. е. спать, Ф. В. спрашивает Люсю: «Это что, пара или нет, как их укладывать?». Люся пошла к мужу и пришла, коротко сказав: «Вместе». Мы с Ф. В. переглянулись. Ах, девушки, девушки. ППЖ. Одно удивление, без доли уважения.

5/XII <1943 г.>

День Сталинской Конституции! Боже мой, неужели все идиоты? Кому и что дала эта пресловутая Конституция. Не было рабства гор-

ше, бесправия и произвола под именем свободы. Политик я плохой, вернее совсем никакой, но я вижу, и глаза мои меня не обманывают, а жизнь за 26 лет показала, что получила я и мой муж, воспевавший эту свободу. Мы, стоявшие в привилегированном положении, все-таки член Союза советских писателей. И зарабатывал Алеша неплохо. А что мы видели? Вечная погоня за чем-нибудь, то денег нет, достанет денег, нет того, что тебе нужно. Смешно сказать. Член Союза писателей не имел костюма приличного и не мог его сделать оттого, что был честен, не умел халтурить, обманывать и подлизываться. А деньги нужны были на все огромные. И так пролетели 17 лет в заботах, в тревогах, в недостатках. Проклятая эпоха. А потом черный неопиcуемый ужас. Вчера на заводском дворе я разговорилась с женщиной, она проработала на «Марти» 25 лет. А когда голод лишил ее сознания, ее бросили в морг, на нашу Канонерку.⁷⁶ Она очнулась под трупами. «Я не из робких и вылезла из-под мертвецов, кое-как доползла до дома. Кое к кому зашла из прежних приятелей, но никому не было до меня дела, и я ушла к себе. 125 грам<мов> хлеба и ничего больше. Я нашла дохлую крысу на дворе. Решила ее съесть, быть может, умру. Пробовала веревку, нет, не могу... И съела крысу, очистила, сварила ее... И так я четырех крыс сварила. И вот видите, жива и до сих пор. Я только хочу сказать, революции или хозяину нужны здоровые и сильные, а когда ты болен, ты никому не нужен. Вот и теперь я болтаюсь по двору, по черной работе, а была машинистом».

Морщинистая женщина, старая и больная, отошла и уныло пошла по двору.

Была в больнице у Лидии. Сколько там раненых от обстрелов – полна больница. Я совсем разучилась писать. Какие-то тяжелые, дубовые фразы и мысли нет.

Тоска. Тоска. И писем нет от Светы. И немец дует по Ленинграду и нет конца. Вербки тоже не хочу и не имею права.

7/XII <1943 г.>

В больнице лежит девушка, и вот что она рассказала: «Моя старшая сестра кормила ребенка, я и мама приготавливали чай. Мама вошла на кухню. Был обстрел, совсем близко, но мы уже привыкли и не боялись. И вдруг... я только помню крик мамин и больше ничего не помню, меня что-то странно ударило в грудь. Потом я помню опять крик мамы: ой ручку, ручку оторвало. Потом я узнала, это нашему Володе,

ему 4 месяца, оторвало кисть руки. Он жив... а сестра... она, наверно, умрет, ей сильно ранило грудь».

Я уже знаю, что эта женщина – мать 19 лет – умерла, молодой муж приехал с фронта на... похороны. Он плакал, как ребенок, и хороша была убитая в гробу.

10/XII <1943 г.>

Сегодня в три часа ночи 2 года назад мой Леша последний раз улыбнулся своей кривой улыбочкой. Это было в три часа утра на 11 декабря. И я не страдала, не плакала. Страдаю и плачу теперь. Отдала бы все в жизни, чтобы еще хоть раз увидеть дорогую улыбку, светлых лучистых глаз его ласковый взгляд «неизбывной» любви. Увижу. Когда буду умирать. Леша будет звать меня, и я радостно пойду навстречу ему. Живи, мой любимый, и жди меня.

Тоскую и сегодня не плачу. Где девочка, отчего от нее нет писем с 20/XI?

16/XII <1943 г.>

Если б знали мертвые, как грустят живые? Нет минуты, чтобы я не вспомнила Лешу. Он всегда со мной и во мне.

Наши генералы в расписных мундирах подписывают договоры, устраивают обеды в честь иностранных гостей⁷⁷ и, вероятно, соя не украшала их стола, или немыслимая коврижка, какой угощают нас, рабов своих. Боже мой, Боже! Худшего рабства не видел мир. И везде все Он,⁷⁸ великий, единый и мудрый. Немцы мудро нас колотят, а мы все ждем и верим в победу.

О разнузданности женщин:

Ленинградская блокада,
До чего ты довела,
Девяностолетняя старушка
Капитана завела.

Еще:

Стук, стук. Кто там? Крупа.
Я не так глупа.
Стук, стук. Кто там? Хлеб.
Дома нет.
Стук, стук. Кто там? Песок.
Зайди на часок.
Стук, стук. Кто там? Консервы и масло.
Я на все согласна.

23/XII <1943 г.>

Вчера был день тяжелый, незабываемый день, Лешины похороны. Милый, милый, Твой гроб прискакивал по ступенькам лестницы, ибо не было сил нести его, мы волокли его. И я, холодная и мрачная, даже не сказала тебе последнее «прости». Как я теперь страдаю, как терзаюсь, и слезы каждый день льются из моих глаз, но не вернуть Лешу... Дальше старость одинокая... У Светы будет свой Леша, и любовь ко мне будет только любовью привычной, обыденной, незаметной. Дай Бог, если я останусь той же «не горячей» матерью. А если...

Опять масса жертв, снаряд попал в трамвай № 7... Каша из людей и крови.⁷⁹

29/XII <1943 г.>

Ночь была ужасная. Проснулась я от звука страшного, знакомого, когда после громового удара рассыпается дом. От волн пролетевшего над домом снаряда задрожали, задрожали остатки стекол, и я на кровати колыхнулась, как на палубе. В эту же ночь снаряд попал на «Марти» в цех, убил охранницу, утром ее нашли на льду канала мертвой. Утром сегодня пока еще не объявляли обстрела, и радио горлопанило песни. Снаряд большой разрушительной силы попал в компрессорный цех, несколько человек ранило, убило девушку, от бедняжки остались только ноги, голова, расплюснутая, висела на каком-то изломанном станке... За минуту сплюснутая девушка говорила: «Наши Вашим посылают, Ваши нашим отдают...», и это был ее последний смех...

Комья крови и одежды, туфель, скинутый с ноги, и пальцы белые еще говорящей о жизни недавней... Прах и тлен. И Леша мой тоже. Боже, Боже, пощади и спаси меня для Светы.

Как-то сегодня, наш враг и завоеватель, будешь ты крошить наши жизни, как яичные скорлупки?

8 января 1944 г.

Вот и новый год, что он даст нам. Новые страдания и новые уничтожения?

Сегодня 16 лет моей Светлане. Бедная девочка, третье рождение без семьи и родного дома. Когда же конец нашим мукам? Пускай придет, пусть, что будет. Умрем, так тоже вместе. Если придет Идочка, не хочу я, чтобы Света там оставалась одна. Надо действовать, но как?

18/I <1944 г.>

Эти дни стоит жуткая, несмолкаемая канонада! Наши наступают, как мне кажется, безуспешно, немцы пока молчат, изредка обстреливая.

Говорят, кто не знаю, Гитлер сказал: «в этой войне не будет победителей и побежденных, будут истребленные и оставшиеся в живых».⁸⁰

Лозунг наших женщин:

Не отдадим эвакуированным женам
В блокаде завоеванных мужей.

21 <января 1944 г.>

Ну, что ж, победы и на Ленинградском фронте!⁸¹ Мой скептический ум не может не согласиться. И все-таки душа моя упрямо молчит. Или личная мука все заслонила. Всю радость съела, всю веру выжгла, как испепелен наш милый Петергоф... Дворец, фонтаны, Самсон... Ничего больше – развалины. Свои или немцы, не все ли равно. Так и моя душа... Все пусто. Свои или немцы. Не все ли равно.

Я читаю о злодеяниях немцев и не верю в эти злодеяния. Почему? Оттого ли, что слишком много было собственных злодеяний, чтобы удивляться немецким. А ведь всплывут когда-нибудь и пытки, и муки миллионов замученных только потому, что хотели мыслить по-иному, а жили и работали как все. А убивали их за что в 38 и 39 году?

28 января <1944 г.>

Блокада Ленинграда прорвана, последние жертвы артобстрелов долечиваются в больницах, немец отступает. Ликование Ленинградцев.⁸² Наши идут вперед... на Берлин... А страшные раны Ленинграда некому лечить. Много, много лет <надо>, чтобы был он прежним стройным красавцем Петроградом. Улицы главные уже носят старые названия. Вероятно, и город Петра будет снова Петроградом.

Помнишь, Леша? «По привычке – все еще „на Невском“, а пора бы – „на проспекте Октября“...».⁸³ Пора эта была 26 лет, а теперь что бы ты писал? Милый, милый, Ты избавлен от многих, многих страданий. Мир твоей душе, страдалец мой.

Свету домой хочу.

6/II <1944 г.>

Всей нежности не передать, всей муки не рассказать к нему, о нем, о Леше моем дорогом... Леша, Леша... мужа, мальчишка.

Боже, Боже. Что же делать мне? Любить Свету и быть ей нужной и полезной.

Не угрожают больше снаряды, не летят бомбы, и тем тяжелее моей душе, и мир не для меня.

13/II <1944 г.>

Все двадцать шесть лет без насилия ни на шаг. Леша рассказывал, как их, заслуженных, приглашают вступить в партию.⁸⁴ Это уже не первый раз, а они все медлят. Решили сразу. Директор⁸⁵ приглашает: Казико,⁸⁶ Никритину,⁸⁷ Грановскую,⁸⁸ Богдановского,⁸⁹ Ларикова,⁹⁰ Софронова⁹¹ и др. к себе в кабинет. К Казико: «Вот Вы – имярек, заслуженная артистка, правительство Вас оценило и в дальнейшем оценит, партия Вам доверяет (Кака така партия?)». Боже спаси, это не Казико сказала, это я говорю. Такие же Пети, Вани, Миши, Гриши, только ловкачи. Вот и партия. Одни уничтожили других, а та ведь тоже была партия. Ну, так вот.

Казико с милой улыбкой заявляет: «Я так много плакала, но если партия считает, что я нужна там, что могу приносить пользу, я могу подать заявление о вступлении в члены партии».

Никритина: «Нет-нет, я человек неорганизованный».

Богдановский: «Я благодарю за оказанную мне честь, я уже говорил по этому поводу. Если я сейчас вступлю в партию, невольно напрашивается вопрос, а почему же до сих пор не вступал в... – Да бросьте, А<лексей> А<лександрович>, никто Вас не будет спрашивать. – Ну положим, а вот подчиняться распоряжениям партии я должен беспрекословно? А потом, мне не позволяют мои религиозные убеждения». Точка.

Грановская: «Что Вы, товарищи. Куда мне в партию в мои годы, а потом вот (указывая на Богдановского) я, как и А<лексей> А<лександрович>, верю в Бога. Если вы мне позволите панихидки служить по моим мужьям, в церковь ходить...». Точка.

Софронов запричитал: «Да куда мне, да я больной, я старый, нет-нет, увольте пожалуйста, и т. д.».

А какой-то Лёва Рабинович желает вступить, его не берут. Слишком много Рабиновичей в партии большевиков.

28/III <1944 г.>

Куда уйти, где грусть схоронить, где слезы осушить? На милом плече своей дочери. Ибо друзей нет у меня. Идочка? Боюсь, что жизнь ее завертит, личные переживания очерствят. Я же ее искренне люблю, и любила всегда. Хочу от всей души иметь близкого родного и друга в лице Светланы. Дай Боже быть мне тем, чем надо для нее. Не срываться. Характер у меня нетерпимый, кажется, и у нее такой. И если она будет любить меня, все будет хорошо. Я для нее отдам все, что есть во мне хорошего.

Все идем вперед. Только у Нарвы⁹² что-то встали, и жертв, жертв. Крови и мук.

Май 1944

Заполнить день, чтоб не
вгрызалась в сердце мне
тоска ежовая когтями
черными.

Вот он, сонет. Народ Коммуны – с глубоким соболезнованием. Давно ли пачками ссылали священников как врагов народа. Воинствующие безбожники, насмешки и издевательства, уничтожение церквей, склады в храмах, а теперь, видите ли, немцы издеваются над святынями русских. О, иезуиты! О, подлая власть, которая когда-либо жила на свете! Если бы в 1940 году сказали единому, великому и неделимому, что он будет блеснуть звездами, сиять погонами, принимать у себя священников и говорить им вроде того, что власть не преследует верующих и т. д. – Вероятно, тот смельчак был бы замучен в советских застенках, а потом нравственно добит в концлагерях.

Под Нарвой застряли, жестокие бои. Финляндия тоже шлет гостинцы,⁹³ раскаты ухают, дрожат дома, но все это уже не волнует, того ужаса, что мы переживали, больше нет. И мира нет, и веры нет.

3 мая 44 г.

Тоска, тоска и жизнь проклятая.

Вызов Светлане послан. Даже мыслить боюсь, что скоро будем вместе. В нашей иезуитской стране даже мыслить нельзя, как хочешь.

Бесправные, жалкие крепостные. «Да хуже», как сказала одна «коекакерка», так называют людей, которые получают только одну карточку, т. е. первую или вторую категорию. Эта как раз вторую. «Какой же может быть разговор, крепостные в доброе старое

время, конечно, ели лучше первой категории, а я даже того хуже – я вторая».

Сегодня я была возмущена до глубины. Есть такая поговорка: «Каждый черт – Иван Иванович». Так вот, каждый над нами Иван Иванович. Надо работать по двенадцать часов – не выпускают из завода. Подошел к воротам, предъявил пропуск, а черт, в виде кабинщицы, говорит: «Не велено, идите обратно, до семи работаете и т. д.». А попробуй возмутиться... Тебе могут приписать все, вплоть до измены родине. Какое проклятие над страной 26 лет. Все кувырком, все отвратительно. Газеты полны хвастливого бахвальства и вранья, тошно читать. То, что делают немцы, отвратительно, то же самое делаем мы – и это геройство, доблесть и всякая ...лесь. Немцы, видите ли, возьмат наших женщин в... скотских вагонах, а наши женщины, рабочие в особенности, хуже всякого скота.

Характерно. К директору нашего з<авод>а приходит женщина, служащая, к тому же она пенсионерка, и просит ее уволить с работы, т<ак> к<ак> у нее дочь родила ребенка, муж которой погиб на фронте. Ребенок слабый и в ясли отдавать его опасно, а месяц, положенный после родов, истекает, и дочь ее должна выйти на работу. К тому же дочь от волнений захворала грудницей. Что же ответил директор, коммунист, а ведь они по завету своего вождя и отца проявляют заботу о человеке... Наша страна... наша родина... наши люди и т. д.

Так он ответил:

«Плевать я хотел на Вас и на Вашего ребенка, мне нужно выполнить программу». Достойный ответ сына великого вождя.

Наконец свершилось 10/VI 44 г. Я больше не одинока. Светлана со мной, дай Бог, чтобы она оправдала все мои чаяния и ожидания. Девочка хорошая, умная, способная – увы, нервная, это наследие родителей. Как порадовался бы отец, как можно бы было быть счастливыми хоть капельку в этом аде головокружительных успехов, великих стратегов, идолопоклонства, орденоносного дождя и бурного самохвальства. Одну каплю счастья личного в своей ячейке без навязчивого «родина», «должен», «все силы», «сверх силы». Работа вола и питание таракана. Бедные таракашки, Вас тоже и жалеют так же, шпарят речами, кормят бурой или бурдой, а Вы все ползете и ползете, безмолвные, целой стеной, а если велят – закричите, придают – не пикнете.

Ты же русская, радуйся победам, все вокруг говорит об этом! А ты что? Сжала горько сердце в комок, закрыла наглухо его и не

ждешь от этих побед ни радости, ни счастья. Ты никогда не попадешь в эту кучку избранных, ты серая масса, а эта масса будет жить тяжело, надсадно, безденежно и безнадежно. «В нашей стране, солнечное счастье, отец заботится обо всех. Только у нас и т. д. и т. п.»

Леша, Леша! Мир твоей памяти, любимый, сократил свои страдания, не видел этой лжи и фальши.

30/VI <1944 г.>

Комичное государство! Только бы урвать, урезать у трудящихся... проклятые иезуиты. Вчера Света получила иждивенческую карточку, имея справку, что удовлетворена продовольствием по 16 июня, а ей дали: 10 грам<мов> масла (шпик), 50 гр<аммов> мяса (20 гр<аммов> яичного порошку), 60 гр<аммов> крупы и 50 гр<аммов> конфет. Кошачий паек. Голодная моя кошка-Светка похудела на моих хлебах и на государственном иждивении.

Вчера я говорила с приехавшей из подсобного хозяйства:

«Я была в концлагерях, условия жуткие, ели как свиньи, грязно, но не обильно, спали хуже их, а бригадиры нас вежливо величали „Леди“, только с буквой „б“. Работали по 12 часов... ну словом, как-то, а русская или немецкая, не все ли равно».

20/VIII <1944 г.>

Ордена, ордена, медали – целый дождь орденов. Мать-героиня, Материнская слава, Медаль материнства!⁹⁴ Боже, какая чушь! Отчего же нет ордена лучшему производителю?⁹⁵

4/XI <1944 г.>

Сегодня мой праздник. Три года назад еще Леша был жив, сидел на кровати и не думал умирать. Записал: «Было шумно, Лиля ушла потом мне за белой булкой».

И вот прошло три года. И из ясной Лили стала седая пожилая женщина со следами былой красоты. Все, все съели война и голод. А сейчас что я имею. Так, грамоты пустые, и ничего полезного.

Оттого ум тупеет, ни мыслей, ни слов. Иногда мне просто тяжело говорить. Мучает меня это сознание пустоты во мне, мучает и убивает.

7 ноября 1944 г.

27 лет насилия человека над человеком, лжи, хвастовства и т. д. Это 27 лет советской власти. Сегодня я проклиная ее мучительно.

4 часа я простояла в очереди, чтобы получить 400 гр<аммов> капусты, 200 гр<аммов> сырковой массы (на школьника) и 200 гр<аммов> паршивого гнилого урюка, да еще по 10 гр<аммов> лаврового листа и перца.

Увенчали лаврами. О, проклятие! Когда конец будет. От Бога или от дьявола пришла эта власть и поработила людей, обезличила, обволокла жутким страхом. Запугивания, суды, репрессии и тюрьмы...

Перо не в силах, ум без топлива. Точка.

11/XII 1944 г.

Третья годовщина. Память о тебе, мой Леша, жива, ярка и мучительна. Ненависть, бессилие, да и сама я бессильна. Нет, не могу писать, нет слов. Все выпила и съела «любимая родина». «У пролетариата нет отечества», – когда-то вопили большевики. А теперь, как каторжника к тачке, приковали к этой родине. Нацепили на плечи погоны, сделали генералов, повесили бляшек, сиречь – орденов, и толкуют о каком-то социализме в нашей великой стране с мудрым отцом и глупым дедом. Характерно, для генералов есть приказ по армии. Генералам вступать в брак с женщиной, имеющей не ниже среднего образования. Приходят в Загс регистрировать брак Генерал и девушка. Оказывается, она закончила только три класса. Регистрировать ее нельзя. Генерал смущен, сокрушенно смотрит на свою невесту и наконец говорит: «Ну что же теперича мы будем делать с тобой, Маруха».

Комментарии излишни.

1945 год

Мне хочется оставить страницу пустой, ибо так пусто в душе, так бесцельна жизнь. Еда – вот цель. Где? Как? Что? Сколько? А в кармане столько, что сколько? – никак не получается.

Сегодня Рождество, завтра день рождения Светланы. Я больна. Снова дистрофия, сердце и т. д. Что можно ждать в этой проклятой стране, кроме голода, холода и зверской работы.

13/I <1945 г.>

Сегодня по-старому канун Нового года. Точка. Я тупо гляжу на пустой лист бумаги.

«Проклятая». Сегодня опять слезы. Ненависть, как шар, надуется, прорвется, снова надуется. «Мама, ты рассуждаешь, как Базаров, хи-

мик нужнее, чем поэт».⁹⁶ Совершенно верно. Советская власть это блестяще доказала, только не на химике. «Ну, что ты, мама?».

В 41 году хлебобрезка могла воровать хлеб, менять его на ценные вещи, и получала первую категорию, а твой отец? Член Союза советских писателей – карточку служащего, а до этого – иждивенца. Это ли не блестящее доказательство ненужности поэзии в частности, и литературы вообще.

16/ III 45

Меня опять постигло несчастье, сломала руку вчера, направляясь на работу.

Так хорошо наши дворники чистят тротуары.

Вчера прочитала в газете сообщение об увековечении памяти Шишкова,⁹⁷ так больно, больно стало. Никто, никто не вспомнит Лешу. А я больше чем уверена, что Леша переживет Шишкова.

Тоска, тоска, до чего устала я, до чего все надоело. Все же постепенно СССР очищен от немцев, даже больше, наши подходят к Берлину, а в тылу все хуже и хуже. Четыре года один хлеб, а год и без хлеба, ни масла, ни сахару, ни всего того, что очищает кровь. Транспорт хромает, угля нет, нужных материалов нет... Все выполняем, перевыполняем на бумаге.

Если бы не Америка, давно бы все подошли с голоду. И сейчас кучка живет, пайки и т. д., огромная масса голодает... разве это питание, то, что едим мы.

Боже мой, я перестала уметь излагать свои мысли, вот они, каши и каши, сушат мозг, отнимают руку.

28/ III <1945 г.>

Новое несчастье свалилось на меня. Отняли комнату. Не сумела я закрепить ее за Павлом.⁹⁸ Теперь будем жить в коммунальной квартире. Еще раз убедилась, какое великое действие – блат. А я со своей прямотой села в лужу. Прокурор защитит? А прокурор так же втер очки, как и жилотдел. А какая поражающая грубость, только прокурор говорила по-человечески. «Возьмем», «отнимем», «милиция» и всякие угрозы.

Перед тем, как лишиться мне комнаты, видела Лешу во сне. Живого, моего Лешу, я так обрадовалась, так его обнимала, а он улыбался, но никак не реагировал на мой буйный восторг. Тогда я в отчаянии спрашиваю его: «Что с тобой, ты не любишь меня больше». Он так ласково ответил: «Нет, я так, всему виной дистрофия».

Я хочу пожаловаться на то, что у меня отнимают комнату. Только заикнулась и... проснулась.

В каком я была горе, что так мало его видела во сне.

Неизбывное горе, слез море, сегодня голова и ум ослабленный. Вот что оставила мне война.

22 июля <1945 г.>

2 мая был взят Берлин, 9-го подписана капитуляция Германии. А записываю это радостное событие только 22 июля. Почему нет радости? Ничего, ровно ничего не изменилось в нашей жизни, тот же голод «винтиков», за которых поднимал бокал и пил Сталин, «наш отец», на банкете: «Черт возьми, мы без этих винтиков ничто, мы маршалы»...⁹⁹ а эти винтики работают по 8–12 часов, получая гроши, едят всякие отбросы и даже на отбросы не хватает скудных заработков; всякими комбинациями, всяким жульничеством занят малый народ, прославляя «отца родного». Только ловкач, жулик, поднявшийся на ступеньки власти, только тот живет в нашей стране. Говорят американцы: «Мы работаем для того, чтобы жить и иметь все необходимое, в России живут для того, чтобы работать и не иметь даже необходимого». Терпелив русский народ – раб. Даже «папа»¹⁰⁰ признал это: «Другие бы сказали своему правительству: довольно, вы не оправдали наших надежд, уходите, а наш терпеливый русский народ терпел и ждал, и вот дождался, враг разбит на его же территории».¹⁰¹

Все это прекрасно, прекрасно, но от этого не легче, не легче, не легче...

До чего противно жить; задавленный, затперканный, измученный человек. Ты не можешь по своей воле переменить работу, комнату, словом, раб стопроцентный.

Моя зарплата 600 рубл<ей>, вычеты 180 р<ублей>, следовательно, 420, раздели их пополам – 210 руб. за две недели. Иду на рынок, покупаю 1 килограмм<ам> картошки – 20 руб.

100 гр<аммов> масла – 30 руб., в особторге дороже

100 гр<аммов> песку – 20

100 гр<аммов> луку – 10

200 гр<аммов> мяса – 50 руб., этого не покупаем
щавельн<ый> корень – 10

булки 500 гр<аммов> – 25, этого не покупаем

молоко ½ лит<ра> – 15

180 руб.

Съедаем со Светланой в два дня, потому что недосыта, и экономим, а надо еще платить за квартиру 60 руб., и все прочее. И что же получается, арифметика простая: голодный паек, а перечисленное лакомство только, когда продам что-нибудь я – книги. За что же, собственно, мы работаем. Жить и продавать вещи и кое-как питаться...

27 лет этот кошмар какой-то. Правительство – людоеды. Отраслили себе морды, затылки, брюхи, а когда-то орали за народ... О, да никогда они не орали. Те, кто орал, уже в сырой земле.

¹ См. примеч. 79 к дневнику А. П. Крайского.

² См. примеч. 130 к дневнику А. П. Крайского.

³ Имеется в виду Ида Михайловна Купер. См. о ней примеч. 62 к дневнику Крайского.

⁴ Решением Ленгорисполкома от 11 апр. 1942 г. первые пять маршрутов трамваев (№ 3, 7, 9, 10, 12) были пущены 15 апр. 1942 г. (Ленинградская правда. 1942. 12 апр. № 86. С. 2); на линию вышли 116 трамвайных поездов (Там же. 15 апр. № 88. С. 2). «В этот день торжественно, с красными флагами, лозунгами, плакатами, под восторженные лозунги ленинградцев, двинулись из своих парков красно-желтые вагоны первых пяти маршрутов, – записал в дневнике писатель П. Н. Лукницкий. – <...> Какое это было торжество! С какой невыразимой гордостью рассказывают мне о нем все, без исключения все беседующие со мной ленинградцы!..» (*Лукницкий П. Н.* Ленинград действует... Кн. 1. С. 649).

⁵ Очевидно, имеется в виду Сталин.

⁶ Статистические данные и информация о конкретных случаях убийства людей и воровства трупов в моргах и на кладбищах для употребления в пищу приведены, в частности, в секретных сообщениях начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина. В одном из сообщений в марте 1942 г. указано число арестованных «за употребление в пищу человеческого мяса» – 1025 человек; в ноябре 1941 г. – 4 человека, в декабре – 43 человека, в январе 1942 г. – 366 человек, в феврале – 612 человек; за каннибализм расстреляно 396 человек, осуждено на 10 лет лишения свободы 86 человек (*Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада (Документы, приложения). СПб., 2004. Кн. 2. С. 301–302).

⁷ Жена брата А. П. Крайского.

⁸ Речь идет о решении Ленгорисполкома от 21 мая 1942 г. «О борьбе со спекулятивным обменом продовольственных товаров», предписывающем привлечение лиц, занимающихся обменом, к уголовной ответственности. Предусматривалось наказание в виде лишения свободы на 5 лет с конфискацией имущества (Ленинградская правда. 1942. 22 мая. № 120. С. 2).

⁹ Весной 1942 г. в блокированном Ленинграде, заваленном снегом, нечистотами, трупами, возникла угроза распространения инфекционных заболеваний. Первые воскресники по уборке города состоялись 8 и 15 марта (Ленинградская правда. 1942. 10 марта. № 57. С. 2; 17 марта. № 63. С. 2). Решением Ленгорисполкома от 25 марта 1942 г. население города (мужчины в возрасте от 15 до 60 лет, женщины – от 15 до

55 лет) с 27 марта по 8 апр. было мобилизовано на очистку города. Рабочие и служащие действующих предприятий должны были заниматься очисткой города по 4 часа в день, рабочие и служащие так называемых законсервированных предприятий и иждивенцы, к числу которых относилось большинство населения, – по 8 часов ежедневно, домохозяйки и учащиеся – по 6 часов. За уклонение от этих работ предусматривалась ответственность по законам военного времени (Там же. 26 марта. № 71. С. 1). В следующих номерах «Ленинградской правды» помещена информация о лицах, уклонившихся от трудовой повинности, оштрафованных на сумму от 200 до 1000 руб., лишенных свободы на разные сроки, привлеченных к уголовной ответственности: «На две недели лишения свободы осуждена А. Г. Бойцова (Лермонтовский пр., 17). Получив повестку, она не вышла на работу и укрывалась у сестры в другом районе. <...> На шесть месяцев лишения свободы осуждена В. Е. Соколова (Фонтанка, 133). Отказавшись получить повестку и выйти на работу, она пошла на рынок» (Там же. 29 марта. № 74. С. 2). См. также заметку «За отказ от участия в работах по очистке города – лишение свободы» (Там же. 31 марта. № 76. С. 2). 7 апр. Ленгорисполком продлил мобилизацию на очистку города до 15 апр. (Там же. 8 апр. № 82. С. 1). В результате проведенных мероприятий удалось предотвратить массовые эпидемии. Решением Ленгорисполкома от 16 апр. «всем гражданам, принявшим участие в работе по очистке города» (свыше 300 тыс. человек ежедневно), объявлена благодарность (Там же. 17 апр. № 90. С. 1).

¹⁰ Цитата из романа «Я помню вечер» (1905) на слова и музыку Я. Пригожего (1840–1920): «Свидетель жизни неудачной, / Ты ненавистна мне, луна, / Так не гляди в мой терем мрачный, / В решетку узкого окна». Вероятно, является переложением стихотворения Д. Д. Минаева «Лунная ночь» (1866): «Свидетель жизни неудачной, / Мне ненавистна ты, луна!.. / Так не смотри в мой угол мрачный / Сквозь раму тусклого окна».

¹¹ *Невдубстрой* – г. Кировск (с 1953) в Ленинградской области. Вблизи Невдубстроя, напротив Невской Дубровки, на знаменитом «невском пятачке», с конца августа 1941 г. и до прорыва блокады в январе 1943 г. шли ожесточенные бои за Ленинград.

¹² Очевидно, имеется в виду отдел кадров Автобазы.

¹³ Группы самозащиты при жилых домах первоначально формировались на добровольных началах. 23 мая 1942 г., в связи с резким сокращением населения Ленинграда, Ленгорисполком утвердил новое положение, предусматривавшее обязательное участие в них населения в возрасте от 16 до 50 лет. В передовице «Укрепить группы самозащиты МПВО в домохозяйствах», опубликованной в «Ленинградской правде» 27 мая 1942 г. (№ 124. С. 1), говорилось: «Дело чести, святой долг каждого бойца группы самозащиты МПВО – отлично овладеть всей суммой необходимых знаний. <...> Каждый дом, каждый квартал, каждая улица нашего города должны быть готовы отразить любое нападение врага с воздуха». В июле 1943 г. формирования МПВО вошли в состав кадровой Красной Армии. См. также примеч. 32 к вступ. ст., примеч. 23, 24, 40 к дневнику Е. П. Крайской.

¹⁴ Массовый призыв женщин в возрасте от 19 до 30 лет на военную службу начался весной 1942 г. Первое постановление ГКО от 25 марта 1942 г. предусматривало мобилизацию в части ПВО (телефонисты, радисты, зенитчицы и т. д.); следующее, от 13 апр. 1942 г., – в войска связи фронтовых, армейских и запасных частей, в основном во вспомогательные службы; постановление от 18 апр. 1942 г. – в войсковые части и учреждения военно-воздушных сил; постановление от 5 мая 1942 г. – в части Военно-Морского Флота, в основном в береговые службы.

¹⁵ Договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был заключен 26 мая 1942 г. в Лондоне (Правда. 1942. 12 июня. № 163. С. 1). 11 июня СССР и США подписали в Вашингтоне соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» (Там же. 13 июня. № 164. С. 1). На обеих встречах обсуждался вопрос об открытии второго фронта, и, как отмечалось в англо-советском и советско-американском коммюнике, «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.» (Там же. 12 июня. № 163. С. 1). В действительности второй фронт был открыт лишь в начале июня 1944 г. См. также примеч. 33 к дневнику А. П. Крайского.

¹⁶ Такие слухи зафиксированы и в секретной справке начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина от 25 апр. 1942 г.: «Распространяются также слухи о том, что, якобы, Англия и Америка предложили Ленинград передать им в аренду на несколько лет. Служащая ОТК Кировского завода, Захарова: „...Между Америкой, Англией и Советским Союзом ведутся переговоры о сдаче Ленинграда в аренду Америке и Англии на 25 лет. Руководители советского правительства согласны сдать на 10 лет. Дураки будут американцы и англичане, если они не согласятся на этот срок. Ведь за 10 лет можно многое сделать“» (Ломажин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 370).

¹⁷ Ленинградское отделение Союза советских писателей.

¹⁸ О П. С. Попкове см. примеч. 40 к дневнику А. П. Крайского.

¹⁹ Имеется в виду роман «В тылу».

²⁰ См. примеч. 60, 70 к дневнику А. П. Крайского.

²¹ См. примеч. 71, 128 к дневнику А. П. Крайского.

²² Так в блокадном Ленинграде называли детские сады.

²³ В этот день в «Ленинградской правде» был опубликован приказ начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина от 26 авг. 1942 г., согласно которому все трудоспособное население города в возрасте от 14 до 60 лет приписывалось к группам самозащиты домохозяйств и обязывалось участвовать в защите города от пожаров и последствий артоналетов. На эти группы возлагалась полная «ответственность за противовоздушную и противопожарную охрану домохозяйств и за ликвидацию очагов поражения» (Ленинградская правда. 1942. 27 авг. № 203. С. 2). Сохранилось мобилизационное предписание Е. П. Крайской от 23 авг. 1942 г. явиться на службу «по защите Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (школ, музеев и пр.)», подписанное военным комиссаром Октябрьского района Ленинграда (РО ИРЛИ, ф. 837, № 186, л. 4). См. также примеч. 13.

²⁴ По постановлению Пленума Верховного суда СССР «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» от 26 июня 1941 г. за невыполнение требований и мероприятий МПВО вводилась уголовная ответственность по законам военного времени. Согласно приказу начальника МПВО Ленинграда Е. С. Лагуткина, начальника штаба МПВО В. Р. Трегубова, военного комиссара штаба МВПО А. С. Чепурина от 21 мая 1942 г. за нарушение установленного порядка во время воздушных налетов взимался штраф в размере 25 руб., за злостные нарушения – штраф до 3 тысяч руб. или лишение свободы до 6 месяцев (Ленинградская правда. 1942. 22 мая. № 120. С. 2).

²⁵ Решением Ленгорисполкома от 25 авг. 1942 г. все население города (мужчины от 16 до 55 лет, женщины от 16 до 45 лет) с 1 сент. по 1 окт. было мобилизо-

вано на месячник заготовки дров. Каждый работающий должен был заготовить не менее четырех кубометров дров: два – для себя, остальное – в общий топливный фонд. Сносу подлежали выделенные Ленгорисполкомом деревянные строения; проживающим в них горожанам обещалось предоставление другого жилья (Ленинградская правда. 1942. 26 авг. № 202. С. 1). Здесь же опубликована передовая «На заготовку дров!», в которой говорилось, что «каждый гражданин обязан **лично** заготовить и запасти на зиму дрова для себя, для своего завода, для школ, для больниц».

²⁶ Немецкие войска заняли Майкоп 9 авг. 1942 г. В сводках Совинформбюро вплоть до середины августа сообщалось о боях в районе Майкопа. Информация о сдаче города появилась в вечернем сообщении Совинформбюро от 16 авг. (Ленинградская правда. 1942. 18 авг. № 195. С. 4); освобожден 29 янв. 1943 г.

²⁷ *Жижмор Макс (Михаил) Яковлевич* (1888–1936) – поэт, драматург. Вместе с А. Крайским участвовал в работе Пролеткульта, Ассоциации пролетарских писателей «Космист», Петроградской/Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, сотрудничал в журн. «Грядущее». В 1922 г. подарил Крайскому свой сборник стихов «Шляпа. Куцопись» (Пб., 1922) с надписью: «...сосны седые знают, что все-таки будет весна». Други и товарищу моему поэту А. Крайскому. М. Я. Жижмор. 29/VII–1922» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 201). Скончался от туберкулеза.

²⁸ Неточная цитата из поэмы А. Крайского «Я или ты». Правильно: «Больно сердцу, больно, / Давят, давят кресты... / Кто из нас разбойник: / Я или ты?» (Накануне. Литературное приложение. Берлин. 1922. 3 сент. № 16. С. 2).

²⁹ Цитируется вечернее сообщение Совинформбюро от 1 сент. 1942 г. о военных действиях под Сталинградом и Краснодаром (Ленинградская правда. 1942. 2 сент. № 208. С. 1).

³⁰ Цитата из поэмы А. Крайского «Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции», повествующей о предприимчивом американце, решившем использовать останки солдат для массового производства костяных изделий: «А газеты... Да мы не французских... / Не английских разроем солдат, / Азиатчину – турок да русских... / Ну, что ж, мистер Ховард? / – Я... рад!» (Л., [1927]. С. 9).

³¹ Имеется в виду 25 лет со дня Октябрьской революции.

³² Возможно, имеется в виду неоднократная отмена выдачи продуктов по карточкам иждивенцев в конце августа 1942 г. В частности, в извещениях отдела торговли Ленгорисполкома о нормах выдачи сливочного масла на 23 авг., пшена и риса с 25 авг. категория иждивенцев не указана (Ленинградская правда. 1942. 22 авг. № 199. С. 2; 25 авг. № 201. С. 4).

³³ Фамилия «Авдеенко» указана ошибочно. Речь идет об *Иване Андреевиче Андреевко* (1904–1987) – заведующем отделом торговли Ленгорисполкома в период блокады. В «Ленинградской правде» печатались подписанные им извещения о нормах выдачи продуктов по категорийным карточкам. «Раз в десять дней с разъяснением норм выдачи продуктов по Ленинградскому радио выступал начальник Управления торговли продовольственными товарами Андриенко (так! – Т. К.). Каждое его выступление, которое с нетерпением ожидали, ничего, кроме разочарования, не приносило. Очередная, как тогда говорили, „симфония Андриенко“ только раздражала голодных людей» (*Синдаловский Н.* От Романова до Романова. Послереволюционная судьба Петербурга в городском фольклоре // Нева. 2012. № 9. С. 131). См. о нем: *Прозорова Н. А.* Инскрипты и маргиналии в архиве О. Ф. Берггольц. Часть 2. Инскрипты на афишах, программах и других носителях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 859–860.

³⁴ *Севастопольская Даша* (наст. имя Дарья Лаврентьевна Михайлова; в замуж. Хворостова; 1836–1892) – первая военная сестра милосердия, героиня обороны Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг. За свой подвиг во время войны была награждена императором Николаем I золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на груди.

³⁵ Имеется в виду роман американского писателя Дж. Дос Пассоса «Манхэттен» (Л., 1930; пер. В. И. Стенича).

³⁶ Вместо инициала имени Сталина – Иосиф – ошибочно указан инициал отца – Виссарионович.

³⁷ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864): «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голод – название ему». Первую строфу Крайский взял эпиграфом к своей поэме «Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции». См. также примеч. 31 к вступ. ст.

³⁸ Ср. с выдержкой из перлострированного письма из Ленинграда, приведенной в спецсообщении начальника НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду П. Н. Кубаткина от 5 сент. 1942 г.: «Хорошо живут те, кто в столовых, в магазинах, на хлебозаводах работают, а нам приходится много времени тратить, чтобы получить мизерное количество пищи. А когда видишь наглость сытого персонала столовой – становится очень тяжело» (*Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 333).

³⁹ Правильно – «Гознак» – Главное управление производством государственных знаков, монет и орденов. Гознак объединял бумажные и печатные фабрики, монетные дворы. Современное название – Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак».

⁴⁰ Возможно, имеются в виду очередные учения групп самозащиты. 13 апр. 1943 г. в «Ленинградской правде» (№ 86. С. 4) была помещена статья М. Григорьева «Быть готовым к противопожарной обороне», в которой говорилось о проведении систематических тренировок населения, укреплении «противохимической дисциплины», запрещении являться на работу без противогазов. См. также примеч. 13, 23, 24.

⁴¹ *Рыжова Майя Ильинична* (род. 1927) – литературовед, переводчица. Специалист по словенской литературе. Работала в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Подруга Светланы Крайской с детских лет. Во время блокады вместе с семьей осталась в Ленинграде. Имя Майи неоднократно упоминается в письмах родителей Светлане в эвакуацию. В начале 1990-х гг. при посредничестве М. И. Рыжовой архив А. Крайского поступил в Пушкинский Дом.

⁴² В этот день, 1 мая 1943 г., «обстрел города начался в 8 часов 54 минуты и прекратился в 13 часов 12 минут. <...> В 14 часов 53 минуты он возобновился и продолжался более трех часов. В городе разорвалось 288 снарядов, 20 человек убито, 147 ранено» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 503).

⁴³ Неустановленное лицо.

⁴⁴ Вольный пересказ диалога героев рассказа Г. де Мопассана «Два приятеля» (1883) в период Франко-прусской войны и осады Парижа: «И подумать только, что так будет всегда, пока будут существовать правительства! Г-н Соваж остановил его: – Республика не объявила бы войны... Но Мориссо продолжал: – При королях война идет с внешним врагом, а при республике – внутри страны».

⁴⁵ Речь идет о приказе Сталина от 1 мая 1943 г. Поздравив советский народ с праздником, верховный главнокомандующий призвал работать «слаженно и четко, как хороший часовой механизм, <...> беспощадно истреблять немецких захватчиков,

непрестанно гнать их с Советской земли». Красной Армии отдал приказ «закрепить и развить успехи зимних боев, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками» (Правда. 1943. 1 мая. № 112. С. 1).

⁴⁶ Русская Православная Церковь с первого дня войны заняла патриотическую позицию, выпустив ряд воззваний с призывом к защите родины. В блокадном Ленинграде обращение к Церкви, поддерживавшей духовные силы жителей, носило массовый характер. Религиозный фактор сыграл важную роль в обороне города, что сказалось и на отношении советского руководства к Церкви. Православным приходам Ленинграда даже выделялось некоторое количество вина и муки для причащения. По предложению Алексия I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), митрополита Ленинградского и Новгородского, с 1945 г. – Патриарха Московского и всея Руси, верующие Ленинграда уже с 23 июня 1941 г. начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и советского Красного Креста. В декабре 1942 г. по призыву Патриаршего Местоблюстителя Сергия в храмах начался сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Из собранной суммы, превышавшей 8 миллионов рублей, один миллион рублей перечислили верующие Ленинграда. Вносились также пожертвования на авиационную эскадрилью имени Александра Невского. 14 янв. 1943 г. митрополит Алексей направил Сталину телеграмму о взносе Ленинградской епархии в фонд обороны страны 3 182 143 руб., пожертвованиях ценными вещами, а также взносе на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского еще 500 тыс. руб. В ответной телеграмме Сталин благодарил верующих: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим ленинградской епархии – мой привет и благодарность Красной Армии за их заботу о Красной Армии» (Ленинградская правда. 1943. 16 янв. № 13. С. 1). 1 мая 1943 г. была введена новая «Инструкция об отнесении населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек». Служители культа, после революции 1917 г. причисленные к так называемым «лишенцам», были приравнены к советским служащим (*Шкаровский М.* Блокадное служение Патриарха Алексия (Симанского) // <http://www.spbda.ru/news/a-74.html>). В октябре 1943 г., впервые за все годы советской власти, за организацию патриотической деятельности в храмах города в период блокады митрополит Алексей с группой духовенства был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

⁴⁷ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 янв. 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» вместо треугольников, кубиков и ромбов на рукавах и петлицах были введены погоны – полевые и повседневные (Ленинградская правда. 1943. 7 янв. № 5. С. 1). Это сенсорное новшество должно было способствовать восстановлению исторической преемственности и русских традиций, укреплению авторитета командного состава армии и флота, установлению в них единоначалия. Размеры, рисунок советских погон в значительной степени повторяли формы погон царской армии. В это же время в официальный военный лексикон вернулось старорежимное «контрреволюционное» слово «офицер».

⁴⁸ В годы Великой Отечественной войны Президиумом Верховного Совета был учрежден ряд орденов и медалей: орден Отечественной войны двух степеней (20 мая 1942 г.), ордена Александра Невского, Михаила Кутузова, Александра Суворова (29 июля 1942 г.), медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда» (22 дек. 1942 г.), высшая военная награда СССР – орден «Победа» и солдатский орден «Слава» трех степеней (8 нояб. 1943 г.) и др. С весны 1942 г.

в газетах регулярно помещались списки награжденных, иногда занимавшие несколько полос.

⁴⁹ *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976) – писательница. Автор книг о блокаде Ленинграда «Рассказы о ленинградцах» (1944), «В осаде» (1947). С июля 1941 по октябрь 1942 г. возглавляла ленинградский Союз писателей вместо ушедшего на фронт Б. М. Лихарева. С 1942 г. – жена писателя-мариниста А. И. Зонина (1901–1962).

⁵⁰ Источник цитаты, возможно неточной, не выявлен. Информация об успешных налетах советской авиации на перечисленные города, оккупированные немецкими войсками, неоднократно появлялась в печати. См., в частности: Ленинградская правда. 1943. 16 мая. № 114. С. 1; 18 мая. № 115. С. 1. См. также примеч. 112, 113 к дневнику А. П. Крайского

⁵¹ Весной 1942 г. в блокадном Ленинграде началось устройство индивидуальных огородов и подсобных хозяйств на предприятиях. 19 марта Ленгорисполком принял решение о развитии индивидуального огородничества (Ленинградская правда. 1942. 28 марта. № 73. С. 2). Под огороды отводились городские сады, скверы, газоны, пустыри из расчета 100 кв. м на каждого члена семьи. Были предусмотрены организованная продажа населению семян и рассады, изготовление и продажа мелкого инвентаря, издание «Агроправил для индивидуального овощеводства», консультации по вопросам выращивания овощей и картофеля, организованные Музеем социалистического земледелия в ряде Домов культуры. Благодаря огородной кампании ленинградцы смогли обеспечить себя зеленью и запасами овощей на зиму. Поводом для суждения Е. П. Крайской о «лопнувших огородах» могли послужить критические публикации о просчетах в организации огороднической работы и плохом уходе за посевами. 27 июня, накануне дневниковой записи, в «Ленинградской правде» были помещены передовица «Уход за посевами – важнейшее дело каждого колхоза и совхоза» и заметка «Четко организовать труд на прополке (В подсобных хозяйствах районных трестов столовых)» о результатах проверочного рейда газеты (№ 151. С. 1, 2). См. также заметку «Уход за посевами решает судьбу урожая (В подсобных хозяйствах Василеостровского района)» о легкомысленном отношении к борьбе с насекомыми-вредителями (Ленинградская правда. 1943. 20 июня. № 144. С. 2).

⁵² Из стихотворения А. Крайского 1920-х гг. «Ты, мама, ты? – Да нет же, это – бред...» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 23, л. 69).

⁵³ Неточная цитата из стихотворения К. Бальмонта «К Бодлеру» (1899). Правильно: «Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин, / Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин, / Ты, между варваров заложник-властелин! / Ты, знавший Женщину, как демона мечты, / Ты, знавший Демона, как духа красоты, / Сам с женскою душой, сам властный демон ты!».

⁵⁴ Имеется в виду актриса *Наталья Георгиевна Волотова-Семенова* (урожд. Бруггер; псевд. Волотова; 1896–1982). С 1923 г. – жена писателя С. А. Семенова. В архиве Крайского хранятся ее письма поэту 1920–1922 гг. О Семенове см. примеч. 7, 104 к дневнику А. П. Крайского.

⁵⁵ Цитата из «Сонета» с посвящением «Н. В.» (Наталье Волотовой – Т. К.). Правильно: «И вот пройдена заветная стена... / И ужаса и радости полна, / Всегда изменчива и неизменна, / Бездонная, бескрайняя страна, / Моей души живая глубина, / Будь проклята и будь благословенна!» (*Крайский А. У города-разбойника*. Пг., 1922. С. 17).

⁵⁶ Неточная цитата из стихотворения Крайского 1923 г. «Я забыл, я ничего не помню...» с посвящением «Л. Б.» (Лиле Богдановой, тогда – невесте поэта. – Т. К.).

Правильно: «Выйду в мир, огромный и прекрасный, / И поверю в первый раз, / Что открылись не напрасно / Занавески утомленных глаз» (*Крайский А.* На панельных квадратах. Л., 1930. С. 48).

⁵⁷ В этот день, 25 июля 1943 г., «обстрел города начался с четырех утра и продолжался более двух часов. После перерыва последовал новый обстрел. Снаряды рвались с 7 часов 30 минут до 9 часов 53 минут. Обстрел, начавшийся в 10 часов, продолжался почти до полуночи. За день в Ленинграде разорвались 274 снаряда. 38 человек ранено, 14 убито» (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 550).

⁵⁸ Неустановленное лицо.

⁵⁹ 24 июля 1943 г. на площади у Финляндского вокзала убито 14, ранено 13 человек (*Буров А. В.* Блокада день за днем. С. 550).

⁶⁰ Цитата из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783), нередко приписываемая шекспировскому Отелло.

⁶¹ Эта трагедия произошла 8 авг. 1943 г. в воскресенье, когда в центре города было много народа. Записи об этом артобстреле есть в дневниках многих ленинградцев. В этот же день снаряд попал в трамвай около площади Искусств; погибли 23 пассажира.

⁶² Неустановленное лицо.

⁶³ 4 сент. 1943 г. в Кремле состоялся официальный прием Сталиным и Молотовым митрополитов Алексия Ленинградского, Николая Киевского, Местоблюстителя Патриаршего Престола Московского митрополита Сергия. Сталин дал согласие на созыв Архиерейского Собора, избрание Патриарха и образование Священного Синода. 8 сент. Архиерейский Собор, первый после 1918 г., единогласно избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия; был избран также Священный Синод при Патриархе. Эти события ознаменовали перелом в отношении к Церкви государства, искавшего пути консолидации общества в период войны.

⁶⁴ Италия, союзница нацистской Германии, официально вышла из войны 8 сент. 1943 г.

⁶⁵ Имеются в виду средние специализированные военные училища, предназначенные для подготовки юношей к обучению в высших военных и военно-морских училищах и дальнейшей офицерской службе. По постановлению СНК СССР от 21 авг. 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» были созданы 9 суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ.

⁶⁶ *Зонин Сергей Александрович* (1928–1998) – морской офицер, капитан первого ранга, автор книг о Военно-Морском Флоте. Сын писателя А. И. Зонина. Как и Светлана Крайская, был эвакуирован Литфондом с детьми ленинградских писателей в г. Гаврилов Ям Ярославской области, затем в деревню Черная в Пермском крае. См. его воспоминания об отце: *Зонин С. А.* Из того поколения. Воспоминания. История семьи Кетлинских / Подгот. архивных материалов к публ. О. Ю. Шилиной // Альманах XX век. СПб., 2011. Вып. 3. С. 85–95. См. также примеч. 49 к дневнику Е. П. Крайской и примеч. 53 к дневнику А. П. Крайского.

⁶⁷ Имеется в виду Сталин.

⁶⁸ Операция по освобождению Смоленска началась 7 авг. 1943 г., 25 сент. город был освобожден. См. также примеч. 21 к дневнику А. П. Крайского.

⁶⁹ Новороссийск освобожден 16 сент. 1943 г., Полтава – 22 сент., Харьков – 23 авг. (см. также примеч. 105, 125 к дневнику А. П. Крайского).

⁷⁰ Цитата из поэмы Крайского «Я или ты» (РО ИРЛИ, ф. 837, № 23, л. 29). В опубликованной редакции эта строфа отсутствует (Накануне. Литературное приложение. Берлин. 1922. 3 сент. № 16. С. 1–2).

⁷¹ См. примеч. 71 к дневнику А. П. Крайского.

⁷² Неустановленное лицо.

⁷³ Точное число жертв блокады неизвестно. На Нюрнбергском процессе фигурировало число 649 000 человек; 632 253 человека умерли от голода, 16 747 человек погибли при бомбежках и артобстрелах. Современные исследователи указывают цифры — от 800 тысяч до 1,5 миллионов человек.

⁷⁴ Цитата из стихотворения А. Ахматовой 1921 г. «Не бывать тебе в живых»: «Не бывать тебе в живых, / Со снегу не встать. / Двадцать восемь штыковых, / Огнестрельных пять. / Горькую обновушку / Другу шила я. / Любит, любит кровушку / Русская земля».

⁷⁵ В ноябре 1943 г. в газетах регулярно печатались сообщения о налетах авиации союзных государств на немецкие города. По-видимому, в дневнике речь идет о бомбежке Берлина английской авиацией в ночь на 26 и 27 нояб. и бомбежке северо-западной Германии и Бремена американской авиацией днем 26 нояб. (Ленинградская правда. 1943. 27 нояб. № 280. С. 2; 28 нояб. № 281. С. 4).

⁷⁶ На ул. Канонерской, д. 3 размещался морг Октябрьского района.

⁷⁷ Очевидно, речь идет о визите в Москву 11 дек. 1943 г. президента Чехословацкой Республики Эд. Бенеша, в честь которого был дан обед у председателя Верховного Совета СССР М. И. Калинина (Ленинградская правда. 1943. 12 дек. № 294. С. 1). 12 дек. в Москве был подписан договор между СССР и Чехословацкой Республикой о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве (Там же. 14 дек. № 296. С. 1).

⁷⁸ Имеется в виду Сталин.

⁷⁹ Эта трагедия произошла 22 дек. 1943 г., в 19 часов 48 минут на Невском проспекте, недалеко от Литейного проспекта. Убито и ранено 98 человек. Всего в тот день по Ленинграду было выпущено 120 снарядов, убито и ранено 150 человек (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 631).

⁸⁰ Фраза из прокламации Гитлера, произнесенной от его имени Геббельсом 30 янв. 1943 г. в Берлине на праздновании 10-й годовщины прихода к власти нацистской партии: «После этой войны не будет победителей и побежденных, будут лишь выжившие и уничтоженные» (*Штайнер М.* Гитлер // http://books.google.ru/books?id=GaG5AAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gs_atb#v=onepage&q&f=false). Это высказывание Геббельс повторил в своей речи о тотальной войне 18 февр. 1943 г.: «Фюрер был прав, когда сказал, что по ее окончании не будет победителей и побежденных, а будут живые и мертвые» (<http://hedbrook.vho.org/library/goebbels4.htm>).

⁸¹ 19 янв. 1944 г. войска Ленинградского фронта освободили Красное Село, 20 янв. в районе Ропши соединились войска 2-й ударной и 42-й армий; Петергофско-Стрельнинская группировка немцев была разгромлена. 20 янв. войска Волховского фронта освободили Новгород. 21 янв. освобождена станция Мга, через которую 29 авг. 1941 г. ушли два последних эвакопоезда (Буров А. В. Блокада день за днем. С. 654–656).

⁸² Блокадное кольцо было прорвано 18 янв. 1943 г. на южном побережье Ладожского озера, у Синяино, что позволило восстановить сухопутную связь с Ленинградом. В дневнике речь идет о полном снятии блокады 27 янв. 1944 г. В этот день, в 19 часов 45 минут, по радио был оглашен приказ командующего Ленинградским фронтом генерала Л. А. Говорова и членов Военного Совета А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, Н. В. Соловьева, начальника штаба фронта Д. Н. Гусева о разгроме немецких войск, осаждавших Ленинград. В 20 часов в городе был дан праздничный салют (Ленинградская правда. 1944. 28 янв. № 24. С. 1).

⁸³ Цитата из стихотворения А. Крайского «На проспекте Октября» (1922) с посвящением «Л. Б.» (Е. П. Крайской). Опубл.: На панельных квадратах. Л., 1930. С. 59–60.

⁸⁴ Речь идет об агитации в члены ВКП(б) актеров ЛБДТ. Судя по тому, что перечисленные далее актеры одновременно работали в театре с конца 1930-х гг., описываемый сюжет относится к этому периоду.

⁸⁵ *Бабочкин Борис Андреевич* (1904–1975) – художественный руководитель ЛБДТ, возглавлял театр в 1938–1940 гг.

⁸⁶ *Казико Ольга Георгиевна* (1900–1963) – актриса, педагог. Народная артистка РСФСР (1956). С 1927 г. и до конца жизни работала в ЛБДТ, была одной из ведущих актрис. Преподавала в Ленинградском театральном институте, с 1952 г. – доцент, заведующая кафедрой «Сценическая речь».

⁸⁷ *Никритина Анна Борисовна* (1900–1982) – актриса, заслуженная артистка РСФСР (1934). Жена поэта А. Б. Мариенгофа. С 1928 по 1962 г. работала в ЛБДТ.

⁸⁸ *Грановская Елена Маврикиевна* (1877–1968) – актриса. Народная артистка РСФСР (1944), лауреат Сталинской премии третьей степени (1951). С 1939 г. работала в ЛБДТ.

⁸⁹ *Богдановский Алексей Александрович* (1869–1952) – актер. Заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951). С 1930-х гг. работал в ЛБДТ. Двоюродный брат Е. П. Крайской. В письмах дочери в эвакуацию А. П. Крайский советует ей написать Богдановским: «Может быть, они раскошелятся, пришлют тебе кое-что?» (из письма от 20 июля 1941 г.: РО ИРЛИ, ф. 837, № 157, л. 6 об.).

⁹⁰ *Лариов Александр Иосифович* (1890–1960) – актер. С 1925 г. и до конца жизни работал в ЛБДТ. С 1943 г. – член ВКП(б).

⁹¹ *Софронов Василий Яковлевич* (1884–1960) – актер. Народный артист СССР (1956), лауреат Сталинской премии (1951). Был одним из организаторов ЛБДТ (1918), где работал до конца жизни.

⁹² В феврале–апреле 1944 г. шли ожесточенные бои под Нарвой, где немецкими войсками был оборудован хорошо укрепленный плацдарм. Советские войска добились локальных успехов и захватили небольшой плацдарм. От удержания этого плацдарма зависело дальнейшее продвижение через Эстонию к Финскому заливу. В сводках Совинформбюро последнее сообщение о ситуации под Нарвой опубликовано 5 марта, до конца месяца официальные сведения в газетах не появлялись. 26 июля 1944 г. Нарва была освобождена.

⁹³ В 1941–1944 гг. финские войска участвовали в блокаде Ленинграда на северном направлении. Последнее вторжение финской авиации в воздушное пространство Ленинграда произошло в ночь с 3 на 4 апр. 1944 г. и было успешно отражено. Весной 1944 г. Финляндия вела переговоры с СССР о выходе из войны, но финская сторона отклонила условия, предложенные Советским Союзом, как нарушающие самостоятельность Финляндии. «У нынешней Финляндии нет государственной самостоятельности. Она потеряла ее с того момента, когда впустила немецкие войска на свою территорию, – говорилось в ноте правительства СССР от 22 апр. 1944 г. о советско-финских отношениях. – Теперь дело идет о том, чтобы восстановить утерянную самостоятельность Финляндии путем изгнания немецких войск из Финляндии и прекращения военных действий» (О советско-финских отношениях (На пресс-конференции в Наркоминделе СССР) // Правда. 1944. 23 апр. № 98. С. 1). Финляндия вышла из войны с СССР с заключением договора о перемирии, подписанного 19 сент. 1944 г. в Москве. См. также примеч. 69 к дневнику А. П. Крайского.

⁹⁴ Звание и орден «Мать-героиня», орден «Материнская слава» трех степеней, «Медаль материнства» двух степеней учреждены Указом Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. Статут, положение и описание орденов и медали утверждены 18 авг. 1944 г. (Известия. 1944. 19 авг. № 197. С. 1).

⁹⁵ Далее вклеена газетная вырезка из «Ленинградской правды» (1944. 20 авг. № 199. С. 2) с изображением орденов «Мать-героиня», «Материнская слава» I степени, медали «Медаль материнства» I степени.

⁹⁶ Неточная цитата одного из высказываний Евгения Базарова, героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862): «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта».

⁹⁷ *Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873–1945) – писатель. Автор романов «Ватага», «Угрюм-река», исторической эпопеи «Емельян Пугачев». Находился в блокадном Ленинграде до 1 апр. 1942 г., писал рассказы и статьи для фронтовой газ. «На страже Родины», выступал по радио, в красноармейских клубах и офицерских собраниях, работал над романом «Емельян Пугачев». Эвакуирован в Москву. «Думаем остаться в Москве до конца войны, – писал он Л. И. Раковскому. – Томашевские, живущие пока тоже в гостинице, также думают оставаться в Москве. Мы из Ленинграда выехали 1-го апреля автобусом через озеро, а на ст<анции> Лаврово сели в отдельный вагон с академиком Орбели (ему дали до Тифлиса) и 12-го были в Москве. Ехали через Вологду, до Александровска, что в 100 верст<ах> от Москвы» (из письма от 29 мая 1942 г.: РНБ, ф. 1203, № 1355, л. 15). В марте 1945 г. СНК СССР принял постановление «Об увековечении памяти писателя Вячеслава Яковлевича Шихова» (Литературная газета. 1945. 24 марта. № 13. С. 1). В 1946 г. награжден посмертно Сталинской премией первой степени за роман «Емельян Пугачев».

⁹⁸ Родственник Е. П. Крайской.

⁹⁹ Неточная цитата из тоста Сталина на приеме в Кремле в честь участников парада Победы 25 июня 1945 г. Правильно: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают „винтиками“ великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо „винтик“ разладился – и кончено. Я подымаю тост за людей простых, обычных, скромных, за „винтики“, которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей» (Правда. 1945. 27 июня. № 152. С. 2).

¹⁰⁰ Имеется в виду Сталин.

¹⁰¹ Вольный пересказ тоста Сталина за здоровье русского народа, произнесенного на банкете 24 мая 1945 г. в Большом Кремлевском Дворце в честь командующих войсками Красной Армии: «Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!» (Правда. 1945. 25 мая. № 124. С. 1).